

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА
ТОМ 10 • № 1 • 2018 • ЯНВАРЬ—МАРТ

СОДЕРЖАНИЕ

Диалог поколений

- Громыко Ан.А., Громыко Ал.А. Демократический мировой
правопорядок: утопия или реальность? 5

Слово практикам

- Белоконь С.П. Оценивание состояния национальной и воен-
ной безопасности России: установленный порядок и возмож-
ные пути совершенствования 20

История международных отношений и внешней политики

- Сергеев Е.Ю. Советско-британские отношения на рубеже 1917–
1918 гг.: ключевые проблемы и нереализованные возможности 42

Мировой порядок в XXI веке

- Истомин И.А. Особенности междержавной конкуренции в ус-
ловиях взаимозависимости 72

Международная безопасность

- Веселов В.А. Смена «ядерных веков»: стратегическая стабиль-
ность и контуры нового мирового порядка 102

Региональные проблемы мировой политики

Благовещенский Р.И. Евроскептицизм во Франции: история и современность 142

«Мягкая сила» в мировой политике

Белов С.И. Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы» . . 165

Moscow University Journal of World Politics

ISSN 2076-7404

Vol. 10 • No. 1 • WINTER • 2018

CONTENTS

Dialogue between Generations

- Gromyko An.A., Gromyko Al.A. Global Democratic World
Order: Utopia or Reality? 5

Insights from Policy Practitioners

- Belokon' S.P. Assessing National and Military Security of Russia:
Established Procedure and How to Improve It 20

History of International Relations and Foreign Policy

- Sergeev E.Yu. The Soviet-British Relations at the Turn of 1917/1918:
Key Issues and Untapped Opportunities 42

World Order in the XXI Century

- Istomin I.A. Rivalry between the Leading Powers in the Context of
Global Interdependence 72

International Security

- Veselov V.A. At the Turn of the Nuclear Ages: Strategic Stability and
Contours of a New World Order 102

Regional Issues of World Politics

Blagoveshchenskii R.I. Euroscepticism in France: Past and Present. . 142

‘Soft Power’ in World Politics

Belov S.I. Methods of Measuring ‘Soft Power’ 165

ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ

Ан.А. Громько, Ал.А. Громько*

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИРОВОЙ ПРАВОПОРЯДОК: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Европы Российской академии наук»,
125009, Москва, Моховая ул., 11, стр. 3*

Хаотизация международных отношений, наблюдаемая в последние годы, способствовала заметной активизации в политическом, экспертном и академическом дискурсе дебатов о судьбе мирового порядка в XXI в. В центре дискуссий находятся не только проблемы изменения конфигурации центров силы после окончания эпохи биполярности, но и нормативно-правовые основы мироустройства, подвергающиеся эрозии. Предлагаемый очерк вносит вклад в осмысление этих важнейших вопросов. Представители двух поколений российских ученых-международников — Анатолий Андреевич Громько (1932–2017) и Алексей Анатольевич Громько — размышляют о главных угрозах миру и точках опоры, которые необходимы для того, чтобы человеческая цивилизация выжила. В очерке рассматриваются: контроль над вооружениями, в первую очередь над оружием массового поражения; институт государства-нации, сохраняющий свое значение в эпоху глобализации, роста взаимозависимости и усиления позиций негосударственных субъектов; примат «силы права, а не права силы», воплощенный в Уставе ООН; и, наконец, ответственность великих держав за мировое регулирование и поддержание стабильности. Задаваясь вопросом о перспективах демократического мирового правопорядка, авторы приходят к выводу о том, что идея его создания не утопична в том случае, если удастся избежать «новой холодной войны» и логики «игры с нулевой суммой».

Ключевые слова: правопорядок, сила права, право силы, оружие массового поражения, терроризм, государства-нации, «холодная война», ООН.

* **Громько Анатолий Андреевич** (1932–2017) — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова; **Громько Алексей Анатольевич** — член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор Института Европы РАН (e-mail: alexey@gromyko.ru).

Мировое сообщество живет и действует в условиях погони за концепциями мирового порядка, многие из которых, возникнув на горизонте дипломатии и общественных наук [см. подробнее: Громыко Ан.А., 2014b; Солянова, 2016; Шаклеина, 2015], затем быстро забываются. Эти поиски неразрывно связаны с изменением баланса сил в мировой политике. Однако помимо соотношения потенциалов великих держав стержневую роль в развитии международной системы и поддержании ее жизнеспособности играет сила права, воплощенная в ООН и ее Уставе.

В этой связи вспоминается одна история. В 2009 г. Ан.А. Громыко был дважды приглашен в Соединенные Штаты Америки на мероприятия, посвященные 100-летию Андрея Андреевича Громыко. Важная часть дипломатической жизни советского министра прошла именно там в качестве советника, а позже посла СССР в Вашингтоне, представителя Советского Союза при Организации Объединенных Наций¹.

В июле в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке в честь юбилея состоялся круглый стол, в котором приняли участие дипломаты и ученые из многих стран. Среди них, конечно, была и группа российских дипломатов во главе с В.И. Чуркиным, блестящим руководителем российского постоянного представительства при ООН². Виталий Иванович, в частности, обратил внимание собравшихся на то, что особенно актуально наследие А.А. Громыко, связанное с режимом ограничения вооружений³.

Затем в ноябре в Вашингтоне в честь памятной даты прошла конференция «Американо-российские отношения: уроки ответственного взаимодействия». Ее организаторами выступили посольство РФ в США и Институт имени Дж. Кеннана при Международном научном центре имени В. Вильсона. Открывавший ее посол России в США Сергей Иванович Кисляк⁴ отметил, что у советского министра была трудная работа в трудные времена и в трудном

¹ А.А. Громыко занимал должность советника Полномочного Представительства СССР в США с 1939 по 1943 г., посла СССР в США – в 1943–1946 гг., в 1946–1948 гг. одновременно занимал посты заместителя министра иностранных дел и постоянного представителя СССР при ООН. – *Прим. ред.*

² В.И. Чуркин занимал должность постоянного представителя Российской Федерации при ООН и в Совете Безопасности ООН с 8 апреля 2006 г. до своей смерти 20 февраля 2017 г.

³ В штаб-квартире ООН в Нью-Йорке отметили 100-летие со дня рождения Андрея Громыко // Вести.Ру. 14.07.2009. Доступ: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=301646> (дата обращения: 20.08.2017).

⁴ С.И. Кисляк занимал должность Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в США с 26 июля 2008 г. по 21 августа 2017 г., в настоящее время является членом Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – *Прим. ред.*

окружении. «Громыко пытался построить более надежный, предсказуемый, стабильный мир. С советской стороны он разрабатывал Устав ООН, помог заключить многие соглашения по сокращению вооружений – они и сейчас являются моделью для тех, кто пытается предотвратить распространение оружия массового уничтожения», – подчеркнул посол России⁵.

На обеих встречах выступил и патриарх американской дипломатии Генри Киссинджер, к которому в Вашингтоне присоединился бывший посол в СССР и России Джон Мэтлок⁶. На вопрос, как удавалось в то время достигать такого значительного количества важных для СССР и США соглашений, Г. Киссинджер ответил: «Мы тогда знали, в рамках каких правил будем работать». В период «холодной войны», по крайней мере на том ее этапе, когда осуществлялось активное взаимодействие между Андреем Громыко и Генри Киссинджером, ведущие дипломаты двух стран в отношениях друг с другом опирались на понимание того, что существовали признанные Белым домом и Кремлем нормы, правила, что можно использовать для достижения взаимовыгодных компромиссов какие-то накатанные треки, что они могут доверять другой стороне, а если достигнута договоренность, гласное или негласное соглашение, то его будут придерживаться.

Эта, казалось бы, простая фраза Г. Киссинджера в контексте нынешних российско-американских отношений выглядит почти как откровение. В каком направлении мир движется сейчас, в какой момент международных отношений и мировой политики мы находимся, почему многих из нас охватывают тревожные чувства и какие точки опоры мы должны использовать, чтобы не допустить глобальной катастрофы?

Ограничение оружия массового поражения – приоритет номер один

В настоящее время мир живет во власти двух сил. Первая – хаос, который грозит международным отношениям и всем нам; вторая – растущая взаимозависимость. Хаос усиливается на Ближнем и Среднем Востоке, в Северо-Восточной Азии, на больших пространствах Африки, но содрогается вся Европа, растут риски для России. Старый Свет испытывает громадное давление в связи с наплывом

⁵ Купчинецкая В. Генри Киссинджер вспоминает Андрея Громыко // Голос Америки. 17.11.2009. Доступ: <https://www.golos-ameriki.ru/a/gromyko-legacy-2009-11-17-70339262/663114.html> (дата обращения: 20.08.2017).

⁶ Джек Мэтлок был послом США в СССР при администрациях Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего в период с 6 апреля 1987 г. по 11 августа 1991 г. – *Прим. ред.*

беженцев, всё чаще и кровавее становятся террористические акты, направленные против европейцев и подчас устроенные самими европейцами [см. подробнее: Потемкина, 2017].

Как бы ни были важны все без исключения глобальные проблемы, миру людей в первую очередь по-прежнему угрожает ядерное оружие, в целом оружие массового поражения (ОМП), которому Андрей Андреевич Громыко неизменно уделял самое пристальное внимание. Свое последнее обращение к Объединенным Нациям в качестве министра иностранных дел СССР⁷ в сентябре 1984 г. он закончил призывом сделать всё, чтобы ядерное оружие было ликвидировано. Это исторический факт.

Однако эта тема настолько сложная, что даже позиция России по сравнению с позицией Советского Союза претерпела определенную эволюцию. Мы уже перестали говорить о том, что никогда не применим первыми ядерное оружие⁸. На это есть причины. Можно сослаться, например, на американцев: уже не раз мелькали сообщения о том, что люди в окружении Д. Трампа и он сам в том или ином контексте заявляли о возможности нанесения ядерного удара⁹. И всё же это чрезвычайно тревожная тенденция.

Представляется, что угроза применить ядерное оружие, неважно — первыми или вторыми, не имеет никакого практического смысла, кроме устрашения. Если речь идет о войне между ядерными державами, то конец для обеих сторон неминуем. Однажды табу на применение атомной бомбы было снято — это случилось в 1945 г. в Японии: 6 сентября была испелелена Хиросима, а спустя три дня — Нагасаки. С тех пор так и не было доказано, что те массовые убийства мирного населения были оправданны. Наоборот, с высоты истории и с учетом данных архивов всё меньше оснований верить в то, что единственный случай применения атомного оружия помог выиграть войну или заставил противника капитулировать¹⁰. Но даже без пропагандистской шелухи о победе над Японией с помощью

⁷ Выступления глав делегаций СССР, Российской Федерации на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций: Сборник документов. М.: Международные отношения, 2006.

⁸ Военная доктрина Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 25 декабря 2014 г. // Российская газета. 30.12.2014. Доступ: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 15.08.2017).

⁹ Агамалова А., Климентьева Л. Трамп заявил о готовности США использовать «ядерные возможности» против КНДР // Ведомости. 04.09.2017. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/09/04/732163-ssha-oruzhie> (дата обращения: 15.09.2017).

¹⁰ Wilson W. The bomb didn't beat Japan... Stalin did. Have 70 years of nuclear policy been based on a lie? // Foreign Policy. 30.05.2013. Available at: <https://foreignpolicy.com/2013/05/30/the-bomb-didnt-beat-japan-stalin-did> (accessed: 10.09.2017).

супербомб «Малыш» и «Толстяк» людям с нормальной психикой должно быть ясно, что нет ни морального, ни утилитарного оправдания убийства гражданских лиц, причем массового, с помощью ОМП.

Сегодня в отношениях между великими державами господствует конфронтация, в лучшем случае – возрастающее соперничество. Всё больше горячих голов раскручивают тему неизбежности такого противостояния. В этой ситуации необходимо сохранять трезвость суждений. Одно из них состоит в том, что даже после всех сокращений вооружений Россией и Соединенными Штатами в последние десятилетия их военная мощь, как, впрочем, и других ядерных держав, столь велика, что думать о способности пережить Третью мировую войну было бы в высшей мере безответственно и даже преступно.

Национальное государство – основные угрозы

Другой точкой опоры помимо ограничения вооружений и мирного урегулирования споров, недопустимости применения ОМП служит институт национального государства. Мировая политика по-прежнему осуществляется в основном государствами, хотя, бесспорно, кроме них в XX в. в большую политику вошли и другие игроки, в первую очередь транснациональные корпорации и крупные неправительственные организации. Однако параллельно идет процесс дезинтеграции многих государств, причем подчас подталкиваемый внешними «доброжелателями». Но, конечно, далеко не всегда. Распространенная причина – неспособность эффективно распорядиться обретенной во второй половине XX в. свободой и справиться с наследием колониального прошлого, преодолеть проблемы, доставшиеся в результате распада Оттоманской и европейских империй.

Что касается внешнего давления с целью переформатировать те или иные государства, лишить их части суверенитета или полностью подчинить, то в ответ на это население тех стран, над которыми ставятся эксперименты, начинает оказывать сопротивление. Данное явление требует к себе особого внимания. Например, методом такой дезинтеграции может становиться объявление ряда государств изгоями, что открывает возможности для применения по отношению к ним любых методов воздействия. Реакцией на внешнее вмешательство становится радикализация общества, на первый план выходят экстремистские и террористические организации. Пример Ливии в этом отношении показателен. Государство можно разрушить, но взамен ничего, кроме попыток воссоздания всё того же государства, разрушители не придумали. Даже там, где эффективной

и жизнеспособной власти нет, великие державы предпочитают называть свои де-факто протектораты государствами.

Другим примером высокой сопротивляемости государства-нации политике его десоверенизации является современная история Европейского союза. Идея делегирования части суверенных полномочий наднациональным структурам имеет свои убедительные зоны, в первую очередь понимание того, что в современном мире необходимо объединять усилия для решения транснациональных и глобальных проблем. Но после своего создания наднациональные органы власти, как любая бюрократия, начинают не только воспроизводить себя, но и стремиться к расширению своих полномочий. Результатом этой закономерности стали «восстание» евроскептиков в одном из ведущих членов ЕС – Великобритании и последующий Брекзит [см. подробнее: Бабынина, 2016; Худолей, Еремина, 2017]. Ошибаются те, кто считает это случайным явлением: случайностей такого масштаба в истории не бывает. «Плавильный котел» устроить можно, о чем свидетельствует опыт многих империй и стран, но только в рамках федераций, квазифедераций и многонациональных государств. Однако сделать нечто подобное из уже существующих и в большинстве своем древних наций оказалось не под силу даже ЕС.

После террористической атаки на башни-близнецы в Нью-Йорке в мировой политике в очередной раз верх взял крайне вредный лозунг: «Кто не с нами, тот против нас»¹¹, который никак не сочетается с силой права, основанной на Уставе ООН. Даже такой лояльный США субъект международных отношений, как ЕС, столкнулся с почти неприкрытым диктатом, в том числе в виде стремления Вашингтона использовать экстерриториальное применение своего национального права для продвижения на мировой арене американских бизнес-интересов¹². Этот пример служит еще одним доказательством того, что тон в мировой политике продолжают задавать национальные государства – «с собственными национальными интересами, в том числе интересами национальной безопасности» [Кокошин, 2015: 9], а те, кто стремится создать новых субъектов международных отношений на базе отказа от концепции государства-нации, не могут этому эффективно противостоять.

Темные стороны скрывает в себе и революция в СМИ. В ее результате сегодня информацию о том, что происходит по всему

¹¹ Буквально – «либо вы с нами, либо на стороне террористов». См. подробнее: Кто не с нами, тот против нас, заявил Буш // Известия. 21.09.2001. Доступ: <https://iz.ru/news/252080> (дата обращения: 12.12.2017).

¹² Санкции США могут отрицательно влиять на участие иностранцев в проектах «Газпрома»// ТАСС. 29.11.2017. Доступ: <http://tass.ru/ekonomika/4770649> (дата обращения: 12.12.2017).

миру, могут получать жители самых беднейших стран и в самых дальних уголках планеты. В том числе они узнают и то, что социальное неравенство в мире растет, что многие богатые государства лишь усугубляют конфликты в странах бедных, вместо того чтобы помогать им их урегулировать, что прослойка супербогатых становится еще богаче.

О социально-экономических факторах сейчас говорят нечасто. Но ведь терроризм невозможно уничтожить не только потому, что это, как правило, терроризм одиночек или небольших групп экстремистов, возникновение которых трудно проследить. Проблема в том, что терроризм подпитывает постоянная информация о благополучии одних и о страданиях других.

Фанатизм и неистребимое желание сражаться в рядах террористических организаций объясняются не только материальными соображениями. Да, среди боевиков много наемников, профессиональных любителей повоевать, но не меньше среди них и тех, кто вырос в нищете, давно потерял всякую надежду добиться чего-то нормальными способами, людей без образования, но разъяренных несправедливостью мира, в том числе мстящих за смерть близких в результате действий различных международных военных коалиций. Оправдать поступки террористов нельзя, но необходимо понимать их мотивацию, иначе по-настоящему бороться с этим явлением невозможно.

Революция в средствах связи и СМИ на этом фоне подпитывает подобные настроения, мало способствуя изменению ситуации в лучшую сторону. Правда состоит в том, что внедрение новых технологий далеко не всегда помогает миру бедных и развивающихся стран выйти из нищеты и бедности, в которых они живут, а, напротив, может усугублять социальный протест. Правда и то, что современная модель глобализации, внедренная в мировом масштабе в первую очередь усилиями англосаксонского мира, порождает не только богатство, но и бедность, ведет к увеличению социального неравенства даже в самих странах «золотого миллиарда»¹³.

Этим обусловлен и феномен «нового популизма», включая евроскептицизм, — прямое следствие явления, неожиданного для общества благосостояния [Громыко, 2016а, 2016б]. Неожиданного — поскольку сторонники неолиберальной экономической теории и практики времен тэтчеризма и рейганомики еще не так давно были убеждены, что найдены волшебные рецепты решения проблем экономических кризисов, инфляции и безработицы [Bootle, 1997].

¹³ Leonhardt D. The American dream, quantified at last. Sunday review // The New York Times. 08.12.2016.

Но затем оказалось, что неолиберальная модель глобализации нуждается в замене. В чем-то она способствовала развитию глобальных рынков в 1980–1990-е годы в интересах значительных масс населения в постиндустриальных и в ряде развивающихся стран, включая Китай, но ко второй половине 2000-х годов она выработала свой ресурс, стала тормозом на пути подведения под становящимся полицентричным мир соответствующей более справедливой экономической базы. Мировой финансовый и экономический кризис 2007–2009 гг., его последствия стали ярким тому подтверждением.

Организация Объединенных Наций и ответственность держав

Следующая точка опоры — это Организация Объединенных Наций. Мы из года в год отмечаем великий праздник 9 мая, но только специалисты помнят две другие даты: 26 июня 1945 г., день подписания Устава ООН, и 24 октября, день вступления Устава в силу (с 1947 г. — День Объединенных Наций). Эти события ознаменовали становление нового мироустройства, сердцевиной которого являются ООН и современное международное право. С позиций нашего времени в очередной раз убеждаешься, что военная победа, освободившая нашу страну и другие государства от нацизма, не в меньшей степени способствовала и установлению новых правил мирового общежития с опорой на силу права, олицетворенную Уставом ООН.

Символом Победы стало красное знамя над Рейхстагом (кстати, красных знамен там было много), это было грандиозное, героическое явление. Но таким же символом, без которого последствия этой победы могли бы ограничиться ее военным значением, стали ООН и огромного масштаба работа, предпринятая под ее эгидой для упорядочивания мира и недопущения новой большой войны. В этом смысле День ООН как победа дипломатическая заслуживает празднования, сравнимого с 9 мая — Днем победы военной. Устав ООН — это неотъемлемая часть праздника Победы, разгрома фашизма, армии, которая до столкновения с советской считалась непобедимой.

Создать ООН мирными средствами было не легче, чем нанести поражение врагу на театре боевых действий. В этом политическом и дипломатическом сражении, слава Богу, не было военных жертв. Но эта победа здравого смысла и мудрость победителей, бесспорно, спасли мир, в первую очередь Европу, от новых неисчислимых бед и трагедий. В этом и большая заслуга Андрея Громыко, руководителя

делегации СССР в Думбартон-Оксе, а затем в Сан-Франциско после отъезда Вячеслава Молотова в Москву (Молотов возглавлял советскую делегацию с 25 апреля по 8 мая).

Фундаментальные основы международного права сформулированы в статье первой о целях Организации Объединенных Наций и статье второй – о принципах¹⁴, за которые наша страна положила на алтарь Победы 27 миллионов человеческих жизней. И эти принципы нашли общемировое признание. Прошло 25 лет после взятия Рейхстага, и в 1970 г. на своей 25-й сессии Генеральная Ассамблея расширила их толкование, приняв резолюцию 2625 (XXV) от 24 октября 1970 г.¹⁵

Принципы, на которых создана Организация Объединенных Наций, – это точки опоры не просто порядка, а правопорядка. Всё можно изменять, любую норму можно улучшать, но те основы мирового устройства, которые были выстраданы человечеством в результате самой страшной войны в его истории, должны оставаться неизменными. Однако если в угоду сиюминутным выгодам и в погоне за былым величием начать крошить эти принципы, ставить их под сомнение, использовать ООН для сведения геополитических счетов с другими членами Совета Безопасности, то исходом такой политики может стать лишь расшатывание системы международной безопасности. Это и происходит в последнюю четверть века небывалыми – даже по сравнению с периодом «холодной войны» – темпами, несмотря на искреннее, пусть и наивное желание России в 1990-е годы встроиться в кильватер Запада, а затем, в начале прошлого десятилетия, – наладить взаимовыгодное партнерство с США и их союзниками [см. подробнее: Богатуров, 2007].

Осмысление послевоенной истории ставит крайне важный вопрос о суверенности и независимости. Подчинение своей внешней политики интересам иностранной державы ведет к размыванию суверенитета, к постепенному фактическому подавлению одного государства другим. Правительства этих стран могут по инерции заявлять, что они принимают решения, руководствуясь свободным выбором и союзническими обязательствами, но на деле за этим стоит именно подчинение.

¹⁴ Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда. Нью-Йорк: Деп. обществ. информ. ООН, 1994.

¹⁵ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 15.09.2017).

Конечно, суверенитет не означает автаркию, напротив, для его отстаивания необходимы самая активная внешняя политика и взаимодействие с широчайшим кругом субъектов международных отношений. Но государство должно четко понимать, где заканчиваются его национальные интересы и начинаются интересы других. По крайней мере, такое поведение свойственно великим державам, которым нет резона платить за обеспечение своей безопасности уступкой части своей суверенности в пользу «большого брата».

Это подводит нас к разговору о другом важнейшем институте мировой политики – ответственности правящих элит наиболее влиятельных государств друг перед другом. Как охарактеризовать положение вещей, когда пока еще крупнейшее по многим параметрам государство мира отказывается выстраивать нормальные отношения с другим государством, которое в случае военного конфликта может уничтожить его, и, более того, делает всё, чтобы антагонизировать своего оппонента? Разве такая политика (например, сделанное Б. Обамой сравнение России с вирусом Эбола или запрещенной на территории РФ террористической организацией «ИГИЛ»¹⁶) достойна государства, считающего себя великим? Подобное «ребячество» имеет самые негативные и разрушительные последствия для мировой стабильности и безопасности. Франклин Делано Рузвельт, да и многие последующие президенты США расценили бы такую политику как в высшей степени несерьезную.

Мировая политика балансирует между силой права и правом силы. Хрупкое соотношение «жесткой», военной силы и силы компромисса, дипломатии характеризует состояние международных отношений, и надо признать, что дипломатия и «мягкая сила» в настоящее время находятся в оборонительной позиции [см. подробнее: Громыко А.А., 2014а].

Отношения Востока и Запада продолжают катиться по наклонной плоскости, и никаких серьезных дипломатических прорывов в обозримом будущем не просматривается. При этом под Востоком имеется в виду не только Россия, но и Китай. Противостояние Вашингтона с Пекином сегодня не носит такого острого характера, как с Москвой, но по сути американская военная стратегия, как, впрочем, и экономическая, направлена на долгосрочное противоборство именно с Поднебесной. Внимание всего мира в последнее время приковано в основном к конфликту США с Россией, однако при серьезном анализе поведения Соединенных Штатов нельзя

¹⁶ Обама назвал мировыми угрозами Эболу, действия России и террористов ИГ // РИА Новости. 24.09.2014. Доступ: <https://ria.ru/world/20140924/1025469848.html> (дата обращения: 10.08.2017).

забывать, что идеологически главный противник для них – это коммунистический Китай, государство с однопартийной системой и ВВП, составляющим 20% общемирового, а не Россия, уже давно перешедшая на капиталистические рельсы и имеющая несравненно меньшую экономику. Заметим, что и военный бюджет Китая (более 150 млрд долл. США в 2017 г., по официальным данным)¹⁷ уже в несколько раз превышает российский¹⁸, и разрыв между ними будет, судя по всему, расти.

Существуют ли в мировой политике «точки невозврата»? Главным вызовом для всего человечества следует, безусловно, считать угрозу самому его выживанию. По нашему мнению, такая угроза становится реальной, когда мы говорим о природе, состоянии окружающей среды, экологии, Земле и космосе. Земля, наш общий дом, постепенно дряхлеет. Люди – хрупкие существа, которые могут существовать только в тончайшем, по сравнению с размером Земли, слое атмосферы. За его пределами – не романтический космос, которым мы любуемся темными ночами, а глубоко враждебная среда, требующая громадных затрат для защиты жизни космонавтов.

На фоне действительно глобальных для человечества и животрепещущих проблем и угроз недопустимой роскошью предстает неспособность великих держав вернуть в отношения между собой политическое доверие. Не то чтобы положение дел совершенно безнадежно – вспомним, например, о существовавшем в недавнем прошлом дипломатическом канале Лавров–Керри. Но сколько раз их договоренности, в первую очередь в отношении ситуации в Сирии, торпедировали другие американские ведомства. Предыдущая администрация США на излете своего срока сделала всё возможное, чтобы загнать российско-американские отношения в глухой тупик, причем не брезгуя низкими методами, такими как массовая высылка российских дипломатов из Вашингтона накануне Нового 2017 года.

Часто можно услышать: «Ну что же вы, русские, во всем вините США?» Американских политиков в России винят не во всем, а в том, что нельзя на мировой арене действовать настолько грубо и неосторожно. Нельзя по поводу и без повода обвинять Россию. Нельзя из-за своей внутривнутриполитической драки превращать другую крупную державу в мальчика для битья. Напротив, в России при-

¹⁷ China focus: China's 2017 defense budget to grow 7 pct: Finance official // Xinhua. 06.03.2017. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2017-03/06/c_136106993.htm (accessed: 25.08.2017).

¹⁸ Эксперты: Россия в 2017 году впервые за 19 лет снизила расходы на оборону // ТАСС. 02.05.2018. Доступ: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5171808> (дата обращения: 02.05.2018).

знают за США статус великой страны и незаменимого партнера в решении многих глобальных проблем и делают это не из-за сержильности, а исходя из здравого смысла. Если в чем-то Россию западные партнеры считают неправой, это еще не повод заниматься ее очернением и демонизацией. Наша страна так не действует. Москва не призывала вводить санкции против США и их союзников из-за бомбардировок Югославии, вторжения в Ирак и Ливию, из-за секретных тюрем ЦРУ и военных преступлений всё в том же Ираке, из-за вмешательства в дела других стран с помощью, например, тотального прослушивания. В Кремле осознают как потенциал страны, так и ограничители ее возможностей. Россия действует намного более аккуратно, выверенно и осмотрительно на мировой арене, чем те, кто готов вступить с ней в новую «холодную войну» (а на самом деле — в войну с ветряными мельницами).

* * *

Генри Киссинджер и Андрей Громыко, дипломаты, принимавшие непосредственное участие в выработке основ послевоенного мироустройства, в полной мере осознавали те точки опоры, на которых выстраивались отношения двух сверхдержав — СССР и США. Означает ли ситуация сегодня, что их опыт уже не отвечает новым реалиям? Для ответа на этот вопрос надо задать два других: что мы хотим предотвратить и чего стремимся достичь в современных условиях? Представляется, что с момента ухода в прошлое биполярного мира ответы на эти вопросы не изменились: необходимо предотвратить Третью мировую войну и достичь сбалансированной и стабильной системы глобального регулирования. Можно ли решить эти задачи в условиях нагнетания идеи «новой холодной войны»? Вопрос риторический.

Может ли мир многочисленных цивилизаций, управляемых объединенной волей людей, стать реальностью? Возможна ли реконструкция кооперативной системы мировой политики или это лишь утопия, иллюзия, заблуждение? Предложим ответ на этот вопрос: утопия — это не создание демократического мирового правопорядка, который должен быть идеалом, а достижение этой цели в условиях жесткой конфронтации великих держав и возникновения предпосылок к Третьей мировой войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабынина Л.О. Значение Brexit для Европейского союза // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 21–33.
2. Богатуров А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 1. С. 54–69.

3. Громыко А.А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. №6 (72). С. 5–12.
4. Громыко А.А. Популизм в Европе – выражение глубинных социальных процессов // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 4 (47). С. 155–161.
5. Громыко Ан.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Применение «жесткой» и «мягкой силы» во внешнеполитических целях: теория и практика: Сборник научных трудов школы системных исследований в области политэкономии международных отношений / Под ред. А.А. Кокошина, А.А. Громыко, А.А. Сидорова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 301–314.
6. Громыко Ан.А. О новом мировом порядке, или о большом беспорядке // Азия и Африка сегодня. 2014. № 12 (689). С. 2–7.
7. Кокошин А.А. Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 5–19.
8. Потемкина О.Ю. Усиление угрозы терроризма в Европе и ответ ЕС // Современная Европа. 2017. № 3 (75). С. 17–27.
9. Солянова М.В. Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5 (50). С. 34–47.
10. Худoley К.К., Еремина Н.В. Новый «старый» выбор Великобритании // Современная Европа. 2017. № 3 (75). С. 28–36.
11. Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 43. С. 6–19.
12. Bootle R. The death of inflation: Surviving and thriving in the zero era. London: Nicholas Brealey, 1997.

Ан.А. Gromyko, **Al.A. Gromyko**

GLOBAL DEMOCRATIC WORLD ORDER: UTOPIA OR REALITY?

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11-3 Mokhovaya street, Moscow, 125009*

A growing chaos in international relations in recent years has provoked an intense debate in political, expert and academic communities on the future of a world order in the 21st century. This debate focuses not only on the shifts in balance of power after the end of the Cold War but also on the erosion of the legal and normative framework of the world order. This essay makes a contribution to intellectual deliberations on these crucial issues. Representatives of two generations of the Russian international relations scholars – Anatoly Andreevich Gromyko (1932–2017) and Aleksey Anatol’evich Gromyko – share their views on major threats to international peace and outline key pillars to

ensuring survival of human civilization. The essay examines such issues as arms control, with special focus on weapons of mass destruction; continuing importance of the institute of a nation-state in the context of globalization, growing interdependence and increased role of non-state actors; primacy of the rule of law over the rule of force, as enshrined in the United Nations Charter, and, finally, great powers' responsibility for global governance and global stability. Exploring the prospects for a democratic world order the authors conclude that this idea is not completely utopian if the recurrence of the Cold War and zero-sum game logic is avoided.

Keywords: legal order, rule of law, rule of force, weapons of mass destruction, terrorism, nation-state, the Cold War, United Nations.

About the authors: Anatoly An. Gromyko (1932–2017) – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Research Fellow at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Aleksey A. Gromyko – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (e-mail: alexey@gromyko.ru).

REFERENCES

1. Babynina L.O. 2016. Znachenie Brexit dlya Evropeiskogo soyuza [The meaning of Brexit for the EU]. *Sovremennaya Evropa*, no. 4 (70), pp. 21–33. (In Russ.)
2. Bogaturov A.D. 2007. Tri pokoleniya vneshnepoliticheskikh doktrin Rossii [Three generations of Russia's foreign policy doctrines]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 5, no. 1, pp. 54–69. (In Russ.)
3. Gromyko A.A. 2016a. 'Novyi populizm' i stanovlenie postbipolyarnogo mirovogo poryadka [New populism and the post-Cold War order in the making]. *Sovremennaya Evropa*, no. 6 (72), pp. 5–12. (In Russ.)
4. Gromyko A.A. 2016b. Populizm v Evrope – vyrazhenie glubinnih sotsial'nyh protsessov [Populism in Europe is a manifestation of deep-seated social processes]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 14, no. 4 (47), pp. 155–161. (In Russ.)
5. Gromyko An.A. 2014a. 'Myagkaya sila' i sila prava: k postanovke problemy ['Soft power' vs power of law: Introductory essay]. In A.A. Kokoshin, A.A. Gromyko, A.A. Sidorov (eds.). *Soft power and hard power in foreign policy: Theory and practice*. Moscow, Moscow University Press., pp. 301–314. (In Russ.)
6. Gromyko A.A. 2014b. O novom mirovom poryadke, ili o bol'shom besporyadke [About a new world order or a big mess]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 12 (689), pp. 2–7. (In Russ.)
7. Kokoshin A.A. 2015. Natsional'nye interesy, real'niy suverenitet i natsional'naya bezopasnost' [National interests, real sovereignty and national security]. *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 5–19. (In Russ.)

8. Potemkina O.Yu. 2017. Usilenie ugrozy terrorizma v Evrope i otvet ES [Terrorism threat in Europe: The European Union's response]. *Sovremennaya Evropa*, no. 3 (75), pp. 17–27. (In Russ.)
9. Solyanova M.V. 2016. Problema mirovogo poryadka v sovremennykh zapadnykh issledovaniyakh [The problem of world order in Western IR studies]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 5 (50), pp. 34–47. (In Russ.)
10. Hudolei K.K., Eremina N.V. 2017. Novyi 'staryi' vybor Velikobritanii [Brexit: A new-old choice of Great Britain]. *Sovremennaya Evropa*, no. 3 (75), pp. 28–36. (In Russ.)
11. Shakleina T.A. 2015. Liderstvo i sovremennyyi mirovoi poryadok [Leadership and contemporary world order]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 13, no. 43, pp. 6–19. (In Russ.)
12. Bootle R. 1997. *The death of inflation: Surviving and thriving in the zero era*. London, Nicholas Brealey.

СЛОВО ПРАКТИКАМ

С.П. Белоконь*

ОЦЕНИВАНИЕ СОСТОЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: УСТАНОВЛЕННЫЙ ПОРЯДОК И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

*Главное оперативное управление Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации
119160, Москва, Фрунзенская наб., 22/2*

Статья посвящена анализу установленного порядка оценивания национальной и военной безопасности Российской Федерации и описанию возможных путей его совершенствования. Рассмотрены недостатки используемой в настоящее время совокупности показателей оценки, разработка которых регламентируется действующими нормативно-правовыми актами. В качестве основы для поиска способов устранения имеющихся недостатков предлагается разработанный на базе 46 ЦНИИ Министерства обороны РФ научно-методический аппарат оценивания военной безопасности, который позволяет осуществлять взаимную увязку частных методик, моделей и расчетных задач, анализировать результаты, полученные с их помощью, а также рассчитывать обобщенные оценки функционирования и развития военной организации РФ. Рассматриваются предлагаемые разработчиками данного научно-методического аппарата способы решения как «прямой» расчетной задачи (оценивание уровня военной безопасности РФ, который может быть обеспечен в прогнозных условиях при конкретных параметрах облика военной организации государства), так и «обратной» (задание требуемого уровня военной безопасности и обоснование облика военной организации государства, которая в прогнозных условиях при имеющихся или прогнозируемых ресурсных возможностях могла бы обеспечить военную безопасность РФ). Сделан вывод о том, что дальнейшее совершенствование методики оценивания военной безопасности как компонента безопасности национальной подражает постановку и решение задачи выбора рациональных вариантов действий по обеспечению военной безопасности РФ на основе показателей ее состояния. Элементами решения данной задачи

* *Белоконь Сергей Петрович* — доктор технических наук, начальник отдела (экспертно-аналитического) Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (e-mail: belokon_sp@mail.ru).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 15-37-11136.

могут быть построение математической модели проблемной ситуации осуществления такого выбора, а также формализация требуемого уровня военной безопасности с использованием аппарата теории нечетких множеств.

Ключевые слова: национальная безопасность, военная безопасность, военная угроза, стратегические национальные приоритеты, военная организация, военно-политические отношения, обороноспособность, кризисы, оценивание, научно-методический аппарат, нечеткие множества.

Развитие методов оценивания военной безопасности Российской Федерации является в настоящее время одной из наиболее актуальных военно-научных задач, решение которой предполагает поиск и обоснование рациональных путей нейтрализации существующих и прогнозируемых военных угроз, строительство и развитие Вооруженных Сил, других силовых компонентов военной организации России.

Поскольку меры по обеспечению военной безопасности составляют неотъемлемую часть системы мер по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, задача оценивания обоих компонентов решается комплексно. Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683¹ (далее – СНБ), устанавливается, что контроль за ходом реализации СНБ осуществляется в рамках государственного мониторинга состояния национальной безопасности. Результаты мониторинга отражаются в ежегодном докладе секретаря Совета безопасности РФ президенту России о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению².

Положением об оценке и государственном мониторинге состояния национальной безопасности Российской Федерации (далее – Положение об оценке НБ)³ регламентируется соответствующий порядок оценивания, под которым понимаются определение степени достижения целей и задач, предусмотренных документами стратегического планирования в сфере обеспечения националь-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

² См.: Положение о Совете Безопасности Российской Федерации (утверждено Указом Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 590) // Совет Безопасности РФ. Доступ: <http://www.scrf.gov.ru/about/regulations/> (дата обращения: 20.12.2017).

³ Аппарат Совета Безопасности Российской Федерации подготовил проект Положения «Об оценке и государственном мониторинге состояния национальной безопасности Российской Федерации» // Совет Безопасности РФ. 19.10.2015. Доступ: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/970/> (дата обращения: 20.12.2017).

ной безопасности, а также анализ результативности реализации указанных документов.

В интересах такой оценки проводится непрерывный государственный мониторинг, позволяющий осуществлять сбор, обработку и анализ информации о состоянии национальной безопасности, прогнозирование и выявление угроз в данной сфере, прорабатывать варианты возможных управленческих решений по преодолению негативных тенденций и кризисных ситуаций.

Мониторинг состояния национальной безопасности представляет собой практический механизм оценки уровня обеспечения национальных интересов и достижения стратегических национальных приоритетов, обозначенных СНБ.

Основным инструментом такой оценки являются показатели состояния национальной безопасности Российской Федерации (далее – показатели НБ) – обобщенные характеристики, отражающие положение дел по различным направлениям обеспечения национальной безопасности (реализации стратегических национальных приоритетов).

Указанные показатели представлены как в СНБ, так и в Положении об оценке НБ.

В Стратегии в качестве 10 основных показателей НБ закреплены:

- удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств;
- доля современных образцов вооружения, военной и специальной техники в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах;
- ожидаемая продолжительность жизни;
- валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения;
- децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного и 10% наименее обеспеченного населения);
- уровень инфляции;
- уровень безработицы;
- доля расходов в ВВП на развитие науки, технологий и образования;
- доля расходов в ВВП на культуру;
- доля территории Российской Федерации, не соответствующей экологическим нормативам⁴.

⁴ См.: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

В Положении об оценке НБ указана вся совокупность показателей национальной безопасности. В ходе мониторинга учитываются более 60 критериев, утвержденных по предложению министерств и ведомств, а также научного совета при Совете безопасности РФ⁵.

Вводимая Положением об оценке НБ совокупность показателей используется для анализа степени реализации стратегических национальных приоритетов, установленных СНБ: «Оборона страны»; «Государственная и общественная безопасность»; «Повышение качества жизни российских граждан»; «Экономический рост»; «Наука, технологии и образование»; «Здравоохранение»; «Культура»; «Экология живых систем и рациональное природопользование»; «Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство».

Анализ всего нормативно введенного инструментария оценки национальной безопасности России демонстрирует, что перечисленные 10 показателей, установленных СНБ, включены в совокупность критериев, содержащуюся в Положении об оценке НБ, но уже в качестве не основных, а «обычных» частных показателей. При этом понятие «основной показатель оценки состояния национальной безопасности Российской Федерации» в СНБ не определено, а в Положении такой термин отсутствует.

Рассмотрение привязки основных показателей, установленных СНБ, к стратегическим национальным приоритетам ответа на вопрос о причинах выделения ряда характеристик национальной безопасности в качестве основных также не дает. По девяти стратегическим национальным приоритетам основные показатели НБ распределены очень неравномерно: четыре приоритета имеют по одному основному показателю, один – два и один – три основных показателя. Три стратегических национальных приоритета («Наука, технологии и образование», «Здравоохранение», «Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство») основных показателей НБ не имеют⁶.

Указанное несоответствие между СНБ и Положением об оценке НБ по составу показателей и рассмотрению их в качестве основных вносит в процедуру оценивания определенную неоднозначность. В этой ситуации представляется целесообразным учитывать

⁵ Аппарат Совета Безопасности Российской Федерации подготовил проект Положения «Об оценке и государственном мониторинге состояния национальной безопасности Российской Федерации» // Совет Безопасности РФ. 19.10.2015. Доступ: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/970/> (дата обращения: 20.12.2017).

⁶ О недостатках основных показателей оценки состояния национальной безопасности см. также: Цейковец Н.В. Методологические проблемы оценки и государственного мониторинга состояния национальной безопасности РФ // Национальная безопасность: стратегические приоритеты и система обеспечения: Материалы международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 388–391.

очередность принятия данных нормативных правовых актов и при проведении оценки состояния национальной безопасности использовать в качестве инструментария не основные показатели НБ, установленные в Стратегии, а всю совокупность характеристик, содержащуюся в Положении об оценке НБ.

Результаты анализа действующего порядка и совокупности показателей оценки состояния национальной безопасности Российской Федерации указывают на определенное их несовершенство.

Во-первых, действующим порядком (представленном в открытых источниках) не предусматривается возможность получения обобщенной оценки состояния национальной безопасности.

Целесообразность введения обобщенного (агрегированного) показателя НБ определяется необходимостью соответствия критериев оценки наиболее общим требованиям, предъявляемым к оценочным показателям [Надежность и эффективность в технике, 1988]. Важнейшим из них является соответствие цели, позволяющее по значению показателя в той или иной ситуации сформировать суждение о степени ее достижения.

Применительно к рассматриваемой ситуации целью является обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. Показатели НБ как обобщенные характеристики, отражающие состояние отдельных стратегических национальных приоритетов, по своему предназначению степень достижения указанной цели отразить не могут.

Таким образом, если обобщенный (агрегированный) показатель отсутствует, то оценивать национальную безопасность необходимо по совокупности более чем 60 показателей, объединенных в 10 групп. Однако в этом случае однозначное решение задачи оценивания при выходе значений одного или нескольких частных показателей за требуемые нормы становится проблематичным.

Во-вторых, показатели НБ непосредственно само состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз (в соответствии с определением, приведенным в СНБ, это и есть национальная безопасность Российской Федерации) не оценивают. Они предназначены для определения степени достижения целей и задач, предусмотренных документами стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности, а также для анализа результативности реализации указанных документов. Другими словами, оценка состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз осуществляется не напрямую, а опосредованно, через результаты выполнения (реализации) документов стратегического планирования. Подобный механизм предъявляет дополнительные требования

к этим документам, цели и задачи которых должны в совокупности адекватно описывать состояние национальной безопасности Российской Федерации.

В-третьих, показатели НБ сгруппированы не по видам безопасности, а по стратегическим национальным приоритетам, что не позволяет определить, насколько совокупность этих показателей охватывает всю сферу национальной безопасности, характеризует ее состояние.

Стратегические национальные приоритеты являются важнейшими направлениями обеспечения национальной безопасности Российской Федерации – реализации органами государственной власти и местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов⁷. Таким образом, стратегические национальные приоритеты представляют собой подпроцессы единого процесса функционирования системы обеспечения национальной безопасности. Оценивая в рамках каждого направления этот процесс и его результаты, можно определить, насколько хорошо (эффективно) работали органы государственной власти и местного самоуправления. Однако вопрос, как соотнести полученные оценки с состоянием национальной безопасности Российской Федерации, не проясняется.

В-четвертых, в нормативных правовых документах используется понятийный аппарат, ограничивающий возможности рассмотрения военной безопасности в качестве отдельного вида национальной безопасности, что затрудняет создание научно-методического аппарата оценивания состояния военной безопасности Российской Федерации.

В соответствии с СНБ «национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности»⁸. При этом под обороной понимаются система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации,

⁷ См.: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

⁸ Там же.

целостности и неприкосновенности ее территории⁹. Иными словами, национальная безопасность (как состояние защищенности личности, общества и государства от различных угроз) включает оборону (как комплекс мер), что представляется не вполне корректным с позиций системного подхода.

Более эффективен, на наш взгляд, подход к рассмотрению и декомпозиции национальной безопасности по различным видам, выделяемым по содержанию угроз или их направленности. При этом множество видов безопасности должно включать не только те виды, которые предусмотрены Конституцией РФ и законодательством страны, но и весь спектр существующих и прогнозируемых угроз личности, обществу и государству.

Реализация такого подхода предоставляет возможность оценивать состояние национальной безопасности по показателям ее важнейших видов: военной, государственной, общественной, экономической, информационной и т.д.

* * *

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и Военная доктрина Российской Федерации¹⁰ в целом определяют существующие и перспективные угрозы национальной безопасности и направления деятельности государства по их парированию. Взаимосвязь понятий «национальная безопасность Российской Федерации» и «военная безопасность Российской Федерации», имеющая нормативное правовое закрепление, представлена на рисунке 1.

Показательно, что понятие «военная безопасность Российской Федерации» в настоящее время в законодательстве не используется, а применяется лишь в подзаконных актах, например в Указе Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», указах, регламентирующих порядок военного планирования в Российской Федерации, и др. В соответствии с Военной доктриной РФ, которая вводит этот термин, под военной безопасностью понимается «состояние защищенности жизненно важных интересов¹¹ личности,

⁹ Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // Гарант. Доступ: <http://base.garant.ru/135907/> (дата обращения: 22.12.2017).

¹⁰ Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 30.12.2014. Доступ: www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html (дата обращения: 22.12.2017).

¹¹ Впервые понятие «жизненно важные интересы» использовалось в ст. 1 Закона Российской Федерации 1992 г. «О безопасности» и определялось как «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства». См.: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Гарант. Доступ: <http://base.garant.ru/10136200/#ixzz5MinJdqk> (дата обращения: 22.12.2017).

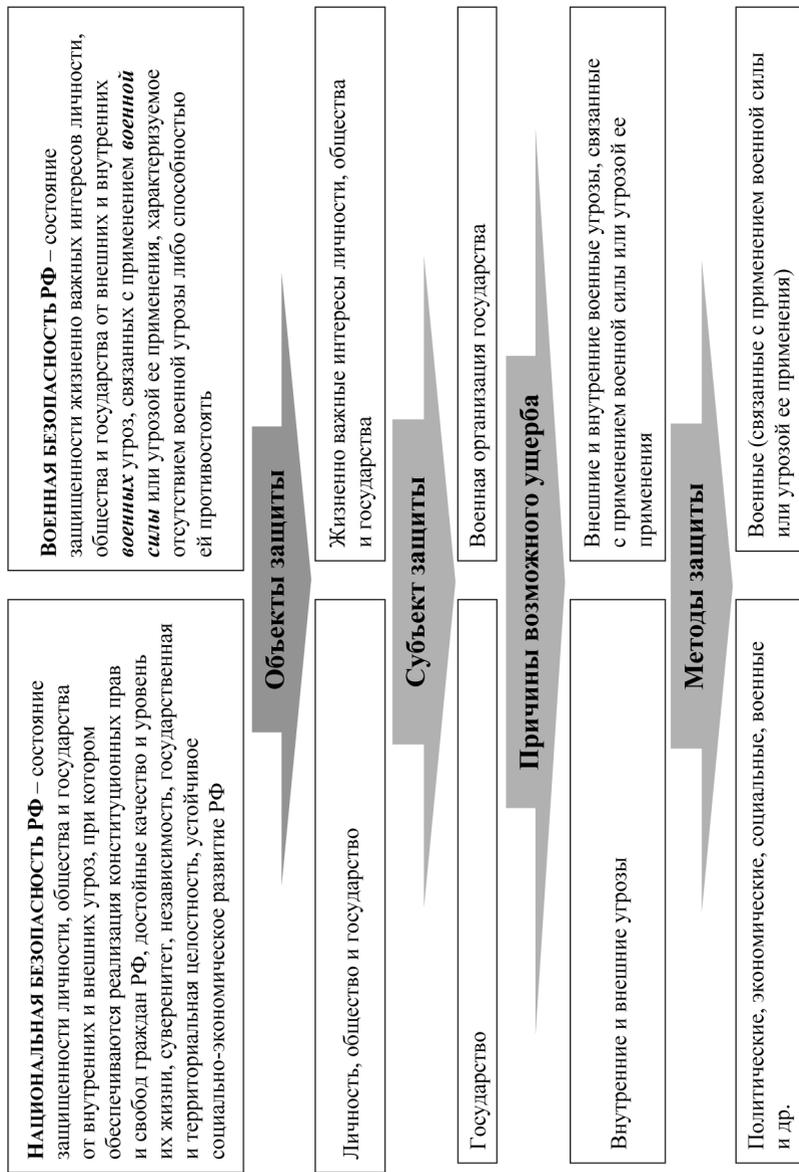

Рис. 1. Взаимосвязь понятий «национальная безопасность РФ» и «военная безопасность РФ»

общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующее отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять», в то время как при обеспечении национальной безопасности объектами защиты являются личность, общество и государство¹².

Главным препятствием, затрудняющим возможность законодательного закрепления понятия «военная безопасность», является раздельное использование терминов «оборона» и «безопасность» в Конституции РФ¹³. Это служит основанием для юридических ведомств не допускать «смешения» в законодательстве данных понятий и, как следствие, выделения военной безопасности в качестве одного из видов национальной безопасности.

Вместе с тем для решения задачи системного оценивания состояния национальной и военной безопасности России представляется целесообразным руководствоваться соображениями не правового, а практико-логического и научно-методического характера.

Так, показатель оценки состояния военной безопасности $W_{\text{ВБ}}$ необходимо рассматривать в качестве одной из составных частей показателя оценки состояния национальной безопасности $W_{\text{НБ}}$ (рис. 2).

В качестве конкретной формы обобщенного показателя оценки состояния национальной безопасности $W_{\text{НБ}} = F(W_k)$ может быть рассмотрена аддитивная или мультипликативная свертка частных показателей оценки состояния конкретных видов безопасности W_k .

Такой подход позволяет осуществлять мониторинг состояния национальной безопасности по показателям ее видов, в том числе с учетом их важности для обеспечения национальной безопасности в соответствующем плановом периоде.

Расчет показателей важнейших видов национальной безопасности, включая военную, может осуществляться на основе параметров их состояния P_k , определяемых в результате мониторинга. Методики такого расчета целесообразно поручить разрабатывать профильным федеральным органам исполнительной власти Российской Федерации. Кроме того, до представления на утверждение секретарю Совета безопасности РФ указанные методики должны

¹² Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 30.12.2014. Доступ: www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html (дата обращения: 22.12.2017).

¹³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Консультант. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 22.12.2016).

Рис. 2. Взаимосвязь критериев и показателей оценки состояния национальной и военной безопасности Российской Федерации

$K_{\text{НБ}}$ и K_k – критерии оценки национальной безопасности и конкретного вида безопасности соответственно; $W_{\text{НБ}}$ и $W_{\text{НБ}}^{\text{ТР}}$ – значение и требуемое значение показателя оценки национальной безопасности соответственно; W_k и $W_k^{\text{ТР}}$ – значение и требуемое значение частного показателя оценки вида национальной безопасности соответственно; Π_k и $\Pi_{\text{ВБ}}$ – параметры состояния вида национальной безопасности и военной безопасности соответственно

пройти рассмотрение на заседаниях научного совета при Совете безопасности Российской Федерации.

Для применения критериев $K_{\text{НБ}}$ и K_k , представленных на рисунке 2, необходимо знать требуемые значения национальной безопасности $W_{\text{НБ}}^{\text{ТР}}$ и конкретных ее видов $W_k^{\text{ТР}}$. Их нахождение является достаточно сложной задачей. Например, требуемое значение военной безопасности зависит не только от характеристик силовых компонентов военной организации Российской Федерации, но также от параметров развития военно-политической обстановки, военного и экономического потенциалов противников и союзников нашей страны и множества других факторов, в том числе субъективного характера. Если для определенных фиксированных военно-политических условий функционирования конкретной военной организации государства это значение может быть определено (например, с использованием экспертных методов оценки), то для этой же военной организации в иных условиях требуемый уровень военной безопасности может изменяться в достаточно широких пределах. В наиболее

общем виде рассматриваемое соотношение может быть описано таким образом: чем больше уровень военной безопасности, тем лучше (эффективнее) принимаемые меры в сфере обороны.

Для получения количественных оценок необходимо осуществить формализацию требуемого уровня военной безопасности, связанную с многообразием компонентов военной организации Российской Федерации, внешних и внутренних условий их функционирования, т.е. преодолеть целевую неопределенность нестохастического характера. Обычно данный тип задач решается с использованием аппарата теории нечетких множеств [Нечеткие множества..., 1986; Белоконь, 2004].

Применение описанного нами подхода позволит в конечном итоге сформировать и рассчитывать обобщенный (агрегированный) показатель состояния национальной безопасности Российской Федерации. Методику ее оценивания по показателям важнейших видов национальной безопасности имеет смысл поручить разрабатывать аппарату Совета безопасности Российской Федерации (при участии его научного совета) и представлять для рассмотрения на его заседании.

Таким образом, предлагаемый подход позволяет получать обобщенные оценки состояния национальной безопасности и ее важнейших видов. При этом показатели НБ, представленные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Положении об оценке НБ, могут быть использованы в качестве параметров состояния соответствующих видов национальной безопасности.

Следует отметить, что получение оценок состояния национальной и военной безопасности не является самоцелью, а необходимо для планирования и организации противодействия угрозам личности, обществу и государству, военным угрозам.

* * *

В настоящее время существует целый ряд моделей и подходов к исследованию процессов функционирования компонентов военной организации Российской Федерации. Применительно непосредственно к самой военной организации государства они, как правило, представляют собой слабосвязанные частные методики — автономные средства, имеющие ограниченное применение.

В отличие от них уникальным инструментарием, позволяющим осуществить взаимную увязку частных методик и получать количественные оценки мер по обеспечению военной безопасности в рамках большинства процессов функционирования военной организации Российской Федерации, является разработанный на базе 46

ЦНИИ Минобороны России научно-методический аппарат оценивания военной безопасности [Цырендоржиев, 2014]. Он устанавливает порядок совместного использования в ходе исследований совокупности методов, моделей и расчетных задач и позволяет оценивать результаты, полученные с помощью частных методик, рассчитывать обобщенные оценки функционирования и развития военной организации Российской Федерации. Использование этого аппарата дает возможность осуществить параметрическое объединение частных методик и в дальнейшем применять их в интересах всего военного планирования путем детализации соответствующих предметных областей.

Наличие такого инструментария придает всей совокупности имеющихся методик и моделей, используемых для военного планирования, новое качество, позволяющее с их помощью решать как «прямую», так и «обратную» расчетные задачи (рис. 3).

«Прямая» расчетная задача заключается:

– в прогнозировании военно-политических, стратегических, экономических, научно-технических, технологических, демографических и других условий, в которых в долгосрочной перспективе должна обеспечиваться военная безопасность РФ;

– в обосновании параметров облика военной организации государства в прогнозных условиях.

При решении «прямой» расчетной задачи рассматриваемый научно-методический аппарат позволяет оценивать уровень военной безопасности Российской Федерации, который может быть обеспечен в прогнозных условиях при конкретных параметрах военной организации государства. Это дает возможность сравнивать различные варианты последней и выбирать из них рациональные.

«Обратная» задача заключается в задании требуемого уровня военной безопасности и обосновании облика военной организации государства, который в прогнозных условиях при имеющихся или ожидаемых ресурсных возможностях смог бы обеспечить военную безопасность Российской Федерации. Решение этой задачи в свою очередь предъявляет дополнительные требования к совокупности методик, моделей и расчетных задач военного планирования и составляющим ее частным методикам.

Порядок применения научно-методического аппарата оценивания военной безопасности для решения «обратной» расчетной задачи при обосновании рациональных вариантов действий силовых компонентов военной организации Российской Федерации по обеспечению требуемого уровня военной безопасности представлен на рисунке 4.

Рис. 3. Укрупненный алгоритм применения научно-методического аппарата оценивания военной безопасности при решении «прямой» и «обратной» расчетных задач

Рис. 4. Порядок применения научно-методического аппарата оценивания военной безопасности для решения «обратной» расчетной задачи при обосновании рациональных вариантов действий силовых компонентов военной организации Российской Федерации по обеспечению требуемого уровня военной безопасности

В целях формализации оценивания военная безопасность может рассматриваться как состояние межгосударственных (военно-политических) отношений и обороноспособности государства, при котором возможность военных конфликтов сводится до минимума, поскольку ни одна из сторон не имеет побудительных мотивов к развязыванию боевых действий против другой стороны и не ставится в условия, требующие осуществления срочных мер для предотвращения невыгодного для себя положения.

Это предполагает выделение двух групп факторов, влияющих на состояние военной безопасности:

- военно-политические отношения;
- обороноспособность государства.

При использовании такого методического подхода с помощью частных методик, применяемых при военном планировании, осуществляется формализация взаимосвязей между уровнем военной безопасности государства, обстановкой во внешнеполитической и военной сферах, соотношением военных и экономических потенциалов РФ и других субъектов.

Военно-политическая обстановка рассматривается в данном случае как результат взаимодействия субъектов военно-политических отношений, проводящих собственную военную политику в целях реализации своих национальных интересов. Предполагается, что эффект взаимодействия на уровне субъектов военной политики проявляется в воздействии некоторой совокупности факторов, учитываемых при определении целей, задач военной политики, форм и способов их решения.

Экономические и политические интересы определяют суть, содержание и направленность военной политики Российской Федерации и других субъектов военно-политических отношений. Военная политика должна обеспечивать благоприятные, взаимовыгодные экономические, политические, культурные, научные и другие связи и отношения субъектов со всеми, особенно соседними, странами. Свою роль в формировании военной политики играет учет потенциальных и наличных возможностей государства реализовать свои интересы.

Военная политика как часть внешней и внутренней политики субъектов военно-политических отношений проявляется в различных сферах взаимодействия государств и их коалиций. К числу основных таких областей относят внешнеполитическую, военную, социально-политическую, экономическую [Общая теория национальной безопасности, 2002; Экономическая безопасность России, 2005; Военная политика..., 2007]. В некоторых исследованиях [Адлер и др., 1976; Полегаев, 2008] к этим областям также причисляют информационную, религиозную, территориальную.

Среди множества параметров военной политики других субъектов наибольший интерес представляют те, по которым можно судить о степени ее агрессивности, конфликтности по отношению к Российской Федерации. Такие параметры определяются для политики субъекта во всех четырех названных областях ее реализации.

Во внешнеполитической области параметрами военной политики субъекта военно-политических отношений являются: внутривнутриполитическая обстановка в сопредельных странах; деятельность государств по нагнетанию напряженности в двусторонних взаимоотношениях с РФ; деятельность других субъектов международного права по нагнетанию напряженности; международно-правовые аспекты взаимодействия между РФ и другими субъектами международного права, определяющими развитие военно-политических отношений; международно-правовые аспекты взаимодействия РФ с другими государствами.

Параметры военной политики субъекта в военной области: деятельность других стран в сфере информационного противоборства; мероприятия по подготовке театра военных действий государств и других субъектов международного права; мобилизационные мероприятия государств; направленность военной деятельности других субъектов международного права; состояние группировок войск (сил) вооруженных сил государств и акцентированность их боевой подготовки.

Параметры военной политики субъекта военно-политических отношений в социально-политической области: воздействие зарубежных средств массовой информации на формирование общественного мнения в России в контексте развития обстановки; мероприятия других государств по формированию социально-политической обстановки в третьих странах в контексте их отношений с Российской Федерацией; мероприятия по обострению социальных и этнополитических противоречий в приграничных субъектах РФ, проводимые извне; состояние международного общественного мнения в отношении политики России и ее союзников; формирование общественного мнения в других государствах о политике РФ и ее союзников.

Параметры военной политики в экономической области: воздействие мировых экономических и кредитно-финансовых субъектов на состояние и мобилизационные возможности экономики РФ методами, не относящимися к сфере международного права; внешнеэкономические отношения других государств с остальными субъектами; состояние внешнеэкономических отношений РФ с другими государствами и другими субъектами международного права; фи-

нансово-экономические показатели военных приготовлений других государств.

Степень конфликтности военной политики в каждом из ее параметров может быть различной.

В методике оценивания состояния военной безопасности Российской Федерации [Цырендоржиев, 2014] предложены показатели конфликтности различных параметров военной политики субъекта военно-политических отношений, а также определены возможные качественные значения этих показателей, которые могут быть приняты в зависимости от достигнутых (прогнозируемых) результатов проведения политики.

Под показателями параметров военной политики понимаются ее качественные результаты в каждой из названных ранее областей ее реализации. Например, такими результатами в военной области следует считать состояние объектов военной инфраструктуры, систему государственного и военного управления, эффективность подготовки военно-обученного резерва, состояние вооруженных сил государств, уровень враждебности при их боевой подготовке и др.

Значение каждого из этих показателей может быть различным в зависимости от военно-политической цели, преследуемой субъектом военно-политических отношений, а также от времени и ресурсов, которые были затрачены на ее достижение к моменту выполнения оценок. В этой связи оценивание военно-политической обстановки целесообразно проводить в нескольких точках временной оси развития событий во взаимоотношениях конкретных субъектов и Российской Федерации. Это дает возможность оценить тенденции и перспективы развития обстановки, направленность военной политики.

На рисунке 5 представлена функциональная архитектура научно-методического аппарата оценивания военной безопасности Российской Федерации. Он базируется на экспертно-аналитических методах оценивания степени конфликтности военно-политических отношений и сравнении потенциала Российской Федерации с потенциалами других субъектов военной политики. На этой основе определяется уровень военных угроз и анализируется возможность их парирования мерами стратегического сдерживания. По остаточному потенциалу военной угрозы делается заключение об уровне военной безопасности Российской Федерации.

Такое применение научно-методического аппарата оценивания военной безопасности является решением «прямой» расчетной задачи (см. рис. 3). Его использование для решения «обратной» расчетной задачи осуществляется следующим образом.

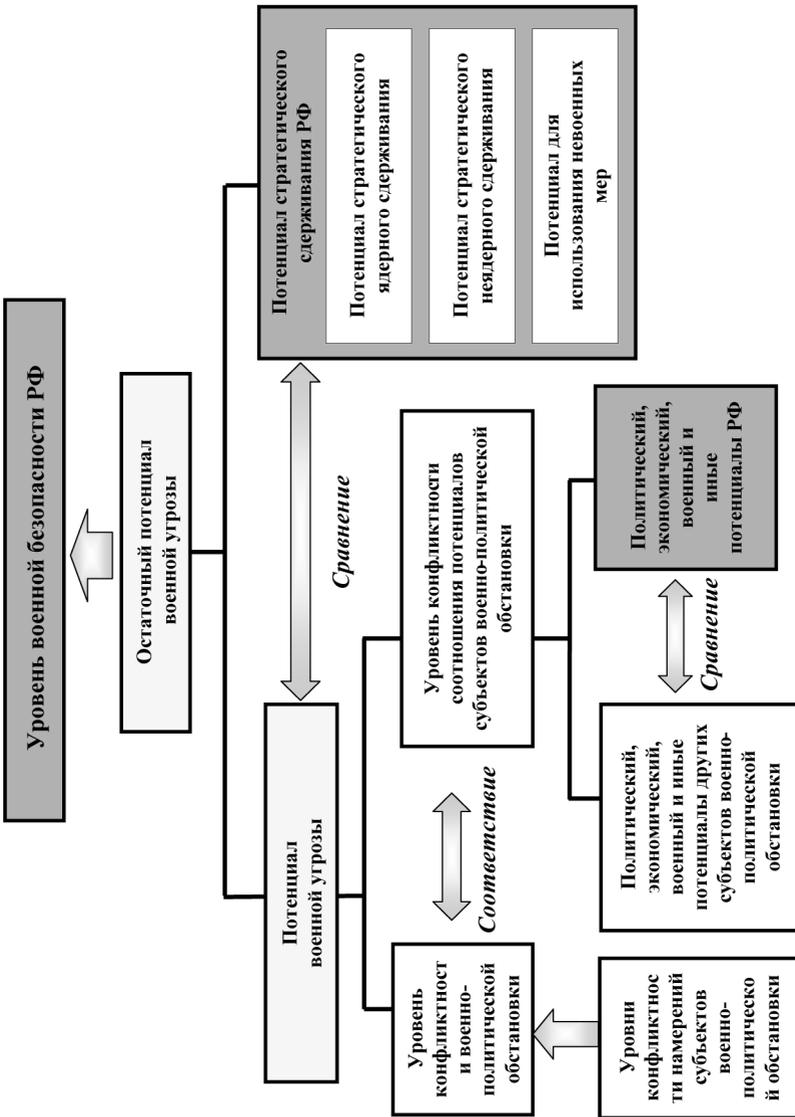

Рис. 5. Функциональная архитектура научно-методического аппарата оценивания военной безопасности Российской Федерации

На плановый период задается требуемый уровень военной безопасности. С использованием соответствующей методики осуществляется прогнозирование:

- сценариев развития военно-политической и стратегической обстановки;

- возможного характера военных конфликтов.

Это позволяет определить уровни конфликтности и предполагаемый потенциал субъектов военно-политических отношений. Далее для каждого рассматриваемого сценария определяются задачи и требования к силовым компонентам военной организации государства, варианты необходимого боевого состава мирного и военного времени для вооруженных сил, других войск, воинских формирований и органов, а также требования к их системе вооружения и мобилизационному потенциалу.

Затем осуществляется расчет потребности в ресурсах для придания нужного облика силовым компонентам военной организации государства и прогнозируются его ресурсно-экономические возможности.

При их соответствии поставленным задачам оцениваемый вариант развития военной организации государства может рассматриваться в качестве рационального.

В случае несоответствия потребностей ресурсного обеспечения имеющимся возможностям уточняются задачи и требования к силовым компонентам военной организации государства (за счет корректировки политики стратегического сдерживания, применения невоенных мер для снижения конфликтного потенциала военно-политических отношений) или требования к уровню военной безопасности государства. Затем рассмотренные процедуры повторяются.

Научно-методический аппарат оценивания состояния военной безопасности устанавливает входную информацию для совокупности методик, моделей и расчетных задач, используемых при военном планировании, и позволяет на практике применять полученные с их помощью результаты. Это дает возможность обосновать требуемое для обеспечения военной безопасности соотношение силовых компонентов военной организации Российской Федерации и потенциального противника. Полученное таким образом соотношение сил сторон будет соответствовать требованиям оборонной достаточности и учитывать влияние факторов стратегического сдерживания и прогнозируемых результатов применения невоенных мер парирования военных угроз.

Таким образом, на основе предлагаемого подхода к оцениванию состояния национальной и военной безопасности может быть создан универсальный научно-методический аппарат, позволяющий проводить сравнительный анализ различных вариантов мер в области обороны и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Однако решение этой задачи предполагает также проведение специальных исследований в целях формирования совокупности исходных данных, в первую очередь для методики оценивания военной безопасности, а также в интересах построения функций, описывающих степень соответствия реальных результатов функционирования военной организации государства требуемым параметрам и формализующих требования лица, принимающего решения, на различных этапах выбора рационального варианта действий по обеспечению военной безопасности Российской Федерации. Дальнейшее совершенствование методики ее оценивания, с нашей точки зрения, подразумевает определение этих вариантов на основе показателей состояния военной безопасности. Элементом указанной методики может быть построение математической модели проблемной ситуации осуществления такого выбора с использованием понятия операции как совокупности целенаправленных действий по обеспечению военной безопасности Российской Федерации, объединенных общим замыслом и единой целью [Морз, Кимпбелл, 1956; Сердюков, 1995; Исследование операций, 1990]. Такая модель должна с той или иной степенью детализации описывать все основные процессы обеспечения военной безопасности Российской Федерации, т.е. представлять собой модель функционирования военной организации государства. Построение подобной модели является масштабной и труднореализуемой задачей, поскольку предполагает формализацию сложнейших процессов планирования и осуществления системы мер военного и невоенного характера управляющими, силовыми и обеспечивающими компонентами военной организации Российской Федерации. Механизм этих процессов еще недостаточно исследован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер Ю.П., Маркова Е.В., Грановский Ю.В. Планирование эксперимента при поиске оптимальных условий. М.: Наука, 1976.
2. Белоконь С.П. Нечеткие методы оценки систем военного управления // Вестник Академии военных наук. 2004. № 4 (9).

3. Волошко В.С., Лутовинов В.И. Военная политика и военная безопасность Российской Федерации в условиях глобализации / Под общ. ред. А.С. Рукшина; ГШ ВС РФ ЦВСИ. М., 2007.
4. Исследование операций / Под ред. В.Н. Юркова. М.: ВИА, 1990. С. 25–28.
5. Морз Ф.М., Кимпбелл Д.Е. Методы исследования операций. М.: Советское радио, 1956. С. 37–39.
6. Надежность и эффективность в технике: Справочник: В 10 т. Т. 3. Эффективность технических систем / Под ред. В.Ф. Уткина, Ю.В. Крючкова. М., 1988.
7. Нечеткие множества в моделях управления и искусственного интеллекта / Под ред. Д.А. Поспелова. М.: Наука, 1986.
8. Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: Изд-во РАГС, 2002.
9. Полегаев В.И. Неядерное стратегическое сдерживание. Мифы и реальность // Стратегическая стабильность. 2008. № 1 (42).
10. Сердюков В.И. Основные понятия теории боевой эффективности. М.: ВА БТВ, 1995.
11. Цырендоржиев С.Р. О количественной оценке степени военной безопасности // Военная мысль. 2014. № 10. С. 27–40.
12. Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: Дело, 2005.

S.P. Belokon'

**ASSESSING NATIONAL AND MILITARY SECURITY
OF RUSSIA: ESTABLISHED PROCEDURE
AND HOW TO IMPROVE IT**

*The Main Operational Directorate
of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation
22 Frunzenskaya nab., Moscow, 119160*

This paper examines established procedure of assessing national and military security of the Russian Federation and outlines ways how to improve it. The author unveils deficiencies of the current set of indicators for measuring national and military security of the Russian Federation established by existing legal provisions. He argues that a methodological framework of assessing military security developed by the 46th Central Research and Development Institute of the Ministry of Defense of the Russian Federation can provide a basis for exploring these issues since it allows to harmonize specific methodologies, models and computational tasks, to evaluate the results and to produce generalized assessments of progress in the development of military establishment of the Russian Federation. The paper examines how this methodological framework addresses both a 'direct' computational task (forecasting level of military security of the Russian Federation depending on the parameters of the national military establishment), and a 'reverse' computational task (setting a target level

of military security and defining the parameters of the national military establishment capable of ensuring military security of the Russian Federation over certain time horizon while taking into account anticipated constraints in country's resource capabilities). The author concludes that a further improvement of methodology for assessing military security as a critical element of national security implies development of an indicator-based approach meant to facilitate making a rational choice of an optimal option for ensuring military security of the Russian Federation. One part of the solution could be a mathematical modelling of a decision-making process and a formalization of a target level of military security on the basis of a fuzzy set theory.

Keywords: national security, military security, military threat, strategic national priorities, military establishment, military-political relations, defense capability, fuzzy set.

About the author: *Sergey P. Belokon'* — Doctor of Sciences (Engineering), Head of Department of Research and Analytics of the Main Operational Directorate of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (e-mail: belokon_sp@mail.ru).

Acknowledgements: This work has been accomplished with financial support from the RFBR, research project № 15-37-11136.

REFERENCES

1. Adler Yu.P., Markova E.V., Granovskii Yu.V. 1976. *Planirovanie eksperimenta pri poiske optimal'nykh uslovii* [Experiment planning in searching for optimal conditions]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
2. Belokon' S.P. 2004. Nechetkie metody otsenki sistem voennogo upravleniya [Fuzzy analysis of military command system]. *Vestnik Akademii voennykh nauk*, no. 4. (In Russ.)
3. Voloshko V.S., Lutovinov V.I. 2007. *Voennaya politika i voennaya bezopasnost' Rossiiskoy Federatsii v usloviyakh globalizatsii* [Military policy and military security of the Russian Federation in the context of globalization]. Moscow, GSH VS RF TSVSI Publ. (In Russ.)
4. Yurkov V.N. (ed.). 1990. *Issledovanie operatsii* [Studying operations]. Moscow, VIA Publ., pp. 25–28. (In Russ.)
5. Morz F.M., Kimpbell D.E. 1956. *Metody issledovaniya operatsii* [Methods of studying operations]. Moscow, Sovetskoe radio Publ., pp. 37–39. (In Russ.)
6. Utkin V.F., Kryuchkov Yu.V. (eds.). 1988. *Effektivnost' tekhnicheskikh sistem* [Efficiency of technical systems]. Vol. 3. In Avduevskii V.S. (ed.). *Nadezhnost' i effektivnost' v tekhnike: Spravochnik* [Technical reliability and efficiency: A handbook]. Moscow, Mashinostroenie Publ. (In Russ.)
7. Pospelov D.A. (ed.). 1986. *Nechyotkie mnozhestva v modelyakh upravleniya i iskusstvennogo intellekta* [Fuzzy sets in management and artificial intelligence models]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
8. Prokhozheva A.A. (ed.). 2002. *Obshchaya teoriya natsional'noi bezopasnosti* [General theory of national security]. Moscow, RAGS Publ. (In Russ.)

9. Polegaev V.I. 2008. Neyadernoe strategicheskoe sderzhivanie. Mify i real'nost' [Non-nuclear strategic deterrence. Myths and reality]. *Strategicheskaya stabil'nost'*, no. 1 (42), pp. 64–67. (In Russ.)
10. Serdyukov V.I. 1995. *Osnovnye ponyatiya teorii boevoi effektivnosti* [Basic concepts of combat effectiveness theory]. Moscow, VA BTV Publ. (In Russ.)
11. Tsyrendorzhiev S.R. 2014. O kolichestvennoi otsenke stepeni voennoi bezopasnosti [On quantitative assessment of military security]. *Voennaya mysl'*, no. 10, pp. 27–40. (In Russ.)
12. Senchagov V.K. (ed.). 2005. *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii* [Economic security of Russia]. Moscow, Delo Publ. (In Russ.)

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Е.Ю. Сергеев*

СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ 1917–1918 ГГ.: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт всеобщей истории Российской академии наук»
119334, Москва, Ленинский проспект, 32А*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
125993, Москва, Миусская пл., 6*

Данная статья посвящена рассмотрению одной из ключевых проблем во взаимоотношениях Великобритании и большевистского правительства в первые месяцы после октябрьского этапа Великой российской революции 1917–1922 гг. — участию Советской России в боевых действиях на стороне Антанты на завершающем этапе Первой мировой войны. Автор отмечает, что правящие круги в Лондоне восприняли захват власти В.И. Лениным и его сторонниками далеко не столь однозначно, как это принято было считать в отечественной историографии: англичане оказались перед непростой дилеммой, поскольку их не устраивал статус России ни как нейтрального государства, ни тем более как противника. Основываясь на впервые вводимых в научный оборот документах официального происхождения наряду с мемуарами и дневниками свидетелей событий, а также на сравнительном анализе отечественной и зарубежной научной литературы, особенно исследований последних лет, автор оценивает достижения и просчеты как Форин офис, так и Народного комиссариата по иностранным делам на рубеже 1917–1918 гг. — в наименее изученный период советско-британских отношений. В статье показано, что помимо продолжавшихся боев на фронтах мировой войны эти успехи и неудачи объяснялись сразу несколькими факторами: текущей внутривосточной ситуацией в обеих странах; стратегическими внешнеполитическими планами большевиков и британской элиты, а также

* *Сергеев Евгений Юрьевич* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com).

действиями третьих стран – как союзников, так и противников. В этой непростой обстановке решающее значение приобретал исход ожесточенных дискуссий между английскими и большевистскими политиками, дипломатами и общественными деятелями, от которого зависели практические шаги внешнеполитических ведомств обеих стран. Особое внимание уделено перипетиям взаимоотношений между представителями Советской России и Великобритании в период Брестских переговоров, в частности миссии британского дипломата Р. Локкарта. С точки зрения автора статьи, ни одна из сторон не смогла в рассматриваемый период одержать победу в дипломатической дуэли: Великобритания окончательно потеряла стратегического союзника, а Россия после четырех лет мировой войны вынуждена была отражать вооруженную интервенцию бывших партнеров по Антанте.

Ключевые слова: Советская Россия, Великобритания, дипломатические отношения, Первая мировая война, Брестский мирный договор, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, М.М. Литвинов, Д. Ллойд Джордж, У. Черчилль, Р. Локкарт.

Несмотря на то что от драматичных событий, связанных с завершением Первой мировой войны, нас отделяют уже 100 лет, в современной историографии не утихают споры относительно интерпретации роли различных внутри- и внешнеполитических факторов, оказавших решающее влияние на формирование нового – Версальско-Вашингтонского – порядка международных отношений и его последующее развитие в межвоенный период. Особый интерес в этой связи вызывает анализ эволюции чрезвычайно напряженных отношений, установившихся в тот момент между Великобританией и Советской Россией. Качественную новизну данному исследованию начального периода взаимодействия большевистского руководства и британского правительства придают два ключевых момента: во-первых, привлечение широкого пласта новых исторических источников, ставших доступными историкам лишь в последние годы; во-вторых, критический анализ ряда недавно изданных публицистических работ, авторы которых не только воспроизводят стереотипные представления историографии периода «холодной войны», но и пытаются заново в условиях очередного сокращения англо-российских контактов на современном этапе конструировать далекие от истинной картины мифологемы.

Стоит сразу подчеркнуть, что центральной проблемой статьи выступает оценка усилий британской дипломатии по сохранению России среди союзных держав, а также ответных действий большевистского руководства, поставившего перед собой задачу удержать власть в бывшей империи до победы мировой революции после завершения «империалистической войны». Основанное на ранее

малоизвестных или прежде недоступных материалах архивных коллекций, равно как и документах личного происхождения, настоящее исследование акцентировано на освещении отдельных историографических лакун, являясь лишь небольшой частью монографической работы, которую автор готовит к публикации в одном из отечественных издательств.

Говоря о степени изученности интересующего нас периода советско-британских отношений, укажем, что он остается наименее исследованным специалистами и в то же время наиболее мифологизированным. Данное утверждение справедливо не только для оценки позиции большевистского руководства в связи с политикой Лондона, но и в гораздо большей степени для рассмотрения различных точек зрения среди членов коалиционного правительства Соединенного Королевства. Не претендуя на подробное изложение всех перипетий мирных переговоров в Брест-Литовске, которые подверглись детальному анализу в работах отечественных и зарубежных историков [Wheeler-Bennett, 1939; Warth, 1954: 196–241; Чубарьян, 1963; Фельштинский, 1992; Нежинский, 2004: 28–46; Макаренко, 2008; и др.], автор статьи поставил задачу реконструировать динамику поиска британскими политиками и дипломатами эффективных путей построения отношений с новыми лидерами Советской России при выработке стратегии достижения победы над Центральными державами в продолжавшейся мировой войне.

Автор опровергает распространенную в советской историографии упрощенную трактовку политики Уайтхолла только как «империалистической и антибольшевистской», показывая существование различных стратегий действий на «российском направлении», которые рассматривались в Лондоне. В то же время статья демонстрирует противоречивость внешнеполитического курса большевиков, стремившихся за счет маневрирования между великими державами, включая Великобританию, достичь собственных целей удержания власти в разоренной, близкой к полному коллапсу обширной стране.

Логика реконструкции «петроградского» периода советско-британских отношений отражена в структуре статьи. Помимо краткого введения в ней представлен анализ особенностей советско-британских контактов на рубеже 1917–1918 гг., акцентировано внимание читателя на поиске обеими странами модус вивенди в двусторонних отношениях и освещены малоизвестные аспекты миссии Р.Б. Локкарта в Советской России. В заключение автор суммирует результаты исследования, предлагая аргументированное объяснение достижений и просчетов британской дипломатии по урегулированию «русского вопроса».

К концу так удачно начинавшегося для Антанты 1917 года ее положение стало настолько угрожающим, что, по мнению ряда наблюдателей, перспектива победы в войне для Великобритании и ее союзников отодвинулась к 1919 или даже 1920 г. Согласно подсчетам английских экспертов перемирие на Восточном фронте означало бы переброску от 32 до 60 германских дивизий на Запад (в реальности численность германских войск на российской территории с марта по август 1918 г. сократилась с 52 до 34 дивизий¹), репатриацию около 1,6 млн германо-австрийских военнопленных и передачу Центральным державам огромных запасов вооружения, накопленных Россией за 3,5 года боевых действий² [Keeble, 1990: 15; French, 1995: 236; Macsrae, 2015: 291–292].

Неслучайно поэтому пессимистичные настроения царили не только среди английских политиков. Их испытывали широкие круги общественности Соединенного Королевства. Б. Вебб, видная участница социалистического движения на Британских островах, записала в дневнике: «Новый год [1918. — *Е.С.*] открывается во тьме. Германия сильнее и удачливее союзников, чем когда-либо раньше с момента первого наступления на Париж. Правящие классы Великобритании более не уверены в конечной победе — все предсказания истощения живой силы или финансовой неспособности Германии оказались ошибочными. Угроза подводной войны не уменьшается, а уверенность в возможностях США облегчить ситуацию по меньшей мере не возрастает»³.

Перспективы победы оставались неясными еще и потому, что ведущие деятели политической сцены Соединенного Королевства по-разному формулировали стратегические цели, предлагая порой диаметрально противоположные шаги, которые следовало бы осуществить, в частности, на российском направлении.

Так, часть представителей властной элиты, например лорд-председатель Тайного совета Дж. Керзон, министры — вооружений У. Черчилль и блокады Р. Сесил, а также руководители британской военной миссии в России генералы Ч. Бартер и А. Нокс, выступали против всяких отношений с пришедшими к власти большевиками,

¹ Memoranda and telegrams relating Civil War in Russia, 1919 // The National Archives of the United Kingdom (далее — TNA). Domestic Records of the Public Record Office. 30/30/15.

² Набоков К.Д. Испытание дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1923. С. 169.

³ 10 January 1918 // The diary of Beatrice Webb / Ed. by N. Mackenzie, J. Mackenzie. Vol. III. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. P. 292.

которые рассматривались ими в качестве узурпаторов и германских агентов, «продавших» бывшую империю кайзеру Вильгельму II⁴.

Восприняв захват власти большевиками как «личное оскорбление» [Думова, Трухановский, 1989: 24], У. Черчилль в публичной речи 11 декабря 1917 г. заявил: «Россия полностью разгромлена германцами. Ее великое сердце разбито не только германской мощью, но и хитростью, не только немецкой сталью, но и золотом»⁵. Именно бывший восточный союзник, по его мнению, лишил Антанту уже близкой победы и подверг сохранивших верность членов альянса новым испытаниям, которых они не заслуживали, но которые не должны были их сломить. В меморандуме для Кабинета от 31 декабря 1917 г. министр вооружений сделал акцент на фактическом коллапсе Восточного фронта, что наряду с катастрофой итальянской армии под Капоретто и неспешным прибытием американских дивизий в Европу заставляло британцев «еще туже затянуть пояс», а правительство отказаться от какого-либо повышения заработной платы рабочим государственных предприятий⁶.

Гораздо меньше политиков выступали если не за признание правительства В.И. Ленина, то хотя бы в пользу сохранения минимальных контактов с ним. Кроме лидеров Лейбористской партии, особенно представителей ее левого, пацифистского крыла, таких как Дж.Р. Макдональд, А. Гендерсон и Дж. Лэнсбери, эти взгляды отчасти разделяли посол в России Дж. Бьюкенен, влиятельные члены Имперского военного кабинета — министр без портфеля А. Милнер и крупный южноафриканский политик и генерал Я. Смэтс, а также с известными ограничениями — сам глава правительства Д. Ллойд Джордж⁷.

Аргументацию сторонников примирения с советским режимом хорошо отразила газета «The New York Times», которая в передовой статье от 28 ноября 1917 г. констатировала: «Если уж необходимо сделать мир безопасным для демократии, то из большевистской стихии должна возникнуть самостоятельная Россия, чего можно достичь только при поддержке Великобритании, Франции и Соединенных Штатов» [Foglesong, 1995: 62]. Близкие к изложенным мотивы находим в мемуарах все того же Дж. Бьюкенена, который после возвращения на родину «резко возражал против разрыва с больше-

⁴ Wardrope, British General Consul in Moscow, to the Foreign Office, 17 December 1917 // TNA. Foreign Office (далее – FO) 800/205.

⁵ Цит. по: Gilbert M. Winston S. Churchill. A Companion. Vol. IV. Pt. 1. Boston: Houghton Mifflin, 1975. P. 219.

⁶ Ibid. P. 224–226.

⁷ Diary, 4 January 1918 // Cambridge University. Churchill Archives Centre. Amery Papers 7/14.

виками на том основании, что это дает Германии полную свободу действий в ее отношениях с Россией»⁸.

Наконец, будучи далеко не уверенными в том, что «максималисты», как в первые недели британские политики называли пришедших к власти большевиков, вообще сумеют удержать контроль над страной в своих руках [White, 1985: 18], третью, промежуточную точку зрения отстаивали адепты выжидательной (wait and see) тактики, например большинство сотрудников Разведывательного бюро пропаганды Форин офис, включая таких экспертов, как историки А. Тойнби, Р. Ситтон-Уотсон, Дж. Хедлем-Морли и др. [Иванов, 2012: 150–151]. Мнение этой группы истеблишмента отразил министр иностранных дел А. Бальфур. Именно он 9 декабря 1917 г. выступил со специальным меморандумом, в котором, доказывая невозможность удержать бывшего союзника в войне, призывал коллег по коалиционному Кабинету предпринять все возможные шаги для того, чтобы в руки немцев попало как можно меньше военного имущества и стратегических материалов, доставленных Антантой в Россию. Одновременно А. Бальфур убеждал министров в том, что Великобритании следует использовать перемирие русских с противником с максимальной выгодой для себя, чтобы продемонстрировать союзным и нейтральным странам, каким тяжелым бременем может стать для них господство Германии в Европе, если победу в войне одержит Четверной союз⁹ [Kennan, 1967: 169; Page Arnot, 1967: 121; Keeble, 1990: 17–18; Swain, 1996: 121–122].

В этой связи уместно взглянуть на состояние двусторонних отношений также глазами большевиков. Прежде всего, отметим, что в первые месяцы советской власти сам В.И. Ленин и многие его соратники не придавали дипломатической деятельности большого значения, обращая главное внимание на информационно-просветительскую работу Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД), в структуре которого были созданы отдел прессы во главе с К.Б. Радеком и Бюро международной революционной пропаганды, которым руководил Б. Рейнштейн [Wheeler-Bennett, 1939: 90; Нежинский, Рудая, 2002: 43].

Если говорить обобщенно, то, по справедливому замечанию академика А.Б. Давидсона, в Советской России «смотрели на Англию как на старейшую цитадель капитализма и оплот антисоветизма», что в полной мере отражалось «в официальных и официозных из-

⁸ Бьюкенен Дж. Моя миссия в России: воспоминания английского дипломата. 1910–1918 / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2006. С. 389.

⁹ Memorandum by Balfour, 9 December 1917 // TNA. Cabinet Papers (далее – CAB) 23/4. W.C. 295; CAB 23/295; CAB 24/35/GT 2932; Lloyd George D. War memoirs. Vol. V. New York: AMS, 1982. P. 2565.

даниях, средствах массовой информации, художественной литературе, широко распространенных представлениях». Можно также согласиться с его выводом о том, что «недоверие к английской внешней политике и скептическое отношение ко всему, что связано с английским образом жизни» были в целом всегда характерны для большевиков, «унаследовавших» от императорской России традиционную неприязнь к Соединенному Королевству и прибавивших к ней свои претензии, «связанные уже с идеями классовой борьбы и взглядом на Великобританию как на классическую страну капитализма» [Давидсон, 2005: 56].

Однако при общем стремлении к мировой революции, главным препятствием для которой сторонники В.И. Ленина считали существование Британской империи, среди них также отсутствовало единодушие касательно выбора сценария дальнейшей политики на западном направлении, особенно в связи с ситуацией в ключевых странах Европы¹⁰ [Чубарьян, 1972: 160–165]. Доминирующая часть большевистской верхушки, включая самого председателя Совета народных комиссаров (СНК), а также временные союзники правящей партии – левые эсеры категорически возражали против дальнейшего сотрудничества с Антантой, делая ставку на революционный взрыв в Центральных державах, который позволил бы превратить мировую войну в вооруженную борьбу за установление Всемирной Республики Советов. «Не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики, которому из двух империализмов выгоднее помочь теперь, – подчеркивал В.И. Ленин на Петроградской партийной конференции 21 января 1918 г., – а тот принцип, как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны»¹¹.

Однако по мере нарастания разочарования в надеждах на успех мирных переговоров с Четверным союзом и консолидации общего мнения о маловероятности победы революционного движения в Германии и Австро-Венгрии прагматично мыслившие политики, такие как нарком по иностранным делам Л.Д. Троцкий или помощник наркома по финансам Г.Я. Сокольников, все больше приходили к выводу о желательности и даже выгоды продолжения контактов с союзниками, прежде всего Великобританией. По воспоминаниям бывшего дипломатического чиновника Г.Н. Михайловского, второй человек в большевистском руководстве шантажировал

¹⁰ Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве / Пер. с нем.; ред. Ю.Г. Фельштинский. М.: Книговек, 2010. С. 9–10.

¹¹ Ленин В.И. К истории вопроса о несчастном мире // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 35. М.: Госполитиздат, 1971. С. 247.

представителей Центральных держав угрозой возобновления войны Россией вместе с Антантой, чтобы противопоставить друг другу враждовавшие коалиции. Этот принцип лег в основу последующей дипломатической практики советского режима¹².

* * *

Между тем перемирие на Восточном фронте, последовавшее 15 декабря 1917 г., и начавшиеся спустя неделю в Брест-Литовске переговоры советской делегации с представителями германского блока ослабляли, как это обычно случается в периоды острого кризиса, позиции сторонников выжидательной тактики, активизируя политиков, отстаивавших крайние точки зрения либо о совместной работе с большевиками, либо о бескомпромиссной борьбе против них. При этом, несмотря на все различия, именно идея удержания России от столь пагубного для перспектив победы Антанты в мировой войне шага, как заключение сепаратного мира, продолжала доминировать в официальном и общественном дискурсах Соединенного Королевства на протяжении начальных недель существования советского режима [Lowe, Dockrill, 1972: 304; Keeble, 1990: 14; Быстрова, 2016: 238–255].

В последний день 1917 г. Кабинет принял решение об учреждении под председательством лорда Сесила специального межведомственного органа – Комитета по России (Russia Committee), члены которого – эксперты Форин офис, Военного министерства и Адмиралтейства – провели 56 заседаний с января до середины июля 1918 г. Любопытно, что двумя вопросами, которые сразу же привлекли внимание Комитета в январе 1918 г., стали демобилизация русской армии с Румынского фронта и перспектива организации снабжения немцев и австрийцев зерном из западных губерний бывшей империи Романовых¹³ [Ullman, 1961: 84].

Однако главным пунктом внешнеполитической повестки Уайтхолла оставались переговоры в Брест-Литовске, за которыми очень внимательно наблюдали с берегов Темзы, подвергая анализу маневры их участников¹⁴. Придерживаясь главным образом выжидательной тактики, кабинет Д. Ллойд Джорджа намеревался сочетать поддержку антибольшевистских сил внутри России с развитием негласных контактов между Уайтхоллом и правительством Ленина–Троцкого в период, когда Советская Россия оказалась для Лондона

¹² Михайловский Г.Н. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 2. М.: Международные отношения, 1993. С. 56.

¹³ Russia Committee minutes, 17 January 1918 // TNA. FO 95/802.

¹⁴ Review of the Bolshevik peace proposals, December 1917 – February 1918 // TNA. CAB 63/23.

в своеобразной «серой зоне» международных отношений: ни союзник, ни противник, ни нейтрал¹⁵.

Уже в конце ноября 1917 г. для установления контактов с анти-советскими силами Великобритании предприняла несколько важных шагов. Прежде всего, по рекомендации военных представителей союзников в Румынии к атаману А.М. Каледину, а также бывшим царским генералам М.В. Алексееву и Л.Г. Корнилову на Дон отправилась англо-французская военная миссия, уполномоченная предложить им крупную финансовую субсидию на воссоздание национальной армии, способной вести полномасштабные боевые действия не только против германо-австрийских войск, но и против большевистских отрядов. Далее, по предложению полковника Э. Хауза, ближайшего советника президента В. Вильсона, Румыния должна была превратиться в «сборный пункт» всех воинских частей, особенно польских и казачьих, которые выразили готовность продолжать вооруженную борьбу против немцев. Эта инициатива получила одобрение премьер-министров Великобритании, Франции и Италии на Межсоюзнической конференции в Париже. Кроме того, 4 декабря британский Кабинет обсудил пункты секретной конвенции между Лондоном и Парижем относительно перспектив совместных действий на юге России. Это соглашение было в форме меморандума Сесила—Милнера одобрено французским премьером Ж. Клемансо 23 декабря 1917 г. с последующим уведомлением Рима и Вашингтона [Kennan, 1967: 168; Ullman, 1961: 46; Kettle, 1981: 148–175; French, 1995: 240].

Важно отметить, что меморандум предусматривал не только раздел сфер ответственности двух государств — лидеров Антанты в южной России (в ведение Великобритании передавались так называемые казачьи области, Грузия, Армения и районы, населенные курдами, а под контроль Франции переходили Украина, Бессарабия и Крым). Именно на этом аспекте всегда акцентировали внимание советские историки, подчеркивая, что единственной целью соглашения были «захват и расчленение России» для последующего «уничтожения советского строя» [Штейн, 1949: 29; Волков, 1980: 28–31]. В реальности текст документа содержал и другие значимые положения: признание прав наций на самоопределение без аннексий и контрибуций, недопустимость вывоза российского сырья в Центральные державы, противодействие пантюркистским планам Османской империи в Закавказье и Центральной Азии. Наконец, оба союзных правительства выражали согласие «немед-

¹⁵ Цит. по: Lockhart R.B. *Memoirs of a British agent*. London; New York: Putnam, 1932. P. 231.

ленно вступить в контакты с большевиками через своих неофициальных эмиссаров таким способом, который каждая страна признает наилучшим»¹⁶.

Продолжая этот вектор политики в «русском вопросе», 21 декабря 1917 г., после согласований, длившихся почти месяц, британский Кабинет принял решение о направлении в Петроград молодого, но уже достаточно опытного дипломата Роберта Брюса Локкарта, занимавшего с января 1912 по сентябрь 1917 г. должность сначала вице-консула, затем консула и, наконец, генерального консула (правда, как исполнявшего обязанности) в Москве¹⁷ [Debo, 1979: 241–242]. Что же касается упоминавшегося посла Дж. Бьюкенена, деятельность которого в последние месяцы, особенно после коллапса Временного правительства и прихода к власти большевиков, рассматривалась на берегах Темзы как неудовлетворительная, то он был вынужден 6 января 1918 г. навсегда покинуть Петроград¹⁸ [Левидов, 1925: 12, 29–31].

Тем временем 4 января 1918 г. СНК утвердил приказ Л.Д. Троцкого о назначении М.М. Литвинова (Макса Валлаха), интернированного, как и Г.В. Чичерин, в Лондоне полицией Соединенного Королевства, временным уполномоченным НКВД в Великобритании, что вынудило Министерство внутренних дел санкционировать его немедленное освобождение¹⁹ [Scheffer, 1931: 671; Выгодский, 1965: 45; Соловьев, 1965: 55; Debo, 1975: 466; Шейнис, 1989: 104–114; Нежинский, Рудая, 2002: 43–44; Шишкин, 2002: 76; Известные дипломаты России, 2007: 181]. Этот выбор объяснялся несколькими мотивами. Во-первых, М.М. Литвинов проживал на Британских островах с 1909 г. как политэмигрант, сменив за это время несколько мест работы²⁰ [Debo, 1975: 466], поэтому он не только разделял коммунистические убеждения, но и был достаточно хорошо знаком с реалиями британской жизни, а самое главное – менталитетом подданных короля Георга V. Во-вторых, женившись в 1916 г. на А. Лоу, англичанке еврейского происхождения, дядя которой работал корреспондентом «The Times» в Вашингтоне, М.М. Литвинов

¹⁶ Convention between France and England on the Subject of Activity in Southern Russia, 23 December 1917 // Documents on British Foreign Policy, 1919–1939 / Ed. by E.L. Woodman, R. Butler et al. Ser. 1. Vol. III. London, 1949. P. 369–370.

¹⁷ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары / Пер. с англ. Т. V. М.: Социально-экономическое издательство, 1937. С. 96.

¹⁸ Buchanan M. Petrograd: The city of trouble. 1914–1918. London: Collins, 1918. P. 253–262.

¹⁹ Appointment of M. Litvinov as provisional Russian plenipotentiary in London. Buchanan to the Foreign Office, 4 January 1918 // TNA. Treasury Board 1/12126; Майский И. Внешняя политика РСФСР. 1917–1922. М.: Красная новь, 1923. С. 55.

²⁰ TNA. FO 371/3298/1957.

приобрел ценные для большевиков связи не только среди английской интеллектуальной элиты, но и в деловых кругах обеих англосаксонских стран. Наконец, он всегда оставался прагматиком, далеким от «революционного романтизма», что неоднократно отмечали люди, близко знавшие Максима Максимовича²¹ [Scheffer, 1931: 677]. Как писал, например, известный американский журналист Л. Фишер, в беседе с ним М.М. Литвинов однажды признался, что последние надежды на мировую революцию исчезли для него 11 ноября 1918 г. вместе с окончанием «империалистической войны» [Fischer, 1951: 124; Haslam, 1996: 56].

Не получив аккредитации в форме, традиционной для межгосударственных отношений, большевистский эмиссар был вынужден осуществлять контакты с Форин офис через некоего Р. Липера, уроженца Австралии, работавшего в Разведывательном бюро пропаганды, которое 19 февраля 1918 г. было реорганизовано в Департамент политической разведки Форин офис (Political Intelligence Department) [Sharp, 1988: 360].

Дипломатическая деятельность советского уполномоченного начиналась на фоне сепаратных переговоров в Брест-Литовске, которые большевики стремились использовать не только для заключения мира, но и, как уже было отмечено, для шантажа Антанты. Несмотря на заявление советского правительства от 27 января 1918 г., которым оно прекратило действие российско-британской конвенции 1907 г. [Давидсон, 2005: 55–56], а также на декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) от 3 февраля 1918 г. касательно аннулирования всех государственных внутренних и иностранных займов, включая сделанные в Великобритании²², М.М. Литвинов сразу же развил кипучую деятельность по нескольким направлениям. Прежде всего, он стремился получить от К.Д. Набокова, продолжавшего выполнять функции временного поверенного России на берегах Темзы, здание и все остальное имущество бывшего царского посольства в Лондоне — так называемого Чэшем-хауза. Следующей целью Максима Максимовича были сосредоточение в своих руках консульских функций, но главное — аккумуляция финансовых средств бывшей русской дипломатической миссии. Открыв так называемое Российское народное посольство (Russian People's Embassy) в своей

²¹ Беседовский Г.З. На путях к Термидору (из воспоминаний бывшего советского дипломата). Т. 1. Париж: Мишень, 1930. С. 218–221; Соломон Г.А. Среди красных вождей. М.: Современник, Росинформ, 1995. С. 475–476.

²² Международная политика Новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / Сост. Ю.В. Ключников, А.В. Сабанин. Ч. 2. М.: Литиздат НКВД, 1926. С. 114; Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 386–387.

квартире из-за категорического отказа К.Д. Набокова передать ключи от Чэшем-хауза, М.М. Литвинов приступил к выполнению служебных обязанностей силами всего пяти сотрудников, включая супругу как секретаря, а также помощников из числа бывших членов Российской военно-закупочной комиссии и товарищей по эмиграции²³.

Уже 12 января 1918 г. через леволейбористскую газету «Daily Gerald» он обратился к рабочим Великобритании²⁴, 28 января начал выдавать визы репатриантам, 9 февраля добился прекращения авансирования английским Казначейством прежних российских загранучреждений на территории Соединенного Королевства, а спустя четыре дня направил ноту А. Бальфуру с протестом против призыва граждан России на действительную службу в вооруженные силы Британской империи²⁵ [Майский, 1957: 63; Трофимова, 1972: 65–68; Кононова, 2004: 30]. Сравнительно недавно рассекреченная служебная переписка М.М. Литвинова с Г.В. Чичериным позволила установить объем текущих расходов полпреда на служебную деятельность за январь–март 1918 г., которые составили немалую для того времени сумму – почти 3000 ф. ст.²⁶

Одновременно эмиссар Страны Советов продолжал фигурировать в сводках Специального отдела Скотланд-Ярда, сотрудники которого занимались пресечением антиправительственной деятельности. Дело дошло до того, что министр внутренних дел лорд Кейв назвал распространение М.М. Литвиновым среди лондонских трудящихся пацифистского памфлета нарушением всяких дипломатических норм. А лорд Сесил, выступивший на заседании Кабинета в поддержку этих обвинений, присовокупил к ним сообщения о попытках новоявленного советского дипломата привлечь военно-служащих-евреев к антивоенной пропаганде в своих частях и среди команд двух русских патрульных кораблей, стоявших на якоре у побережья Мерсисайда [Ullman, 1961: 79].

Серьезную озабоченность Уайтхолла также вызвали речь М.М. Литвинова на митинге в Лондоне 22 января и его приглашение на общенациональную конференцию лейбористов, которая состоялась в Ноттингеме 23–25 января 1918 г. [Page Arnot, 1967: 122–124].

²³ Майский И.М. Путешествие в прошлое. М.: АН СССР, 1960. С. 72.

²⁴ Daily Herald, 12 January 1918 (clipping) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6302. Оп. 1. Д. 4. Л. 32.

²⁵ Нота Литвинова лорду Бальфуру, 13 февраля 1918 г. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 103–104.

²⁶ Обмен телеграммами между Чичериным и Литвиновым, январь–март 1918 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 069. Оп. 2. П. 1. Д. 1. Л. 1–25.

Кроме того, руководитель упоминавшегося Специального отдела британской полиции Б. Томпсон заявил о том, что М.М. Литвинов пытался «начать формирование отрядов Красной гвардии, привлекая в нее 23 тыс. евреев из России, проживавших с временной регистрацией в кварталах на востоке Лондона». Наконец, по информации Скотланд-Ярда, при въезде в Соединенное Королевство и женитьбе на британской подданной М.М. Литвинов прошел регистрацию под фальшивыми именами²⁷ [Debo, 1975: 467–469].

Между тем еще 31 декабря 1917 г. Кабинет принял решение об уточнении целей войны в ответ на декларации СНК от 22 декабря и министра иностранных дел Австро-Венгрии графа О. Чернина от 25 декабря. Программное выступление Д. Ллойд Джорджа в Кэкстон-холле перед профсоюзными лидерами состоялось 5 января 1918 г., за три дня до оглашения президентом США В. Вильсоном знаменитых «Четырнадцати пунктов». Как справедливо отметил современный исследователь, текст речи премьера отразил компромисс, достигнутый различными группировками британского истеблишмента [Фомин, 2012: 75–77]. Затронув «русский вопрос», Д. Ллойд Джордж в довольно обтекаемых выражениях охарактеризовал перспективы отношений с большевистским режимом: «Мы будем счастливы сражаться до конца бок о бок с новой демократией России. Однако если ее нынешние правители предпримут шаг без согласования с союзниками, мы не предполагаем вмешиваться для того, чтобы остановить катастрофу, которая, без сомнений, ожидает их страну. Россия может быть спасена только собственным народом». Вместе с тем после «пряника», заключавшегося в декларируемом отказе от интервенции Антанты, которой очень опасались в Петрограде, зазвучали нотки реальной политики, когда Д. Ллойд Джордж прямо высказался в пользу конституирования независимой Польши как важнейшего элемента стабильности в Европе [The Cambridge history of British foreign policy, 1923: 522].

Несмотря на демонстрируемое широкой публике единство внутри Кабинета, возобновление мирных переговоров в Брест-Литовске привело к новому раунду дискуссий среди членов правительства относительно российского вектора внешней политики. 8 февраля Д. Ллойд Джордж сообщил министрам о телеграмме Р. Локкарта с предложениями признать советский режим и даже разрешить Г.В. Чичерину, фактически исполнявшему обязанности главы НКВД, въезд в Соединенное Королевство для обсуждения этого вопроса. Любопытно, что премьер первоначально не возражал против такой

²⁷ Thompson to Cave, 6, 20 February 1918 // TNA. FO 371/3299/33471; TNA. Oxford University Bodleian Library. MS Milner. Box B.

инициативы, видимо, рассчитывая на взрыв возмущения среди германских рабочих и дестабилизацию ситуации в Германии, если Берлин откажется принять условия мира, выдвинутые большевиками. Однако он столкнулся с открытым противодействием лорда Сесила, заявившего, что еще не пришло время для официального признания правительства Ленина—Троцкого. В результате вновь победила уклончивая позиция А. Бальфура, саркастически заметившего, что Р. Локкарт «рассматривает большевиков как ангелов света». Кабинет принял компромиссную резолюцию, подготовленную главой Форин офис, но отредактированную Сесилом и Ф. Керром — личным секретарем Д. Ллойд Джорджа. В ней указывалось на важность урегулирования румынского и польского вопросов перед принятием окончательного решения о признании советского режима в России²⁸.

Тем временем СНК, опасаясь возобновления германского наступления, объявил об отправке в качестве уполномоченных в Париж — бывшего председателя ВЦИК Л.Б. Каменева, а в Берн — заместителя наркома по иностранным делам И.А. Залкинда. Интервью, которое первый дал шведскому журналу «Politiken» по прибытии в столицу скандинавского королевства, содержало фразу о намерении большевиков поднять революционную волну во Франции и Великобритании, а также заявление о том, что благодаря заключению сепаратного мира с Россией германская армия сможет оказать давление на Антанту, чтобы завершить «мировую бойню» «вничью» [Debo, 1975: 476].

Однако из-за того, что французское правительство, в отличие от нейтральной Швейцарии, не желало видеть у себя в стране представителя одиозного большевистского режима, а Форин офис все еще рассчитывал использовать германо-советские переговоры для реанимации военных усилий России, Л.Б. Каменев и И.А. Залкинд направились не напрямую в Париж, а в шотландский порт Абердин, где и высадились 23 февраля 1918 г., чтобы на следующий день прибыть в Лондон²⁹ [Schuman, 1957: 103].

В этой связи снова уместно привести дневниковую запись Б. Вебб о беседе с представителями большевиков. Она состоялась 27 февраля, т.е. в решающий момент брестских переговоров, на провал которых и возобновление военных действий против Германии очень рассчитывали в Лондоне. «Я спросила их, — отметила автор дневника, — желает ли большевистское правительство, чтобы мы

²⁸ 8 February 1918 // Thomas Jones. Whitehall diary / Ed. by K. Middlemas. Vol. 1. London: Oxford University Press, 1969. P. 49–52.

²⁹ Reports of the Foreign Office Political Intelligence Department on the negotiations in Brest-Litovsk, 9, 18, 25 January 1918 // TNA. CAB 24/28; CAB 24/29; CAB 24/40.

[Великобритания. — *Е.С.*] приняли их условия мира с Германией как свершившийся факт. Оба они ответили, что мы будем вынуждены сделать это, потому что мы не можем побить Германию. Похоже, что их [большевиков. — *Е.С.*] не беспокоят ни потерянные губернии, ни мнение российского пролетариата. Все, чего они хотят, — чтобы их оставили в покое для завершения социальных трансформаций, к которым они приступили»³⁰.

Подписание 3 марта 1918 г. «грабительского», как называли его сами большевики, мирного договора в Брест-Литовске, вызвавшего волну общественного негодования в России и государствах Согласия, заставило Форин офис объявить Л.Б. Каменева персоной нон-грата. Брестский трактат не оставлял шансов последнему для инициирования переговоров с Уайтхоллом. Пришлось возвращаться домой через Норвегию, хотя из-за противодействия властей независимой Финляндии он смог добраться до Советской России только к середине июля 1918 г., будучи обмененным на финских граждан, интернированных большевиками в России [Henderson, Dovgalevsky, 1929: 3; Debo, 1975: 481].

* * *

Как уже было отмечено, одновременно с М.М. Литвиновым в Лондоне поддержанием контактов между Уайтхоллом и СНК сначала в Петрограде, а затем и в Москве занимался специальный представитель британского правительства Р.Б. Локкарт. История подготовки его миссии заслуживает особого внимания, поскольку со всей наглядностью демонстрирует противоречивость внешнеполитических шагов Лондона на российском направлении и отражает соперничество различных тенденций в британской дипломатической практике.

Стоит отметить, что подготовка командировки Р. Локкарта не заняла много времени в связи с ее чрезвычайным характером и той ситуацией, которая сложилась в отношениях между Россией и Великобританией к началу 1918 г. В инструкциях Форин офис для дипломата говорилось о том, что он обязан «нанести как можно больший ущерб немцам, ставить палки в колеса сепаратных мирных переговоров и любыми средствами укреплять сопротивление большевиков германским требованиям» [Chambers, 2009: 223]. Одновременно для Д. Ллойд Джорджа и других членов правительства важно было осуществить глубокий зондаж истинных намерений большевистского руководства. При этом выбор Р. Локкарта, молодого человека 30 лет, обладавшего, безусловно, опытом диплома-

³⁰ 27 February 1918 // The diary of Beatrice Webb. P. 298–299.

тической работы, но никогда не сталкивавшегося с необходимостью решать столь масштабные проблемы, для такой важной командировки был прежде всего обусловлен рекомендацией лорда А. Милнера, который в апреле 1918 г. занял ключевой пост военного министра, хотя последнее слово, разумеется, осталось за Д. Ллойд Джорджем [Keeble, 1990: 20–21].

С 18 по 21 декабря 1917 г. проходили интенсивные консультации членов правительства, экспертов военного, морского и дипломатического ведомств относительно задач, которые была призвана решить миссия Р. Локкарта. 20 декабря он был приглашен в МИД, чтобы высказать свое мнение о текущих событиях в России перед группой политиков и чиновников самого высокого уровня. На следующий день сам Д. Ллойд Джордж принял его на Даунинг-стрит, 10, что подчеркнуло значимость предстоявшей миссии³¹.

О сохранявшихся в правительстве разногласиях относительно целесообразности командировки Р. Локкарта свидетельствует не только, как он сам вспоминал, назначение его специальным посланником без прямой санкции Форин офис, хотя и с согласия А. Бальфура³², но и ведомственная переписка дипломатов. Так, 13 января 1918 г. Ф. Линдли, оставшийся в Петрограде после отъезда Дж. Бьюкенена временным поверенным, сообщил на берега Темзы о допустимости приезда Р. Локкарта только как главы торговой миссии. «Мне представляется, – телеграфировал Ф. Линдли, – необходимый курс действий уже намечен сэром Дж. Бьюкененом <...>, т.е. мне необходимо войти в неофициальные отношения с большевиками и использовать Локкарта как посредника во всех дискуссиях»³³. Однако эти возражения были оставлены премьером без внимания, что в дальнейшем привело к параллельной деятельности двух британских представительств в Советской России – регулярного под руководством Ф. Линдли и чрезвычайного во главе с Р. Локкартом [Macdonald, Dronfield, 2016: 45, 47].

Помимо согласований в правительственных структурах Р. Локкарт накануне отъезда имел ряд встреч с доверенными лицами НКВД в Лондоне. Сначала он беседовал с Ф.А. Ротштейном – человеком, который эмигрировал из России на берега Альбиона еще в 1891 г., а с началом мировой войны работал переводчиком в военном ведомстве, будучи хорошо известным в кругах политэми-

³¹ Локкарт Р.Б. Агония Российской империи: воспоминания офицера британской разведки / Пер. с англ. М.: Алгоритм, 2016. С. 207–208; Берберова Н.Н. Железная женщина. М.: Изд. Сабашниковых, 2001. С. 223.

³² Локкарт Р.Б. История изнутри. Мемуары британского агента / Пер. с англ. М.: Новости, 1991. С. 192.

³³ Lindley to the Foreign Office, 13 January 1918 // TNA. FO 800/205/235-236.

грантов³⁴ [Costello, 1988: 95]. Используя личное знакомство Ф.А. Ротштейна с М.М. Литвиновым, молодой британский дипломат сумел 11 января 1918 г. встретиться с последним в одном из ресторанов на Стрэнде. По словам Р. Локкарта, советский представитель «считал германский милитаризм большей опасностью, чем английский капитализм». Именно М.М. Литвинов составил для Р. Локкарта рекомендательное письмо к Л.Д. Троцкому, позволившее впоследствии британскому эмиссару завязать довольно тесные рабочие отношения со вторым лицом в тогдашнем советском руководстве³⁵.

13 января 1918 г. Р. Локкарт в сопровождении трех помощников отплыл на военном корабле из Абердина и спустя две недели прибыл в Петроград. Получив информацию о серьезной борьбе внутри большевистской верхушки по вопросу продолжения войны, он, как уже отмечалось, все же сообщил в Форин офис о желательности если не открытого признания, то хотя бы установления неофициальных, но тесных контактов с советским правительством [Иванов, 2012: 153–154].

Однако на пути осуществления этого замысла стояли серьезные препятствия. Во-первых, противоречия внутри как большевистского, так и британского руководства. Во-вторых, фактический развал бывшей царской армии, в рядах которой после хаотичной демобилизации оставалось не более 20% личного состава [Debo, 1979: 125]. В-третьих, острая нехватка вооружения, которая, по мнению военных экспертов, делала невозможной защиту Петрограда в случае возобновления германского наступления³⁶. К этим проблемам добавлялась оккупация Бессарабии и Северной Буковины войсками Румынии, сохранявшей членство в Антанте [Dennis, 1924: 165–176; Fischer, 1951: 78–81; Girault, Frank, 1988: 1954]. Катастрофичность сложившегося положения усугубили провозглашение Центральной Радой 24 января 1918 г. государственной независимости Украины и последовавшее заключение киевским правительством мирного договора с Четверным союзом.

Не могла внушать наблюдателям оптимизм и экономическая ситуация в Советской России зимой 1917–1918 гг. Опасения союзников вызывала перспектива реорганизации российских оборонных заводов под руководством немцев с поставкой их продукции в Германию³⁷. По воспоминаниям А. Монкхауза, британского ин-

³⁴ Майский И.М. Путешествие в прошлое. С. 90–100.

³⁵ Локкарт Р.Б. История изнутри. С. 185–187; Он же. Агония Российской империи. С. 213; Майский И.М. Путешествие в прошлое. С. 69.

³⁶ Memorandum by the Foreign Office 'Our policy towards the Bolsheviks', 9 February 1918 // TNA. FO 800/205.

³⁷ Report by J. Merrett on the Russian industrial situation, 8 February 1918 // TNA. FO 175/6.

женера на одном из московских заводов, в городах рабочие комитеты требовали от предпринимателей выплаты им колоссальных премий из «сверхприбылей», которые, согласно их утверждениям, образовались у капиталистов во время войны. Декрет, принятый советским правительством в январе 1918 г., обязал всех нанимателей с 8 ноября 1917 г., т.е. «задним числом», увеличить заработную плату персоналу фабрик и заводов на 26%. Это решение вызвало фактическую остановку большинства мелких, многих средних и части крупных фабрик к февралю 1918 г. Сам же А. Монкхауз, как и многие британские подданные, проживавшие в России, подвергся аресту по обвинению в саботаже³⁸.

В условиях анархии и хаоса, царивших в Стране Советов, Уайтхолл продолжал выработку внешнеполитического курса, рассматривая три возможные альтернативы: поддержку Добровольческой армии М.В. Алексеева и Л.Г. Корнилова через выделение антибольшевистским силам 6 млн ф. ст., как предлагало руководство военной разведки МИ-1(с)³⁹ [Иванов, 2012: 154]; установление тесных контактов с правительством Ленина–Троцкого по рекомендации Р. Локкарта, который весной 1918 г. выступал за «интервенцию по соглашению с большевиками»⁴⁰; реанимацию Восточного фронта, способного предотвратить или хотя бы ослабить ожидавшееся наступление немцев во Франции [Kettle, 1981: 220–249].

Эта неопределенность получила отражение в резолюции, одобренной членами Кабинета при уточнении дополнительных инструкций Р. Локкарту: «Мы согласны, что в настоящее время нет возможности идти на абсолютное признание [большевиков. — *Е.С.*], но вместе с тем крайне нежелательно привести дело к полному разрыву [с ними. — *Е.С.*]»⁴¹. Однако спустя всего четыре дня большинство членов правительства все же посчитали преждевременным вступать в официальные отношения с советским режимом [Иванов, 2012: 154]. Не имея четких указаний и сталкиваясь с откровенным недоброжелательством к своей миссии со стороны большей части сотрудников дипломатической службы Форин офис, которые считали В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого «переодетыми офицерами германского штаба или по крайней мере немецкими агентами»⁴² [Ullman, 1961: 61], Р. Локкарт зачастую вынужден был действовать на свой страх и риск.

³⁸ Monkhouse A. Moscow, 1911–1933. London, 1933. P. 70–73.

³⁹ Gilbert M. Winston S. Churchill. P. 220.

⁴⁰ Локкарт Р.Б. Агония Российской империи. С. 260.

⁴¹ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. С. 98–99.

⁴² Локкарт Р.Б. История изнутри. С. 181.

15 февраля 1918 г. состоялась его первая встреча с Л.Д. Троцким, вернувшимся в Петроград после провала очередного раунда мирных переговоров в Брест-Литовске. В ходе двухчасовой беседы нарком заверил британского представителя, что немцы вряд ли предпримут наступление на советскую столицу. В противном случае, отметил Л.Д. Троцкий, он сумеет убедить советское правительство возобновить войну, если союзники твердо пообещают оказать России помощь⁴³.

Казалось, что полные оптимизма телеграммы Р. Локкарта в Лондон встретили позитивную реакцию А. Бальфура. 21 февраля он сообщил дипломату, что, хотя «сотрудничество с большевиками должно основываться не на любви, а на расчете», «пока они противостоят нашим врагам или приводят их в замешательство, дело большевиков отвечает нашим целям»⁴⁴. При этом настроение Р. Локкарта соответствовало надеждам других неофициальных эмиссаров союзников — капитана Ж. Садуля, прикомандированного к французской военной миссии, и полковника Р. Роббинса, возглавившего осенью 1917 г. представительство американского Красного Креста в России [Kennan, 1961: 49–63; Ullman, 1961: 127].

В итоге, однако, предложения Р. Локкарта были оставлены без ответа, поскольку, как уже отмечалось, далеко не все члены правительства одобряли тактику переговоров с большевиками, а некоторые чиновники Форин офис, например Сесил, выполнявший по совместительству функции заместителя министра иностранных дел, а также представители официальной британской миссии в России во главе с Ф. Линдли и военные (упоминавшийся генерал А. Нокс и др.) вообще считали «флирт» специального посланника с советским режимом «аморальным», называя Р. Локкарта в частной корреспонденции «дураком или предателем, заслуживающим виселицы»⁴⁵ [Ullman, 1961: 49, 72–73].

Следующая беседа с главой НКВД произошла у Р. Локкарта 23 февраля, т.е. после предъявления германского ультиматума, когда большевистское руководство всерьез рассматривало вопрос о согласии на предложение упоминавшегося Ж. Садуля предоставить в распоряжение СНК 40 штабных офицеров, 40 полевых командиров и 300 солдат из числа союзной военной миссии, прибывшей в Россию из Румынии. По замыслу некоторых представителей Антанты, они могли бы послужить своеобразным центром организации партизанского движения против немцев, а в перспек-

⁴³ Там же. С. 209–210.

⁴⁴ Balfour to Lockhart, 21 February 1918 // TNA. FO 371/3199/32015.

⁴⁵ Локкарт Р.Б. История изнутри. С. 209–210.

тиве оказать помощь при формировании новой регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА)⁴⁶ [Трофимова, 1972: 68].

Между тем в позиции В.И. Ленина, имевшей решающее значение, произошло резкое изменение: если 22 февраля он вместе с Л.Д. Троцким допускал поддержку Антанты и продолжение «революционной войны», то через сутки категорически высказался за подписание мирного договора с немцами на любых условиях⁴⁷. Именно эти колебания получили отражение во время второй встречи Р. Локкарта с Л.Д. Троцким, который на этот раз обвинил британского дипломата в интригах против большевиков, но пообещал собеседнику, что мир с немцами будет заключен лишь в тактических целях и на короткий срок⁴⁸. Тем не менее в связи с угрозой захвата германскими войсками Петрограда союзники поспешили рано утром 26 февраля эвакуировать дипломатические миссии из Северной столицы в Вологду, где они вынуждены были оставаться до конца июля 1918 г.⁴⁹ [Быков, Панов, 1998: 11–14].

В то время как советская делегация во главе с Г.Я. Сокольниковым выехала в Брест для подписания мира, Р. Локкорт 1 марта наконец получил возможность увидеться с В.И. Лениным. Продолжая лавировать между двумя «империалистическими блоками», вождь заверил собеседника в эффективности пассивного сопротивления со стороны населения, которое, по его мнению, не позволило бы немцам вывозить продовольствие и сырье. В.И. Ленин также указал на необходимость для германского командования дислоцировать значительные военные силы на востоке. «До тех пор, пока существует немецкая опасность, — заявил председатель СНК, — я готов рискнуть на сотрудничество с союзниками, которое временно будет выгодно для обеих сторон. В случае немецкой агрессии я соглашусь даже на военную помощь»⁵⁰ [Wheeler-Bennett, 1939: 284; Warth, 1954: 227; Swain, 1996: 135].

5 марта произошла третья за полмесяца встреча Р. Локкарта и Л.Д. Троцкого — теперь уже как председателя Высшего военного совета, созданного накануне. О ее результатах британский представитель направил в Лондон следующую телеграмму: «Я имел сегодня длинную беседу с Троцким. Он сообщил мне, что съезд Советов объявит, вероятно, 12 марта священную войну Германии или

⁴⁶ Он же. Агония Российской империи. С. 263.

⁴⁷ Протоколы заседаний ЦК РСДРП(б) 22 и 23 февраля 1918 г. // Протоколы ЦК РСДРП. М.; Л., 1929. С. 243–252.

⁴⁸ Локкорт Р.Б. История изнутри. С. 213.

⁴⁹ Antonelli E. Bolshevik Russia. New York: A. Knopf, 1920. P. 201; Берберова Н.Н. Железная женщина. С. 226.

⁵⁰ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. С. 220, 252.

же поведет себя таким образом, чтобы сделать неизбежным объявление войны Германией. Однако для успеха этой политики важно упомянуть возможность оказания помощи союзниками». Примечательно, что именно на этой встрече собеседники впервые обсудили возможность японской оккупации Сибири, согласие на осуществление которой Уайтхолл дал накануне, оформив его специальным решением Кабинета⁵¹ [Occleshaw, 2006: 91]. В ответной телеграмме А. Бальфура на имя Р. Локкарта глава Форин офис рекомендовал последнему убедить большевистских лидеров в том, что «японцы придут в Россию как друзья, а не как захватчики»⁵² [Dugdale, 1936: 258; Kennan, 1967: 281–282].

Тем временем попытки В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого получить твердые заверения Великобритании, Франции и США в поддержке Советской республики для продолжения вооруженной борьбы против германо-австрийского блока сопровождались не только упомянутой заграничной миссией Л.Б. Каменева и И.А. Залкинда, но и нотами НКИД в адрес союзников и даже переносом съезда Советов с 12 на 14 марта. По словам К.Д. Набокова, в феврале – начале марта 1918 г., т.е. еще до ратификации Брестского договора, «признание Советской власти не только обсуждалось между союзниками, но и было весьма близко к осуществлению»⁵³.

Однако все усилия оказались тщетными, несмотря на отчаянные телеграммы Р. Локкарта в Форин офис, лейтмотивом которых звучала мысль о том, что это последний шанс Антанты и что, санкционируя высадку японских войск во Владивостоке, англичане, французы и американцы упускают возможность восстановить союзнические отношения с Россией после того, как Германия сбросила маску, предъявив грабительские условия сепаратного мира в Бресте [Coates W., Coates Z., 1935: 63–69].

Даже в этой критической ситуации Кабинет не спешил с принятием энергичных мер. Только 9, а затем 14 марта его члены провели дискуссии по запросу Л.Д. Троцкого относительно военной помощи в связи с намерением советского правительства оборонять Украину от вторжения германо-австрийских войск [Swain, 1996: 119]. Однако большинство министров выступили против. Зато экспедиция японских сил на российскую территорию под благовидным предлогом ее защиты от немецкой агрессии получила одобрение Кабинета [Coates W., Coates Z., 1935: 70–71; Быстрова, 2016: 68–71]. Последние надежды государств Согласия «перетянуть» на свою

⁵¹ Meeting of the War Cabinet, 4 March 1918 // TNA. CAB 23/5.

⁵² Генуэзская конференция 1922 г. Материалы и документы / Сост. Г.Б. Сандомирский. М.: НКИД, 1922. С. 147.

⁵³ Набоков К.Д. Испытание дипломата. С. 190.

сторону правительство В.И. Ленина исчезли в результате ратификации 15 марта 1918 г. IV Чрезвычайным съездом Советов мирного договора с участниками Четверного союза [Warth, 1954: 240–241; Northedge, Wells, 1982: 28]. Неслучайно уже на следующий день лидеры Антанты в Лондоне согласились с тем, что остается «только одно средство помощи России – союзная интервенция», а 18 марта специальной декларацией они осудили Брестский мирный договор, признав его юридически недействительным⁵⁴.

* * *

Если до подписания сепаратного мира в британской прессе раздавались голоса за отправку в помощь Р. Локкарту еще одного дипломата левых политических убеждений, а российские порты посетили несколько грузовых пароходов с английскими товарами в качестве «жеста доброй воли», то после 3 марта развернулась кампания настоящей травли большевиков, обвиненных журналистами Флит-стрит во всех смертных грехах. Характерно, что Русский правительственный комитет, продолжавший, несмотря на свержение Временного правительства, работать в столице Соединенного Королевства, направлял всех эмигрантов перед отъездом на родину в Форин офис, где им предлагалось вступать в антибольшевистские организации и даже давались их адреса на территории России. Кроме того, британские власти возобновили практику интернирования военных и коммерческих пароходов из России в английских портах⁵⁵.

Вполне понятно, что помимо возникновения военно-стратегических проблем односторонний выход из войны такого важного союзника, как Россия, означал для Великобритании прорыв экономической блокады Центральных держав и появление реальной угрозы английским владениям в Азии [French, 1995: 173–174]. Неслучайно ряд английских историков сравнивали решение большевиков заключить Брестский мир в 1918 г. с подписанием пакта Молотова–Риббентропа спустя 20 лет [Northedge, Wells, 1982: 27], хотя другие исследователи связывали приобретение большевистской Россией нейтрального статуса с действительным, а не мнимым «конституированием Советского государства» [Ulam, 1968: 75].

Проведенное исследование показывает, что на рубеже 1917–1918 гг. британская дипломатия оказалась неспособной решить стратегическую задачу удержания Советской России в составе Ан-

⁵⁴ Международная политика Новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. С. 135–137; Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. VI. М., 1937. С. 87–88, 101.

⁵⁵ Обзор советско-английских отношений, конец 1917 – начало 1918 г., б/д // АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 2. Д. 7. Л. 31–37.

танты. Это объяснялось не только соперничеством различных мнений среди ведущих политиков Альбиона, но и попытками, хотя и далеко не всегда успешными, большевистского руководства маневрировать между великими державами в надежде сыграть на «империалистических противоречиях», которые позволили бы В.И. Ленину и его соратникам сохранить власть до победы мировой революции. Неудача проектов реанимации Восточного фронта, ставшая очевидной в результате подписания Советской Россией сепаратного мира с державами Четверного союза, оставляла для Лондона только один выход в отношениях с большевистским правительством — организацию вооруженного вмешательства, которое на первом этапе приняло форму интервенции «по соглашению».

Так завершился кратковременный «петроградский» период советско-британских отношений, на протяжении которого, как свидетельствуют источники, сохранялась возможность восстановления союза между РСФСР и Соединенным Королевством. При этом, по глубокому убеждению автора, ответственность за то, что она оказалась нереализованной, несет также и большевистское руководство, которое в тот момент было готово пожертвовать национальным престижем, внутривнутриполитической стабильностью и благосостоянием населения ради создания Всемирной Республики Советов.

В итоге дипломатически проиграли обе стороны: союзники заплатили высокую цену, чтобы остановить весенне-летнее наступление немцев, а Россия покинула ряды Антанты «униженной и оскорбленной». Что же касается последствий заключения Брестского мира для двусторонних отношений, то они оказали самое негативное влияние на перерастание интервенции «по соглашению» первой половины 1918 г. в полномасштабный «крестовый поход» Антанты против РСФСР на протяжении следующего года, обернувшийся для нашей страны кровавыми жертвами и катастрофическими разрушениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков А.В., Панов Л.С. Дипломатическая столица России. Вологда: Ардвисура, 1998.
2. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. СПб.: ИРИ РАН, 2016.
3. Волков Ф.Д. Тайны Уайт-холла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980.
4. Выгодский С.Ю. У истоков советской дипломатии. М.: Госполитиздат, 1965.
5. Давидсон А.Б. Образ Великобритании в России XIX—XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 51—64.
6. Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. М.: Наука, 1989.

7. Иванов А.А. Русская революция и конфликт в британском разведывательном сообществе в 1917–1918 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 150–156.
8. Известные дипломаты России. Министры иностранных дел XX века / Отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Московские учебники, 2007.
9. Кононова М.М. Структура, статус и механизм функционирования российских загранучреждений в эмиграции (1917–1925 гг.). М.: ИВИ РАН, 2004.
10. Левидов М.Ю. К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. Л.: Прибой, 1925.
11. Майский И.М. Англо-советское торговое соглашение 1921 г. // Вопросы истории. 1957. № 5. С. 60–77.
12. Макаренко П.В. Брестский мир и дуализм советской внешней политики // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны: Материалы международной конференции 11–12 ноября 2008 г. / Отв. ред. В.В. Романов. Тамбов: Издательство Тамбовского университета, 2008. С. 232–244.
13. Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 гг. М.: Наука, 2004.
14. Нежинский Л.Н., Рудая Е.Н. НКВД РСФСР в первые годы Советской власти // Очерки истории МИД России / Отв. ред. А.М. Торкунов. Т. 2. М.: Международные отношения, 2002. С. 33–62.
15. Соловьев О.Ф. Из истории борьбы Советского правительства за мирное сосуществование с Англией // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 54–64.
16. Трофимова Л.И. Первые шаги советской дипломатии // Новая и новейшая история. 1972. № 1. С. 63–79.
17. Фельштинский Ю.Г. Крушение мировой революции: Брестский мир, октябрь 1917 – ноябрь 1918. М.: Terra, 1992.
18. Фомин А.М. Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 72–91.
19. Чубарьян А.О. Брестский мир. М.: Наука, 1963.
20. Чубарьян А.О. В.И. Ленин и формирование советской внешней политики. М.: Наука, 1972.
21. Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Госполитиздат, 1989.
22. Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 гг.) и капиталистический мир. СПб.: Д. Булавин, 2002.
23. Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. М.: Госполитиздат, 1949.
24. The Cambridge history of British foreign policy, 1783–1919 / Ed. by A. Ward, G. Gooch. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1923.
25. Chambers R. The last Englishman: The double life of Arthur Ransome. London: Faber and Faber, 2009.
26. Coates W., Coates Z. Armed intervention in Russia 1918–1922. London: V. Gollancz, 1935.

27. Costello J. *Mask of treachery*. London: Collins, 1988.
28. Debo R. Litvinov and Kamenev – ambassadors extraordinary: The problem of Soviet representation abroad // *Slavic Review*. 1975. Vol. XXXIV. No. 3. P. 463–482.
29. Debo R. *Revolution and survival: The foreign policy of Soviet Russia 1917–1918*. Liverpool: Liverpool University Press, 1979.
30. Dennis A. *The foreign policy of Soviet Russia*. New York: J.M. Dent and Sons, 1924.
31. Dugdale B. *Arthur James Balfour*. Vol. 2. London: Hutchinson, 1936.
32. Fischer L. *The Soviets in world affairs. A history of the relations between the Soviet Union and the rest of the world. 1917–1929*. Vol. 1. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1951.
33. Foglesong D. *America's secret war against bolshevism: U.S. intervention in the Russian Civil War, 1917–1920*. Chapel Hill; London: University of North Carolina Press, 1995.
34. French D. *The strategy of the Lloyd George coalition, 1916–1918*. Oxford: Clarendon Press, 1995.
35. Girault R., Frank R. *Turbulente Europe et nouveaux mondes. Histoire des relations internationales contemporaines*. Vol. 2. Paris, etc.: Masson, 1988.
36. Haslam J. *Litvinov, Stalin, and the road not taken // Reexamining the Soviet experience. Essays in honor of Alexander Dallin / Ed. by D. Holloway, N. Naimark*. Boulder, Ca.: Westview Press, 1996. P. 55–62.
37. Henderson A., Dovgalevsky V. *Anglo-Soviet relations, 1918–1929 // Bulletin of International News*. 1929. Vol. VI. No. 7. P. 3–12.
38. Keeble C. *Britain and the Soviet Union, 1917–1989*. London: Macmillan, 1990.
39. Kennan G. *Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston: Little, Brown and Co., 1961.
40. Kennan G. *Soviet-American relations, 1917–1920*. Vol. 1. New York: Atheneum, 1967.
41. Kettle M. *Russia and the Allies. 1917–1920*. Vol. 1. London: A. Deutsch, 1981.
42. Lowe C., Dockrill M. *The mirage of power: British foreign policy, 1902–1922*. Vol. 2. London: Routledge and Kegan Paul, 1972.
43. Macrae M. *Recasting the victory strategy: Russia's exit from the war and its impact on Allied war plans // Первая мировая война, Версальская система и современность / Под ред. А.Ю. Павлова и др. Вып. 3. СПб.: Изд. РХГА, 2015. С. 289–296*.
44. Macdonald D., Dronfield J. *A very dangerous woman. The lives, loves and lies of Russia's most seductive spy*. London: Oneworld, 2016.
45. Northedge F., Wells A. *Britain and Soviet communism: The impact of a revolution*. London; Basingstoke: Macmillan, 1982.
46. Occleshaw M. *Dances in deep shadows: The clandestine war in Russia, 1914–20*. New York: Carrol and Graf Publishers, 2006.
47. Page Arnot R. *The impact of the Russian Revolution in Britain*. London: Lawrence and Wishart, 1967.

48. Scheffer P. Maxim Litvinov: An intimate study // *Current History*. 1931. Vol. XXXIV. No. 4. P. 670–677.

49. Schuman F. *Russia since 1917. Four decades of Soviet politics*. New York: A. Knopf, 1957.

50. Sharp A. Some relevant historians – the political intelligence department of the Foreign Office, 1918–1920 // *Australian Journal of Politics and History*. 1988. Vol. XXXIV. No. 3. P. 359–388.

51. Swain G. *The origins of the Russian Civil War*. London; New York: Longman, 1996.

52. Ulam A. *Expansion and coexistence. The history of Soviet foreign policy, 1917–67*. New York; Washington: F. Praeger, 1968.

53. Ullman R. *Anglo-Soviet relations, 1917–1921*. Vol. 1. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961.

54. Warth R. *The Allies and the Russian Revolution*. Durham, N.C.: Duke University Press, 1954.

55. Wheeler-Bennett J. *Brest-Litovsk 1918. The forgotten peace, March 1918*. London: Macmillan, 1939.

56. White S. *The origins of détente. The Genoa Conference and Soviet-Western relations, 1921–1922*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

E.Yu. Sergeev

**THE SOVIET-BRITISH RELATIONS
AT THE TURN OF 1917/1918:
KEY ISSUES AND UNTAPPED OPPORTUNITIES**

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences
32A Leninskii prospekt, Moscow, 119334*

*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993*

This paper examines one of the key issues in relations between the Great Britain and the Bolshevik government during the first months after the October period of the Great Russian Revolution of 1917–1922 – participation of the Soviet Russia in military operations on the side of the Entente in the final stage of the First World War. The author emphasizes that position of the British political elites regarding the seizure of power in Russia by Vladimir Lenin and his supporters was not as straightforward as it was portrayed by the Soviet and Russian historiography: the British politicians faced a dilemma since they did not want to see Russia either as a neutral country or an enemy. On the basis of contemporaries' memoirs and diaries, previously unstudied official documents as well as a comparative analysis of the Russian and Western historiography, especially the recent publications, the author assesses successes and failures of both the Foreign Office and the People's Commissariat of Foreign Affairs in the late 1917 and early 1918 – the least studied period in the history of the

Soviet-British relations. The paper shows that apart from a continuous fighting on the fronts of the Great War, these successes and failures were attributable to a number of factors, including political struggle in both countries, strategic foreign policy objectives of both the Bolsheviks and the British elites, as well as the interference of the third parties – be it allies or enemies. In this difficult context, practical steps of the foreign ministries of both countries primarily depended on the outcomes of the intense polemics between the British and the Bolshevik politicians, diplomats and opinion leaders. Special focus is on the relations between the Soviet Russia and Great Britain during the Brest peace negotiations and particularly on the mission of R.H. Bruce Lockhart. The author concludes that throughout this period neither side managed to win the diplomatic duel: Great Britain had lost its strategic ally whereas Russia after four years of struggle had to repel the military intervention of its ex-partners in the Entente.

Keywords: the Soviet Russia, Great Britain, diplomatic relations, the First World War, Treaty of Brest-Litovsk, Vladimir Lenin, Leon Trotsky, Maxim Litvinov, David Lloyd George, Winston Churchill, R.H. Bruce Lockhart.

About the author: *Evgenii Yu. Sergeev* – Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow at the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Professor at the Russian State University for the Humanities (e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com).

REFERENCES

1. Bykov A.V., Panov L.S. 1998. *Diplomaticheskaya stolitsa Rossii* [Diplomatic capital of Russia]. Vologda, Ardisura Publ. (In Russ.)
2. Bystrova N.E. 2016. *‘Russkii vopros’ v 1917 – nachale 1920 g.: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy* [‘Russian question’ in 1917 – early 1920: The Soviet Russia and the Great Powers]. St Petersburg, IRI RAN Publ. (In Russ.)
3. Volkov F.D. 1980. *Tainy Whitehall i Downing-street* [Mysteries of Whitehall and Downing Street]. Moscow, Mysl’ Publ. (In Russ.)
4. Vygodskii S.Yu. 1965. *U istokov sovetskoj diplomatii* [Origins of the Soviet diplomacy]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
5. Davidson A.B. 2005. *Obraz Velikobritanii v Rossii XIX–XX stoletii* [The image of Great Britain in Russia in the 19th – 20th centuries]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 51–64. (In Russ.)
6. Dumova N.G., Trukhanovskii V.G. 1989. *Cherchill’ i Milyukov protiv Sovetskoi Rossii* [Churchill and Milyukov against the Soviet Russia]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
7. Ivanov A.A. 2012. *Russkaya revolyutsiya i konflikt v britanskom razvedyvatel’nom soobshchestve v 1917–1918 gg.* [Russian Revolution and conflict within the British intelligence community in 1917–1918]. *Voprosy istorii*, no. 10, pp. 150–156. (In Russ.)
8. Torkunov A.V. (ed.). 2007. *Izvestnye diplomaty Rossii. Ministry inostrannykh del XX veka* [Russia’s famous diplomats. Ministers for Foreign Affairs in the 20th century]. Moscow, Moskovskie uchebniki Publ. (In Russ.)

9. Kononova M.M. 2004. *Struktura, status i mekhanizm funktsionirovaniya rossiiskikh zagranuchrezhdenii v emigratsii (1917–1925 gg.)* [Structure, status, and functioning mechanisms of the Russian foreign missions in emigration in 1917–1925]. Moscow, IVI RAN Publ. (In Russ.)

10. Levitov M.Yu. 1925. *K istorii soyuznoi interentsii v Rossiiu* [To the history of the Allied intervention in Russia]. Leningrad, Priboi Publ., vol. 1. (In Russ.)

11. Maiskii I.M. 1957. Anglo-sovetskoe torgovoe soglashenie 1921 g. [Anglo-Soviet Trade Agreement of 1921]. *Voprosy istorii*, no. 5, pp. 60–77. (In Russ.)

12. Makarenko P.V. 2008. Brestskii mir i dualizm sovetskoii vneshnei politiki [The Treaty of Brest-Litovsk and the duality of Soviet foreign policy]. In Romanov V.V. (ed.) *Chicherinskie chteniya. Rossiya i mir posle Pervoi mirovoi voiny: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, November 11–12, 2008* [The Chicherin Readings. Russia and the world after the First World War: Proceedings of the international conference, November 11–12, 2008]. Tambov, Tambovskii universitet Publ., pp. 232–244. (In Russ.)

13. Nezhinskii L.N. 2004. *V interesakh naroda ili vopreki im? Sovetskaya mezhdunarodnaya politika v 1917–1933 gg.* [In the interests of people or against them? Soviet international policy in 1917–1933]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

14. Nezhinskii L.N., Rudaya E.N. 2002. NKID RSFSR v pervye gody Sovetskoii vlasti [Peoples' Commissariat for Foreign Affairs of the Russian SFSR in the first years of the Soviet rule]. In Torkunov A.M. (ed.) *Ocherki istorii MID Rossii* [Essays on the history of the Russian Foreign Ministry]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., vol. 2, pp. 33–62. (In Russ.)

15. Solov'ev O.F. 1965. Iz istorii bor'by Sovetskogo pravitel'stva za mirnoe sosushchestvovanie s Angliiei [From the history of the Soviet government's struggle for peaceful coexistence with England]. *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 54–64. (In Russ.)

16. Trofimova L.I. 1972. Pervye shagi sovetskoii diplomatii [The first steps of the Soviet diplomacy]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 1, pp. 63–79. (In Russ.)

17. Fel'shtinskii Yu.G. 1992. *Krushenie mirovoi revolyutsii: Brestskii mir, October 1917 – November 1918* [Collapse of the world revolution: The Treaty of Brest-Litovsk, October 1917 – November 1918]. Moscow, Terra Publ. (In Russ.)

18. Fomin A.M. 2012. Voенno-politicheskie tseli Velikobritanii na zavershayaushchem etape Pervoi mirovoi voiny [British political and war aims at the final stage of World War I]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 3, pp. 72–91. (In Russ.)

19. Chubar'yan A.O. 1963. *Brestskii mir* [The Treaty of Brest-Litovsk]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

20. Chubar'yan A.O. 1972. *Lenin i formirovanie sovetskoii vneshnei politiki* [Lenin and development of the Soviet foreign policy]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

21. Sheinis Z.S. 1989. *Maksim Maksimovich Litvinov: revolyutsioner, diplomat, chelovek* [Maxim Maximovich Litvinov: The revolutionary, the diplomat, the man]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)

22. Shishkin V.A. 2002. *Stanovlenie vneshnei politiki poslerevolyutsionnoi Rossii (1917–1930 gg.) i kapitalisticheskii mir* [Foreign policy of the post-revolutionary Russia in 1917–1930 and the capitalist world]. St Petersburg, D. Bulavin Publ. (In Russ.)

23. Shtein B.E. 1949. 'Russkii vopros' na Parizhskoi mirnoi konferentsii [The 'Russian question' at the Paris peace conference]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
24. Ward A., Gooch G. (eds.). 1923. *The Cambridge history of British foreign policy, 1783–1919*. Cambridge, Cambridge University Press, vol. 3.
25. Chambers R. 2009. *The last Englishman: The double life of Arthur Ransome*. London, Faber and Faber.
26. Coates W., Coates Z. 1935. *Armed intervention in Russia 1918–1922*. London, V. Gollancz.
27. Costello J. 1988. *Mask of treachery*. London, Collins.
28. Debo R. 1975. Litvinov and Kamenev – ambassadors extraordinary: The problem of Soviet representation abroad. *Slavic Review*, vol. XXXIV, no. 3, pp. 463–482.
29. Debo R. 1979. *Revolution and survival: The foreign policy of Soviet Russia 1917–1918*. Liverpool, Liverpool University Press.
30. Dennis A. 1924. *The foreign policy of Soviet Russia*. New York, J.M. Dent and Sons.
31. Dugdale B. 1936. *Arthur James Balfour*. London, Hutchinson.
32. Fischer L. 1951. *The Soviets in world affairs. A history of the relations between the Soviet Union and the rest of the world. 1917–1929*. Princeton, N.J., Princeton University Press, vol. 1.
33. Foglesong D. 1995. *America's secret war against bolshevism: U.S. intervention in the Russian Civil War, 1917–1920*. Chapel Hill, London, University of North Carolina Press.
34. French D. 1995. *The strategy of the Lloyd George coalition, 1916–1918*. Oxford, Clarendon Press.
35. Girault R., Frank R. 1988. *Turbulente Europe et nouveaux mondes. Histoire des relations internationales contemporaines*. Paris, etc., Masson, vol. 2.
36. Haslam J. 1996. Litvinov, Stalin and the road not taken. In Holloway D., Naimark N. (eds.). *Reexamining the Soviet experience. Essays in honor of Alexander Dallin*. Boulder, Ca., Westview Press, pp. 55–62.
37. Henderson A., Dovgalevsky V. 1929. Anglo-Soviet relations, 1918–1929. *Bulletin of International News*, vol. VI, no. 7, pp. 3–12.
38. Keeble C. 1990. *Britain and the Soviet Union, 1917–1989*. London, Macmillan.
39. Kennan G. 1961. *Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston, Little, Brown and Co.
40. Kennan G. 1967. *Soviet-American relations, 1917–1920*. New York, Atheneum, vol. 1.
41. Kettle M. 1981. *Russia and the Allies. 1917–1920*. London, A. Deutsch, vol. 1.
42. Lowe C., Dockrill M. 1972. *The mirage of power: British foreign policy, 1902–1922*. London, Routledge and Kegan Paul, vol. 2.
43. Maccrae M. 2015. Recasting the victory strategy: Russia's exit from the war and its impact on Allied war plans. In Pavlov A. Yu. (ed.). *Pervaya mirovaya voyna, Versal'skaya sistema i sovremennost'* [World War I, Versailles system and modernity]. St Petersburg, RKHGA Publ., ins. 3, pp. 289–296.

44. Macdonald D., Dronfield J. 2016. *A very dangerous woman. The lives, loves and lies of Russia's most seductive spy*. London, Oneworld.
45. Northedge F., Wells A. 1982. *Britain and Soviet communism: The impact of a revolution*. London, Macmillan.
46. Occeleshaw M. 2006. *Dances in deep shadows: The clandestine war in Russia, 1914–20*. New York, Carrol and Graf Publishers.
47. Page Arnot R. 1967. *The impact of the Russian Revolution in Britain*. London, Lawrence and Wishart.
48. Scheffer P. 1931. Maxim Litvinov: An intimate study. *Current History*, vol. XXXIV, no. 4, pp. 670–677.
49. Schuman F. 1957. *Russia since 1917. Four decades of Soviet Politics*. New York, A. Knopf.
50. Sharp A. 1988. Some relevant historians – the Political Intelligence Department of the Foreign Office, 1918–1920. *Australian Journal of Politics and History*, vol. XXXIV, no. 3, pp. 359–388.
51. Swain G. 1996. *The origins of the Russian Civil War*. London, New York, Longman.
52. Ulam A. 1968. *Expansion and coexistence. The history of Soviet foreign policy, 1917–67*. New York, Washington, F. Praeger.
53. Ullman R. 1961. *Anglo-Soviet relations, 1917–1921*. Princeton, N.J., Princeton University Press, vol. 1.
54. Warth R. 1954. *The Allies and the Russian Revolution*. Durham, N.C., Duke University Press.
55. Wheeler-Bennett J. 1939. *Brest-Litovsk 1918. The forgotten peace, March 1918*. London, Macmillan.
56. White S. 1985. *The origins of détente. The Genoa Conference and Soviet-Western relations, 1921–1922*. Cambridge, Cambridge University Press.

МИРОВОЙ ПОРЯДОК В XXI ВЕКЕ

И.А. Истомина*

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДЕРЖАВНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

Развитие в современной мировой системе параллельных тенденций углубления политических противоречий между ведущими державами и наращивания экономической интегрированности стран порождает вопрос об их соотношении. Целью настоящей статьи стало выявление роли тесной экономической взаимозависимости в обострении конкуренции между ведущими державами за позиционные преимущества в вопросах международного регулирования и институциональную власть. Актуальность данной тематики объясняется тем, что утверждение своих предпочтений в нормативной структуре мирового экономического порядка обеспечивает стране долгосрочное закрепление собственного влияния. Раскрытие обозначенной проблемы потребовало характеристики современного этапа развития отношений между ведущими мировыми державами. Автор демонстрирует, что в 2010-х годах наблюдается обострение междержавной конкуренции на фоне подъема центров силы, представляющих альтернативу Соединенным Штатам. В статье рассматриваются конкурирующие теоретические подходы к оценке стабильности современной конфигурации мировой системы, а также к объяснению зависимости международной конфликтности от степени экономической интегрированности государств. Отмечается, что обращение к экономическому измерению мировой политики в зарубежном экспертном сообществе с конца 2000-х годов стало одной из основных линий аргументации, обосновывающей перспективу мирной и относительно бесконфликтной эволюции мирового порядка. На примерах конца 2000-х – 2010-х годов проиллюстрирован процесс превращения сферы институционального

* *Истомина Игорь Александрович* – кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России (e-mail: iaistomin@gmail.com).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 15-03-00728.

регулирования мирового хозяйства в одну из центральных арен конкуренции между ведущими державами. Наконец, в статье представлены социальные и технологические изменения, способные ограничить дальнейший рост интегрированности международной среды. Современная ситуация в некотором смысле оказывается «худшим из миров», в котором потребности государств в доступе к мировым рынкам сочетаются с серьезными различиями в их конкурентных преимуществах, а значит, и с разницей в предпочтениях относительно эволюции правил международного хозяйственного регулирования. Автор делает вывод, что подобная комбинация порождает риски дальнейшего обострения противоречий между крупнейшими международными игроками.

Ключевые слова: великие державы, международная система, экономическая взаимозависимость, США, восходящие державы, глобальное управление, ВТО, Бреттон-Вудские институты, Китай, полицентричный мир, теория международных отношений.

Развитие в современной мировой системе параллельных тенденций углубления политических противоречий между ведущими державами и наращивания экономической интегрированности стран порождает вопрос об их соотношении. В западных исследованиях нередко интенсификация экономической взаимозависимости представляется в качестве гаранта поддержания международно-политической стабильности – страховки от того, что страны слишком увлекутся взаимными противоречиями и допустят скатывание к вооруженной конфронтации¹. Вместе с тем даже в зарубежном экспертном сообществе подобные оценки не находят единогласной поддержки.

В отечественных исследованиях проблематика влияния углубления экономической взаимосвязанности мира на международную политику привлекала внимание в первую очередь в контексте неомарксистской критики глобализации как механизма закрепления неэквивалентного обмена между развитыми и развивающимися странами (см., например: [Нарыков, 2003; Шевченко и др., 2017]). При этом обострение международной конфликтности ассоциируется с борьбой за материальные ресурсы, особенно на периферии мирового хозяйства.

Между тем настоящая статья концентрируется на выявлении роли тесной экономической интегрированности в углублении конкуренции между ведущими державами за позиционные преимущества в вопросах международного регулирования и институциональную власть. Актуальность данной тематики объясняется тем, что утверждение своих предпочтений в нормативной структуре ми-

¹ Наиболее яркое представление подобной аргументации см.: [Ikenberry, 2011].

рового экономического порядка обеспечивает стране долгосрочное закрепление собственного влияния. Автор доказывает, что глубокая взаимосвязанность современных экономик и обществ становится дополнительным источником обострения соперничества в международной системе, а не структурным стабилизатором, как это часто утверждается.

Для раскрытия обозначенной проблемы в статье дана характеристика современного этапа развития отношений между ведущими мировыми державами, рассмотрены конкурирующие теоретические подходы к оценке стабильности существующей конфигурации международной системы, а также к объяснению зависимости международной конфликтности от степени экономической взаимосвязанности государств. На примерах конца 2000-х – 2010-х годов проиллюстрирован процесс превращения сферы институционального регулирования мирового хозяйства в одну из центральных арен конкуренции между ведущими державами. Наконец, представлены социальные и технологические изменения, способные ограничить дальнейший рост интегрированности международной среды.

* * *

Период после окончания «холодной войны» был отмечен относительным снижением интенсивности конкуренции между ведущими мировыми державами. В значительной степени такое положение было обусловлено существенным отрывом Соединенных Штатов от других игроков по своему материальному потенциалу. В то же время, как указывал отечественный специалист А.Д. Богатуров, США избирательно использовали инструменты силового принуждения и избегали их применения против крупных государств [Богатуров, 2003: 21–22], что также способствовало поддержанию относительной стабильности на общесистемном уровне (при сохранении и даже расширении со временем локальных зон нестабильности).

Контрагенты Вашингтона, хотя нередко критиковали его действия и даже пытались использовать институциональные механизмы ограничения его амбиций, воздерживались от прямого столкновения с ним². Подобный подход в наибольшей степени проявился в максимах, сформулированных китайским лидером Дэн Сяопином, ориентировавшим КНР на то, чтобы «скрывать свои возможности и выигрывать время, научиться не привлекать к себе внимания» [цит. по: Мамонов, 2010: 49].

² Подобного рода стратегии в западных исследованиях получили наименование «мягкое балансирование» [Pape, 2005; Paul, 2005].

В 2010-х годах ситуация качественно изменилась. Стремительный экономический рост Китая, подъем Индии, частичное восстановление российских позиций привели к сокращению разрыва между США и другими государствами. В результате снижения асимметрии между крупными игроками в международной системе стала возрастать конкурентность: с одной стороны, увеличились амбиции тех стран, которые в предыдущие два десятилетия были фактически исключены из процессов мирорегулирования, с другой – усилились опасения за свои институциональные позиции у доминирующей державы³.

Изменения в соотношении материальных потенциалов способствовали активизации дискуссии относительно перестройки международного порядка. Даже та часть американского исследовательского сообщества, которая критически оценивает предположения относительно сравнительного ослабления Соединенных Штатов и исходит из сохранения их преобладания в мире, согласна, что в международной системе наблюдаются качественные изменения [Brooks, Wohlforth, 2016].

Другие авторы прогнозируют переход к полицентричному миру, в котором правила игры будет определять разнородная группа крупных держав. В качестве исторической аналогии нередко рассматривается опыт «великодержавного концерта», поддерживавшего стабильность в Европе в XIX столетии [Никитин, 2016]. Такая организация мира предполагает не только наличие сравнительно сопоставимых (хотя и не обязательно равных по своим потенциалам) центров силы, но и преобладание кооперативного модуса взаимоотношений между ними. Только в этом случае они способны обеспечить коллективное регулирование международной среды.

Между тем 2010-е годы были отмечены не углублением взаимопонимания, а возрастанием противоречий между крупными державами, что стимулировало активизацию балансирования между ними. Очагами локализации конфликтности стали Восточная Европа (в которой сталкиваются интересы России и США), Южно-Китайское море и Корейский полуостров (где активно действуют Вашингтон и Пекин). Кроме того, обозначились свидетельства продолжающейся конкуренции между Китаем и Индией (в том числе непосредственное соприкосновение их вооруженных сил в Гималаях)⁴.

³ Подобное сочетание получило обозначение «ловушки Фукидида», так как оно присутствует в объяснении древнегреческим автором истоков войны между Афинами и Спартой [Allison, 2017].

⁴ Panda A. The Doklam standoff between India and China is far from over // The Diplomat. 22.10.2017. Available at: <https://thediplomat.com/2017/10/the-doklam-standoff-between-india-and-china-is-far-from-over/> (accessed: 02.02.2018).

Рост взаимных подозрений проявился и в большем внимании государств к инструментам военного сдерживания. В частности, явные опасения в США и других западных странах вызвало развитие в КНР и России систем ограничения и блокирования доступа враждебных сил в прилегающие к их границам морские и воздушные пространства (anti-access / area denial – A2/AD) [Montgomery, 2014; Frühling, Lasconjarias, 2016].

Для сохранения военного преобладания и контроля над «общими пространствами» Соединенные Штаты приступили к реализации «третьей стратегии компенсации» [Кокошин и др., 2015]. Тем самым Вашингтон отошел от прежней концентрации на обеспечении победы в асимметричных конфликтах и проведении противоповстанческих операций, сконцентрировавшись на повышении возможностей сдерживания потенциальных конкурентов.

Аналогичным образом уже с 2000-х годов нарастали противоречия между государствами относительно развития институтов регулирования мировой экономики. В частности, инициированный в 2001 г. Дохийский раунд переговоров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) закончился провалом из-за разногласий между развитыми и развивающимися странами (в первую очередь США и ЕС, с одной стороны, и Индии и Бразилии – с другой) [Hopewell, 2016: 176–207]. Попытки реформирования Бреттон-Вудских институтов в 2010-х годах, направленные на расширение представленности в них «восходящих» держав (Китая, Индии), блокировалась на протяжении длительного времени Соединенными Штатами⁵.

Таким образом, противоречия между ведущими державами проявляются не только в военно-политической сфере, но и в вопросах международного регулирования экономического сотрудничества. В этих условиях ожидания относительно формирования концерта крупнейших центров силы вступает в противоречие с текущими тенденциями в международной политике.

* * *

Наблюдаемая интенсификация противоречий между ведущими мировыми державами соответствует положениям структурных теорий международной политики. В частности, американский исследователь Кеннет Уолтц рассматривал полицентричную конфигурацию международного порядка как априори нестабильную [Waltz, 1979].

⁵ Hardin R. US fails to approve IMF reforms // The Financial Times. 14.01.2014. Available at: <https://www.ft.com/content/8d4755ee-7d43-11e3-81dd-00144feabdc0> (accessed: 02.02.2018).

Возрастание плюрализма в системе создает три основных источника потенциальной дестабилизации. Во-первых, большему числу государств сложнее договариваться друг с другом относительно общих правил игры, так как поле их совпадающих интересов сокращается (рисунок). Во-вторых, при возрастании количества игроков увеличивается и набор конфигураций отношений между ними. В результате повышается сложность стратегических расчетов во внешней политике государства.

В частности, если представить, что отношения между субъектами могут приобретать лишь одно из двух значений (конфронтационные (-), кооперативные (+)), то при наличии двух значимых участников (А и Б) возможны только две конфигурации системы:

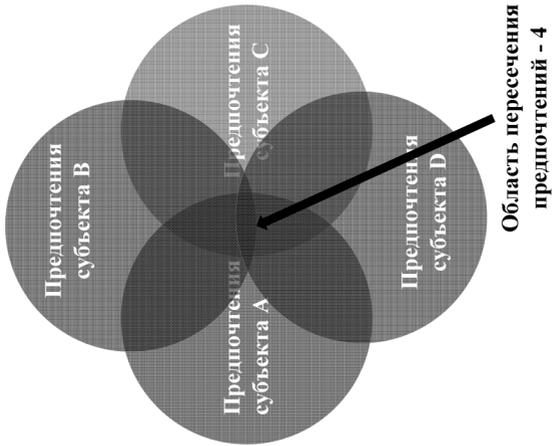
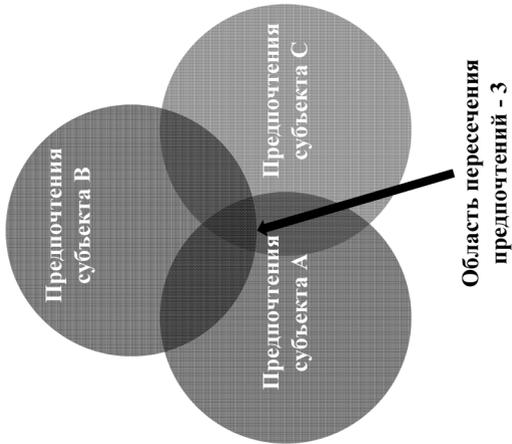
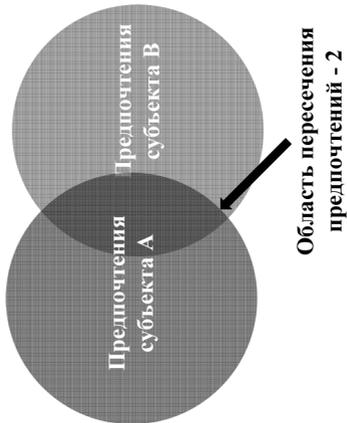
- 1) А-Б – биполярная конфронтация;
- 2) А+Б – кооперативная биполярность.

Если же число игроков возрастает до трех (А, Б и В), то система может принимать одну из восьми конфигураций:

- 1) А-Б, А-В, Б-В;
- 2) А-Б, А-В, Б+В;
- 3) А-Б, А+В, Б-В;
- 4) А-Б, А+В, Б+В;
- 5) А+Б, А-В, Б-В;
- 6) А+Б, А-В, Б+В;
- 7) А+Б, А+В, Б-В;
- 8) А+Б, А+В, Б+В.

Наконец, в-третьих, при возрастании числа игроков каждый из участников ощущает меньшую ответственность за поддержание стабильности в системе. В этих условиях у него растет стремление переложить издержки на партнеров – тем самым проявляется проблема «безбилетника» [Stigler, 1974].

Критики структурных объяснений международной политики обвиняют их в ригористичности, недооценке способности государств к стратегическому планированию и осознанию долгосрочных рисков своих действий. В этой связи британский исследователь Б. Бузан обращает внимание на то, что последствия перераспределения потенциалов в современном мире могут смягчаться параллельной регионализацией мирового порядка [Buzan, 2011]. В условиях меньшей концентрации ресурсов (по сравнению с биполярной или гегемонистской системой) в руках ограниченного числа игроков каждый из них может стремиться к выделению собственной зоны привилегированных интересов, в рамках которой он будет поддерживать выгодные ему правила игры. Обоснованность этой гипотезы подкрепляет тот факт, что в большинстве описанных нами очагов локализации военно-политической конфликтности оппоненты США

Соотношение областей пересечения участников двусторонних и многосторонних взаимодействий

Источник: составлено автором.

(Россия и Китай) демонстрируют стремление не столько к глобальному доминированию, сколько к укреплению позиций у собственных границ.

В этой связи можно было бы ожидать в рамках предполагаемой полицентричной системы достижения некоторого стабильного эквилибриума, основанного не на кооперативном соуправлении в рамках «концерта», а на разграничении региональных комплексов, выстроенных вокруг отдельных крупных держав. Растущие ожидания относительно такого «раздела мира» отражаются в повышении интереса к тематике регионализации в международных исследованиях. В истории немало примеров подобной организации мирового порядка – древние и средневековые цивилизации знали о существовании друг друга и даже поддерживали торговые отношения (достаточно вспомнить широко ныне упоминаемый «Великий шелковый путь»), но ввиду географической удаленности, низкого уровня развития коммуникаций и отсутствия серьезных побудительных мотивов зачастую не угрожали интересам других региональных игроков.

Источником конфликтности в таком регионализированном порядке оставались бы споры относительно границ между его составными частями. В этом смысле «украинский кризис», начавшийся в 2013 г. как противостояние двух интеграционных инициатив (Европейского союза и Евразийского экономического союза), мог бы рассматриваться как прообраз конфликтов в полицентричной системе, построенной на разделении сфер ответственности. В то же время сама по себе локализация конфликтности на окраинах региональных комплексов, с точки зрения приверженцев такого подхода, будет способствовать ограничению их масштабов.

Между тем американский теоретик Дж. Миршаймер, опираясь на разработанную им модель наступательного реализма, указывает на неспособность государств ограничиться доминированием в собственном регионе [Mearsheimer, 2014]. При наличии такой гегемонии они стремятся помешать другим державам установить контроль над собственным окружением, как это и делают Соединенные Штаты на протяжении последних десятилетий в Европе и Восточной Азии. В рамках этой логики акцент России и КНР на прилегающих регионах определяется лишь их неспособностью выдвинуть из них США. В случае успеха в решении ими этой задачи их амбиции также приобретут глобальный охват.

Важным различием в подходах Дж. Миршаймера и Б. Бузана выступает акцентирование первым страха крупных держав за собственное выживание, которое не может быть гарантировано при

наличии конкурентов, даже географически удаленных. Б. Бузан в большей степени рассматривает установление доминирования государством как инструмент закрепления выгодных ему институтов регулирования экономических отношений. С его точки зрения, значение дилеммы безопасности в современной международной системе снизилось под влиянием возросшей взаимосвязанности стран.

Укрепление взаимозависимости между государствами выступает одним из ключевых аргументов критиков реалистских оценок рисков международной стабильности. Они указывают на то, что в условиях тесных экономических взаимосвязей, наличия глобальных проблем и угрозы выживанию человечества в случае ядерной войны цена военного столкновения между державами существенно возрастает, если не становится неподъемной. В результате Б. Бузан характеризует ожидаемую им концентрацию центров силы на организации собственных регионов как процесс формирования «децентрализованного глобализма» [Buzan, 2011: 21–22]⁶.

Наблюдаемое в его концепции и в других схожих работах совмещение признания роста взаимозависимости и акцента на регионализации международной системы представляется крайне непоследовательным. Рост взаимосвязанности повышает не только цену конфликта в международной системе, но и стоимость сотрудничества. Он также делает невозможным то самое «расхождение по углам», на которое уповают приверженцы построения регионализованного международного порядка.

* * *

О влиянии взаимозависимости (в первую очередь экономической) на международную конфликтность еще в начале XX в. писал известный публицист Норман Энджелл [Энджелл, 2009], однако предметом активного теоретического осмысления это явление стало лишь с конца 1970-х годов. Представители неолиберального направления исследований международных отношений указывали на то, что углубление торговых и инвестиционных взаимосвязей между государствами создает прибавочную выгоду для каждого из них, в то время как обострение политических противоречий между ними порождает риски утери этой выгоды в результате конфликта [Polachek, 1980]. В этой связи экономическая целесообразность должна порождать сдержанность в политике игроков, заставляя их избегать вооруженного столкновения.

⁶ Возможность реорганизации мирового порядка вокруг региональных комплексов ранее рассматривалась и другими исследователями (см., например: [Kurchan, 1998]).

Несмотря на множество эмпирических исследований, указывающих на негативную корреляцию между торгово-инвестиционными связями и политической конфликтностью [Gasiorowski, Polachek, 1982; Gasiorowski, 1986; Oneal, Russett, 1997; Oneal et al., 2003; Hegre et al., 2010], представители реализма нередко подвергают критике теорию экономической взаимозависимости. Они отмечают, что углубление хозяйственной кооперации приводит к возрастанию зависимости национальной экономики от иностранных партнеров, делая ее уязвимой в случае перебоев доступа к зарубежным поставщикам и рынкам сбыта.

В результате стабилизирующий эффект экономической взаимозависимости оказывается неустойчивым. Он сохраняется только до того времени, пока государство уверено в перспективах получения выгоды в будущем. Между тем в случае утери таких гарантий взаимозависимость превращается из причины сдержанности в источник раздражений в отношениях – происходит секьюритизация собственной уязвимости, которая ранее не проблематизировалась [Copeland, 2015].

В качестве исторической иллюстрации реалисты нередко указывают на ситуацию в Европе в начале XX в. Интенсивные экономические связи между крупнейшими державами не смогли предотвратить начало Первой мировой войны, а даже способствовали ее развязыванию [Cooper, 2015]. Столетие спустя масштабы экономической интегрированности уже превысили этот уровень. Крупнейшие государства нередко выступают основными торговыми партнерами друг для друга (таблица). При этом международное экономическое сотрудничество перешло на качественно новый этап в результате формирования транснациональных производственных цепочек. Гораздо большую долю в нем стала занимать торговля промежуточными товарами, а не конечной продукцией (в начале 2010-х годов – около 2/3 общего объема мировой торговли), что еще больше привязывает страны друг к другу [Johnson, Noguera, 2012].

Таким образом, изменения в характере взаимозависимости используются как сторонниками, так и оппонентами гипотезы о ее стабилизирующем влиянии на международную политику. Первые указывают на то, что мир превращается в фактически единую планетарную хозяйственную систему, основанную на глобальном разделении труда. В этих условиях она функционирует скорее как целостное общество, чем как совокупность автономных игроков [Buzan, 2014]. Вторые обращают внимание на еще большую стоимость переориентации экономики в случае разрыва транснациональных производственных цепочек и соответственно на возрастание уязвимости государств.

Основные торговые партнеры ведущих государств мира

Страна	Крупнейшие торговые партнеры				
Бразилия	Китай	США	Аргентина	Нидерланды	Германия
Великобритания	США	Германия	Франция	Нидерланды	Ирландия
Германия	США	Франция	Великобритания	Нидерланды	Китай
Китай	США	Гонконг	Япония	Южная Корея	Германия
Россия	Нидерланды	Китай	Германия	Белоруссия	Турция
США	Канада	Мексика	Китай	Япония	Великобритания
Франция	Германия	Испания	США	Италия	Великобритания
Япония	США	Китай	Южная Корея	Гонконг	Тайвань

Примечание: в таблице представлены традиционные центры силы (государства «Группы семи» кроме Италии и Канады) и восходящие державы (государства – участники БРИКС кроме ЮАР). Для каждой из стран указаны пять основных партнеров по объему экспорта промышленных товаров в порядке убывания. Серым выделены случаи, когда в качестве таких партнеров выступают другие рассматриваемые в таблице государства.

Источник: UNCTAD Stat. Country Profiles. Available at: <http://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/en-GB/index.html> (accessed: 20.11.2017).

Дальнейший анализ в рамках настоящей статьи призван показать, что реалистская критика неолиберальной теории взаимозависимости, хотя и справедлива, но неполна. Она не учитывает того, что высокоинтегрированное мировое хозяйство нуждается в институтах регулирования экономических потоков, которые никогда не могут быть нейтральными. Эти институты в большей степени отражают интересы доминирующих игроков, а значит, контроль над ними становится предметом противоборства в тех случаях, когда таких игроков несколько.

* * *

И неолибералы, и реалисты при оценке последствий взаимозависимости по большей части обращают внимание на сферу военно-политических отношений между государствами. В то же время она существенно влияет и на глобальное управление. На протяжении

второй половины XX в. укрепление торгово-экономических связей подстегивало развитие институтов, обеспечивавших для этого стабильную регулятивную среду. В свою очередь внедрение на международном уровне норм, побуждающих национальные экономики к либерализации, приводило к дальнейшему углублению взаимозависимости между странами.

Этот процесс развивался в условиях доминирования одного государства, которое демонстрировало способность последовательно навязывать другим участникам мировой экономики собственные институциональные предпочтения. На протяжении «холодной войны» даже на фоне конкуренции с Советским Союзом в военно-политической сфере, стремительного подъема европейских стран и Японии крупнейшей экономикой мира оставались Соединенные Штаты. Именно они выступали инициаторами и гарантами создания Бреттон-Вудских институтов и подписания Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ; General Agreement on Tariffs and Trade, GATT). В 1970-х годах они принудили другие развитые страны к перестройке мировой финансовой системы, отказавшись от «золотого стандарта». Они также последовательно добивались снижения ограничений в международной торговле в ходе сменявшихся друг друга раундов ГАТТ вплоть до создания ВТО в 1995 г. [Mastanduno, 2009].

Специфика состояния международной системы второго десятилетия XXI в. определяется сочетанием тесной взаимосвязанности национальных экономик и интенсификацией междержавной конкуренции. В этом отношении нынешняя ситуация находит больше параллелей не с предшествующими десятилетиями, а с условиями конца XIX – начала XX в. В то же время, в отличие от периода перед началом Первой мировой войны, соперничество между крупными державами в 2010-х годах осуществляется при высокой институционализации международной среды. Более того, борьба за сохранение или перестройку системы регулирования в интересах той или другой державы выступает одним из основных компонентов этой конкуренции.

В условиях глубокой зависимости государств от мирового хозяйства в целом, а не только от его отдельных региональных кластеров потребность участвовать в определении правил игры на глобальном уровне возрастает. С учетом разницы в структурах их экономик и подходах к регулированию усиливаются риски обострения противоречий между ними в этой сфере. Подобная динамика не согласуется с гипотезой Б. Бузана и других сторонников регионализации международной среды о возможностях становления «децентрализованного глобализма».

Ранее уже были приведены иллюстрации обострения противоречий относительно реформирования институтов регулирования мировой торговой и финансовой системы. Блокирование переговоров в рамках ВТО, а также торможение реформ в Международном валютном фонде (МВФ) и Всемирном банке продемонстрировали трудности развития и поддержания международных правил игры в условиях неспособности одного центра принятия решений навязывать свои предпочтения другим участникам. В 2000-х годах США, впервые столкнувшись с этими трудностями в рамках Дохийского раунда, попробовали преодолеть их лобовым ультиматумом: установленная законом 2002 г. упрощенная ратификация торговых соглашений была ограничена сроком до середины 2007 г.⁷ Несмотря на то что после этого способность Вашингтона вести переговоры с партнерами по ВТО существенно сузилась, последние предпочли не идти на уступки, чтобы использовать это окно возможностей.

Тем не менее сложности в согласовании преобразований многосторонних институтов привели не к отказу государств от попыток воздействовать на систему глобального управления, а к поиску альтернатив традиционным механизмам его осуществления. С этим связан, в частности, стремительный рост числа преференциальных торговых соглашений, в том числе между странами, значительно удаленными друг от друга [Heydon, Woolcock, 2009]. Такого рода договоренности стали инструментом закрепления специфических отношений между отдельными участниками мирового хозяйства, призванным предоставить им преимущества перед конкурентами. Эти документы предполагают не только снятие барьеров в торговле между участниками, но и гармонизацию стандартов применительно к широкому кругу товаров и услуг. При этом наибольшую активность в заключении преференциальных соглашений проявили представители развитого мира, в первую очередь ЕС и Соединенные Штаты [Horn et al., 2009].

Особенность подхода США к подобным документам заключается в стремлении использовать их для максимального сокращения нетарифных барьеров. В этой связи Вашингтон в период правления президента Барака Обамы выдвинул сверхамбициозные инициативы Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП)⁸. Они претен-

⁷ Teslik L.H. Fast-Track Trade Promotion Authority and its impact on U.S. trade policy // Council on Foreign Relations. 22.07.2007. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounders/fast-track-trade-promotion-authority-and-its-impact-us-trade-policy> (accessed: 02.02.2018).

⁸ Рогов С.М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. 06.05.2013. Доступ: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/doktrina-obamy-vlastelin-dvukh-kolets/> (дата обращения: 29.11.2017).

довали не просто на то, чтобы внедрить новую модель преференциальных соглашений, охватывающую более широкий круг вопросов, чем уже существующие аналогичные документы, — указанные инициативы планировались как новые центры притяжения в мировой экономике, обладающие столь значительной рыночной силой, что другие страны со временем вынуждены были бы принять правила, устанавливаемые этими партнерствами. ТТП и ТТИП предполагали закрепление гарантий защиты интеллектуальной собственности и доступа на рынок государственных закупок, обеспечение либерализации рынков услуг, установление экологических и социальных стандартов в странах-участницах. В результате обсуждавшиеся направления гармонизации выходили далеко за пределы тех сфер, которые охватывает ВТО.

Столь явно выраженное стремление Соединенных Штатов реформировать систему международного регулирования было вызвано тем, что нормы, в утверждении которых они сами принимали деятельное участие в прошлом, все менее соответствуют их интересам в XXI в. Сформированный под воздействием неолиберальных идей экономический порядок способствовал подъему потенциальных соперников США, в то время как конкурентоспособность их союзников и партнеров снизилась. Основным выгодоприобретателем либерализации международной торговли стал Китай, превратившийся в новую «мастерскую мира» и приблизившийся к Соединенным Штатам по размеру национального хозяйства (а в пересчете по паритету покупательной способности даже обогнавший их).

В условиях невозможности отказа от участия в глобальной экономике поддержание конкурентоспособности США и их международного положения требовало пересмотра правил, по которым она функционирует. В этой связи демократической американской администрацией на стыке 2000–2010-х годов была заявлена смена акцентов от утверждения примата «свободной торговли» к концепции «справедливой торговли»⁹. Последняя указывала, что низкие социальные и экологические стандарты, а также активная промышленная политика и низкий уровень защиты интеллектуальной собственности развивающихся стран выступают формами субсидирования, искажающими функционирование глобальных рынков и дающими им преимущество в условиях либерализации торговых потоков. Показательно, что требование изменений трудового законодательства в Китае стали высказывать представители

⁹ Obama B. Remarks by the President on fair trade // The White House. 13.03.2012. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/03/13/remarks-president-fair-trade> (accessed: 14.10.2017).

Демократической партии США еще в контексте дискуссий по До-хийскому раунду ВТО в 2000-х годах¹⁰.

Во многом в ответ на американские инициативы Китай активизировал свое участие в альтернативных проектах интеграционного взаимодействия, в первую очередь в обсуждении формирования Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (ВРЭП)¹¹. С учетом параллельной вовлеченности ряда стран Восточной Азии в переговоры по ВРЭП и ТТП задача Пекина состояла в выработке соглашения, характеризующегося меньшей требовательностью к реформированию внутреннего регулирования хозяйственной деятельности его участников. Иными словами, Пекин отстаивал более традиционный формат экономического сотрудничества в противовес инновациям, предложенным США.

В 2013 г. КНР дополнила планы формирования регионального интеграционного объединения под собственным лидерством инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП)¹². Она предполагает активизацию экономического взаимодействия стран не путем снятия торговых барьеров, а через развитие инфраструктурной взаимосвязанности. Фактически речь идет о зонтичной программе, объединяющей проекты масштабных китайских инвестиций в транспортные системы стран Центральной и Юго-Восточной Азии, а в перспективе — и большей части Евразии.

Привлекательность этой инициативы для контрагентов КНР заключается в том, что она не предполагает формальных обязательств, ограничивающих их суверенитет и способность самостоятельно определять экономическую политику. В то же время на практике значительная часть инвестиций Пекина приходится на контракты, исполнителями по которым выступают китайские компании¹³. Тем самым обеспечивается экспансия китайского бизнеса в соседние страны. При этом выдаваемые КНР кредиты зачастую сопровождаются неформальными политическими обязательствами.

¹⁰ Teslik L.H. Fast-Track Trade Promotion Authority and its impact on U.S. trade policy // Council on Foreign Relations. 22.07.2007. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounders/fast-track-trade-promotion-authority-and-its-impact-us-trade-policy> (accessed: 02.02.2018).

¹¹ Соловьёва О. Пекин создает альтернативу Транстихоокеанскому партнерству // Независимая газета. 22.11.2016. Доступ: http://www.ng.ru/economics/2016-11-22/4_6865_china.html (дата обращения: 10.03.2018).

¹² Action plan on the Belt and Road Initiative // The State Council of the PRC. 30.03.2015. Available at: http://english.gov.cn/archive/publications/2015/03/30/content_281475080249035.htm (accessed: 01.12.2017).

¹³ OBOR must be less Chinese centric to survive, say experts // ANI. 31.01.2018. Available at: <https://www.aninews.in/news/world/asia/obor-must-be-less-chinese-centric-to-survive-say-experts201801310656010001/> (accessed: 10.03.2018).

В этих условиях Соединенные Штаты обвиняют Пекин в формировании системы долговой кабалы, из которой страны, прельстившиеся китайскими инвестициями, уже не могут выбраться. Ярким примером выступает опыт Шри-Ланки, которая, не имея возможности выплатить долги КНР, была вынуждена в 2017 г. передать ей в аренду на 99 лет порт Хамбантоты¹⁴.

Показательно, что Китай начал выдвигать собственные инициативы после мирового финансово-экономического кризиса конца 2000-х годов. Отчасти это объясняется тем, что КНР именно к этому времени достигла пределов прежде сформированной модели развития и темпы ее роста начали замедляться. Вместе с тем усиление стремления Пекина к участию в мирорегулировании также связано с сомнениями в устойчивости прежней системы организации мирового хозяйства, в которой Соединенные Штаты несли основную ответственность за институты, обеспечивающие ее функционирование, выполняя роль «покупателя последней инстанции» [Mas-tanduno, 2014].

Пришедший к власти в США в 2017 г. президент Дональд Трамп отказался от выдвинутого предшественником подхода, в том числе вышел из уже подписанного соглашения о ТТП. Вместе с тем он с еще большей критикой, чем Барак Обама, обрушился на существующие международные режимы экономического регулирования и заявил о стремлении их пересмотреть¹⁵. Если ранее Вашингтон старался обойти тупик в многосторонних институтах путем формирования крупных торговых объединений (что привело к появлению даже нового термина – *плюрилатерализм*, *plurilateralism*), то после прихода к власти новой администрации США стали добиваться изменения баланса выгод от международной системы за счет односторонних действий.

В рамках этой политики в 2018 г. Соединенные Штаты ввели тарифы на импорт стали, алюминия и ряда других товаров, в том числе из стран, выступающих их политическими союзниками (ЕС, Канады, Японии), а также инициировали дополнительные ограничения в отношении Китая. В обоснование этих мер Белый дом апеллирует к несправедливости ситуации хронического существенного профицита контрагентов в двусторонней торговле. Тем

¹⁴ Schultz K. Sri Lanka, struggling with debt, hands a major port to China // The New York Times. 12.12.2017. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/12/12/world/asia/sri-lanka-china-port.html> (accessed: 05.03.2018).

¹⁵ Mui Y.Q. President Trump signs order to withdraw from Trans-Pacific Partnership // The Washington Post. 23.01.2017. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2017/01/23/president-trump-signs-order-to-withdraw-from-transpacific-partnership/?utm_term=.9a071cfa16b2 (accessed: 14.10.2017).

самым США фактически пытаются ввести в качестве принципа в международных экономических отношениях требование сбалансированности торговых потоков между странами, что плохо согласуется с устоявшимися правилами функционирования мирового хозяйства.

Неудивительно, что уже даже американские эксперты нередко видят в Соединенных Штатах главного ревизиониста либерального мирового порядка, сформированного при их лидирующей роли [Кенберри, 2017; Kagan, 2017]. Воспользовавшись такими настроениями, Пекин попытался позиционировать себя едва ли не как главного защитника существующей системы международного регулирования¹⁶. Кроме того, непосредственно введение американских ограничений на поставки китайских товаров вызвало ответные меры со стороны КНР. Фактически Вашингтон и Пекин оказались в состоянии торговой войны, ставками в которой выступают не только конкретные уровни двусторонних поставок, но и сами принципы функционирования мировой экономики.

Перспективы достижения устойчивого компромисса по поводу правил игры между сторонами осложняются принципиальными различиями в их моделях национального хозяйства. Противоречия определяются не только разницей в уровне индустриализации, степени технологической вооруженности промышленности, развитости финансового сектора и сферы услуг, но также тем, что либерально-корпоративная американская система и дирижистский государственный капитализм Китая нуждаются в различной организации внешней среды. В частности, в условиях глубокой взаимосвязанности экономик обостряются споры по поводу легитимности отдельных форм прямого и непрямого субсидирования.

Если в вопросах реформирования мировой торговли ревизионистские импульсы в 2000–2010-х годах исходили преимущественно от традиционных центров силы, то с требованием реформирования международной финансовой системы выступали в первую очередь «восходящие державы». На фоне сложностей в расширении их влияния в Бреттон-Вудских институтах они стали инициаторами создания механизмов, которые могли бы составить альтернативу Всемирному банку и МВФ. Например, были сформированы Новый банк развития и пул валютных резервов БРИКС [Алексеенко, 2017].

Кроме того, Китай выступил с инициативой создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), чем вызвал

¹⁶ Xi Jinping. Speech to Davos // World Economic Forum. 17.01.2017. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum> (accessed: 05.03.2018).

большое недовольство в США¹⁷. Развитие АБИИ превратилось в приоритет для Пекина, поскольку, в отличие от финансовых институтов БРИКС, в данном случае он не сталкивается с ограничениями, устанавливаемыми другими крупными незападными игроками (в первую очередь Индией). Фактически АБИИ вместе с китайским Фондом «Шелкового пути» выступает одним из элементов финансовой инфраструктуры, обеспечивающей реализацию ОПОП [Yu, 2017].

Почти параллельное выдвижение Соединенными Штатами планов ТПП и ТТИП, а Китаем – инициативы ОПОП высветило различия в стратегиях двух крупнейших экономик по укреплению собственных позиций в мировой системе, обусловленные разницей в сравнительных преимуществах, которыми они располагают. США сохраняют значение самого большого рынка и стремятся навязывать другим странам правила игры за счет манипулирования доступом на него. В свою очередь Китай благодаря развитию экспортно-ориентированной промышленности сформировал значительный избыток финансового капитала и использует в этих же целях свои инвестиционные возможности.

Таким образом, опыт 2000–2010-х годов не подтверждает предположений о том, что экономическая взаимозависимость будет побуждать ведущие государства к формированию управляющего «концерта», который обеспечит принятие компромиссных подходов к реформированию системы международного регулирования. Этот опыт также вступает в противоречие с гипотезой о концентрации крупных держав на собственном региональном окружении и, следовательно, децентрализации попыток глобального управления. Напротив, с конца 2000-х годов интенсивность соперничества между крупнейшими торговыми партнерами (в первую очередь США и Китаем) возрастает, а логика функционирования международных институтов выступает одним из основных предметов споров. Более того, со временем интенсивность противоречий возрастает, а в 2017–2018 гг. стороны перешли к прямым столкновениям по торговым вопросам и введению ограничительных мер в отношении друг друга.

Наблюдаемое сочетание глубокой взаимосвязанности и конкуренции обостряет риски нарастания конфликтности и дестабилизации существующих международных режимов под влиянием расхождений между основными центрами силы в современном мире.

¹⁷ Perlez J. China creates a World Bank of its own, and the U.S. balks // The New York Times. 04.12.2015. Available at: <https://www.nytimes.com/2015/12/05/business/international/china-creates-an-asian-bank-as-the-us-stands-alooft.html> (accessed: 09.09.2017).

Экономическая взаимозависимость государств превращается в одну из движущих сил, а не барьеров на пути реализации такого сценария. Современный этап междержавного соперничества характеризуется большими рисками по сравнению с предыдущими случаями конкуренции между крупными государствами в условиях гораздо меньшей интеграции мирового хозяйства. Вместе с тем сами перспективы сохранения существующей глобализированной экономики, построенной на глубокой взаимосвязанности национальных хозяйств, не могут восприниматься как безусловные. Ряд социальных и технологических изменений подталкивают международную систему к новой экономической раздробленности.

* * *

Процесс углубления экономической взаимозависимости стран носит нелинейный характер. С течением времени он в значительной степени изменялся под воздействием социальных, политических и технологических факторов. Так, интенсивность торговых и инвестиционных взаимодействий в период перед Первой мировой войной (оцениваемая по доле внешней торговли в ВВП стран) была существенно выше, чем на протяжении большей части XX в. [Chase-Dunn et al., 2000].

Современная ситуация глубокой экономической взаимозависимости стала продуктом транснационализации производства начиная с 1970-х годов. На протяжении нескольких десятилетий вывоз капитала в развивающиеся страны мотивировался стремлением к снижению издержек на оплату низкоквалифицированного труда в процессе создания товаров и предоставления услуг [Hernández et al., 2014]. В результате в мировой экономике произошел переход от доминирования торговли конечной продукцией к торговле промежуточными товарами, а хозяйственные комплексы отдельных стран оказались тесно переплетены друг с другом в рамках трансграничных цепочек производства.

Сохранение сложившейся модели высокоинтегрированного мирового хозяйства наталкивается на несколько вызовов различной природы. В 2010-х годах они стали предметом пристального экспертного обсуждения, но их непосредственное значение для перспектив развития международных политических отношений до сих пор подробно не осмыслилось.

В первую очередь процесс транснационализации производства стимулировал тенденцию к углублению социального расслоения внутри стран. Результатом политики компаний по снижению затрат на оплату труда стала концентрация большей части национального

богатства в руках крайне ограниченного круга высокообеспеченных слоев населения при сравнительном уменьшении доли доходов остальных групп в обществе [Dabla-Norris et al., 2015]¹⁸. Подобная тенденция характерна для многих как развивающихся, так и развитых государств.

Реакцией на нее стали рост популярности протекционизма в обществах и критическое отношение к существующим механизмам международного экономического регулирования. Если в 1990-х — начале 2000-х годов антиглобализм выступал ярким, но всё же маргинальным явлением, то нарастание недовольства глобализацией в 2000-х годах побудило значительную часть американской элиты критически пересмотреть отношение к ТТП, а Дональда Трампа после прихода к власти — выйти из него. Американский пример демонстрирует, что рост протекционистских настроений в западных обществах создает социальный запрос на снижение уровня интегрированности в мировое хозяйство даже в тех случаях, когда дальнейшее углубление взаимозависимости остается экономически выгодным¹⁹. Между тем в «восходящих» странах (в первую очередь в Китае) активизируются попытки перехода от экспортоориентированной модели производства к опоре на собственный внутренний рынок сбыта. Важнейшим триггером этой тенденции стал глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., который породил разочарование в Соединенных Штатах как в «покупателе последней инстанции» [Mastanduno, 2014].

Наряду с социальными изменениями сохранению текущего уровня экономической взаимозависимости угрожают тенденции технологического развития. Как было отмечено ранее, процесс транснационализации производства в значительной степени был обусловлен стремлением уменьшить издержки на рабочую силу. Между тем наблюдаемая в последние годы автоматизация производства товаров и предоставления услуг может привести к радикальному снижению роли труда во многих отраслях экономики [Karabarbounis, Neiman, 2013; Марш, 2015]. В этом случае исчезнет первоначальный стимул компаний к вывозу капитала и распределению производства по странам с дешевой рабочей силой. В его отсутствие можно ожидать частичной деглобализации производ-

¹⁸ Аналогичная тенденция имела место и накануне Первой мировой войны [McDonald, Sweeney, 2007].

¹⁹ Chang S.P. From Brexit to the rise of protectionism: Is the world facing an era of permanent low-growth? // The Telegraph. 10.10.2016. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/business/2016/10/09/brexit-gloom-has-lifted-but-the-big-issue-still-looms-large-is-t/> (accessed: 17.11.2017).

ства, его концентрации в непосредственной близости от потенциальных потребителей [Hammes, 2016]. Соответственно снизится и необходимость для государств участвовать в выработке глобальных правил международного экономического регулирования.

Оценка потенциального трансформирующего влияния на мировое хозяйство приведенных социальных и технологических изменений в настоящее время связана со значительными трудностями. Существующие прогнозы не предполагают полной дезинтеграции системы международных экономических отношений, а значит, и инфраструктуры их регулирования²⁰. Кроме того, нарастание экономического национализма и процессов автоматизации может влиять на повышение международно-политической конфликтности, не связанной с вероятностью снижения уровня экономической взаимозависимости.

Таким образом, современные социальные и технологические тенденции усиливают неопределенность в отношении перспектив развития международной системы. Если они действительно приведут к перестройке мирового хозяйства в сторону меньшей взаимосвязанности отдельных региональных, национальных и даже локальных (на уровне административных единиц внутри стран) экономик, то тенденции, обозначенные в предыдущем разделе статьи, могут не получить дальнейшего развития. Снижение зависимости благосостояния отдельных государств от интеграции в мировую экономику приведет к ослаблению текущей конкуренции за формирование правил международного экономического порядка. Оно также могло бы создать условия для концентрации ведущих держав на обустройстве своего непосредственного окружения в ущерб интересу к вопросам регулирования на глобальном уровне. В то же время этот результат будет достигнут не благодаря взаимозависимости, а в итоге ее частичного преодоления – только в этом случае, следуя фразеологии Б. Бузана, сформируется система «децентрализованного неглобализма».

* * *

Обращение к экономической взаимозависимости в зарубежном экспертном сообществе с конца 2000-х годов стало одной из основных линий аргументации, обосновывающей перспективы мирной и относительно бесконфликтной эволюции мирового порядка.

²⁰ В частности, эксперты Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН в прогнозе до 2035 г. предполагают, что даже с учетом автоматизации производства и несмотря на ожидаемое снижение темпов роста мировой торговли, они по-прежнему будут превышать темпы роста мирового ВВП [Мир 2035..., 2017: 139–140].

Подобный подход в значительной степени обусловлен тем вкладом, который западные капиталы и технологии внесли в подъем ряда «восходящих» стран, и акцентированием рисков упущенных выгод для государств от возможной конфронтации.

Вместе с тем расширение взаимодействия не только в экономике, но и в других областях международных отношений увеличивает и сферу потенциальных разногласий. Опыт 2000–2010-х годов демонстрирует, что экономическая взаимозависимость способствовала обострению междержавного соперничества в вопросах формирования институтов глобального управления. Поддержание мирового экономического порядка представляет ценность для крупных государств, но сохраняется вероятность эскалации отдельных противоречий до масштабов общесистемной дестабилизации.

Соперничество между США и КНР развивается не просто параллельно с их глубокой взаимозависимостью — последняя его подстегивает, заставляя искать способы перераспределения выгод от сотрудничества в свою пользу. Как и в военно-политической сфере, конкуренция нередко принимает форму не прямого столкновения, а опосредованного воздействия на оппонента через расширение влияния на третьи страны. В этой связи нужно учитывать, что ставкой выдвигаемых инициатив выступает не присоединение Брунея или Камбоджи (стран, вовлеченных в конкурирующие экономические инициативы) к тому или иному торгово-экономическому блоку, а возможность сформировать критическую массу партнеров, принимающих правила, удобные одному из крупных игроков, для последующего их распространения на мировое хозяйство в целом.

Современная ситуация в некотором смысле оказывается «худшим из миров», в котором потребности государств в доступе к мировым рынкам сочетаются с серьезными различиями в их конкурентных преимуществах, а значит, и с разницей в предпочтениях относительно эволюции правил международного хозяйственного регулирования. Подобная комбинация порождает риски дальнейшего обострения противоречий между крупнейшими международными игроками, в первую очередь США и Китаем. Их соперничество уже выразилось в выдвижении ряда конкурирующих интеграционных, инвестиционных и инфраструктурных инициатив, которые обладали потенциалом перестройки системы международных экономических отношений и имеет тенденцию к обострению.

В международно-политических исследованиях зачастую сфера хозяйственного взаимодействия представляется в качестве гармоничной области кооперации, основанной на всеобщей выгоде. Между тем недостаточное внимание уделяется тому, что рынок

выступает местом жесткого торга относительно распределения выгод и издержек. Участники экономических отношений, несомненно, имеют общие интересы, но конфликт также выступает неотъемлемым элементом экономической жизни. Схожее положение характерно и для сферы военно-политических отношений между странами. Современным международно-политическим исследованиям присуще неоправданное противопоставление этих двух областей, игнорирующее сходство логики конкуренции и кооперации государств вне зависимости от особенностей интересов, которые становятся предметом взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко О.А. Новый банк развития БРИКС и пул условных валютных резервов как катализаторы процесса реформирования Бреттон-Вудских институтов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3. № 5. С. 53–59.
2. Богатуров А.Д. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. № 1. С. 6–23.
3. Кокошин А., Бартенев В., Веселов В. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений: новые инициативы Министрства обороны США // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2015. № 11. С. 3–22.
4. Мамонов М.В. Инерция и новации во внешней политике Китая // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 3. С. 40–56.
5. Марш П. Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства. М.: Институт Гайдара, 2015.
6. Мир 2035. Глобальный прогноз / Под ред. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2017.
7. Нарыков Н.В. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции // Общество и право. 2003. № 1. С. 32–35.
8. Никитин А.И. Новая система отношений великих держав XXI века: «концерт» или конфронтация? // Полис: политические исследования. 2016. № 1. С. 44–59.
9. Шевченко О.М., Аكوпова Е.С., Самыгин С.И. Экономическая глобализация и ее влияние на рост конфликтов в современном мире // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 75–79.
10. Энджелл Н. Великое заблуждение: очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. Челябинск: Социум, 2009.
11. Allison G.T. Destined for war: Can America and China avoid the Thucydides trap. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
12. Brooks S., Wohlforth W. America abroad: The United States' global role in the 21st century. Oxford: Oxford University Press, 2016.
13. Buzan B. Brilliant but now wrong: A sociological and historical assessment of Gilpin's war and change in world politics // Power, order, and change in

world politics / Ed. by G.J. Ikenberry. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 233–262.

14. Buzan B. The inaugural Kenneth N. Waltz annual lecture – A world order without superpowers: Decentred globalism // *International relations*. 2011. Vol. 25. No. 1. P. 3–25.

15. Chase-Dunn C., Kawano Y., Brewer B.D. Trade globalization since 1795: Waves of integration in the world-system // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 1. P. 77–95.

16. Cooper R.N. Economic interdependence and war // *The next great war: The roots of World War I and the risk of U.S.-China conflict* / Ed. by R.N. Rosecrance, S.E. Miller. Cambridge: MIT Press, 2015. P. 57–69.

17. Copeland D.C. *Economic interdependence and war*. Princeton: Princeton University Press, 2015.

18. Dabla-Norris E., Kochhar K., Ricka F. et al. Causes and consequences of income inequality: A global perspective // *International Monetary Fund*. June 2015. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1513.pdf> (accessed: 23.07.2017).

19. Frühling S., Lasconjarías G. NATO, A2/AD and the Kaliningrad challenge // *Survival*. 2016. Vol. 58. No. 2. P. 95–116.

20. Gasiorowski M.J. Economic interdependence and international conflict: Some cross-national evidence // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30. No. 1. P. 23–38.

21. Gasiorowski M., Polachek S.W. Conflict and interdependence: East-West trade and linkages in the era of detente // *Journal of Conflict Resolution*. 1982. Vol. 26. No. 4. P. 709–729.

22. Hammes T.X. Will technological convergence reverse globalization? // INSS, National Defense University. July 2016. Available at: <http://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-297.pdf> (accessed: 08.10.2017).

23. Hegre H., Oneal J.R., Russett B. Trade does promote peace: New simultaneous estimates of the reciprocal effects of trade and conflict // *Journal of Peace Research*. 2010. Vol. 47. No. 6. P. 763–774.

24. Hernández R.A., Martínez-Piva J.M., Mulder N. Global value chains and world trade. Santiago: United Nations, 2014. P. 45–56.

25. Heydon K., Woolcock S. *The rise of bilateralism: Comparing American, European and Asian approaches to preferential trade agreements*. New York: United Nations University Press, 2009. P. 3–11.

26. Hopewell K. *Breaking the WTO: How emerging powers disrupted the neoliberal project*. Stanford University Press, 2016.

27. Horn H., Mavroidis P.C., Sapir A. Beyond the WTO? An anatomy of EU and US preferential trade agreements. Bruegel Blueprint 7, 2009. Available at: https://s3.amazonaws.com/academia.edu.documents/43375068/Beyond_the_WTO_An_anatomy_of_EU_and_US_p20160304-30807-1qagp83.pdf?AWSAccessKeyId=AKIAIWOWYYGZ2Y53UL3A&Expires=1516142715&Signature=a9jJ8IalGpLdDaRVLYRmMAwRUaA%3D&response-content-disposition=inline%3B%20filename%3DBeyond_the_WTO_An_Anatomy_of_EU_and_US_P.pdf (accessed: 17.10.2017).

28. Ikenberry G.J. *Liberal Leviathan: The origins, crisis, and transformation of the American world order*. Princeton: Princeton University Press, 2011.
29. Ikenberry G.J. The plot against American foreign policy: Can the liberal order survive? // *Foreign Affairs*. 2017. Vol. 96. No. 3. P. 1–7.
30. Johnson R.C., Noguera G. Accounting for intermediates: Production sharing and trade in value added // *Journal of International Economics*. 2012. Vol. 86. No. 2. P. 224–236.
31. Kagan R. *The twilight of the liberal world order*. Brookings Institute. 24.01.2017. Available at: <https://www.brookings.edu/research/the-twilight-of-the-liberal-world-order/> (accessed: 05.03.2018).
32. Karabarbounis L., Neiman B. The global decline of the labor share // *The Quarterly Journal of Economics*. 2013. Vol. 129. No. 1. P. 61–103.
33. Kupchan C.A. *After Pax Americana: Benign power, regional integration, and the sources of a stable multipolarity* // *International Security*. 1998. Vol. 23. No. 2. P. 40–79.
34. Mastanduno M. *Order and change in world politics: The financial crisis and the breakdown of the US-China grand bargain* // *Power, order, and change in world politics* / Ed. by G.J. Ikenberry. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 162–191.
35. Mastanduno M. System maker and privilege taker // *World Politics*. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 121–154.
36. McDonald P.J., Sweeney K. The Achilles' heel of liberal IR theory?: Globalization and conflict in the pre-World War I era // *World Politics*. 2007. Vol. 59. No. 3. P. 370–403.
37. Mearsheimer J.J. *The tragedy of great power politics*. New York: WW Norton & Company, 2014.
38. Montgomery E.B. Contested primacy in the Western Pacific: China's rise and the future of US power projection // *International Security*. 2014. Vol. 38. No. 4. P. 115–149.
39. Oneal J.R., Russett B.M. The classical liberals were right: Democracy, interdependence, and conflict, 1950–1985 // *International Studies Quarterly*. 1997. Vol. 41. No. 2. P. 267–294.
40. Oneal J.R., Russett B., Berbaum M.L. Causes of peace: Democracy, interdependence, and international organizations, 1885–1992 // *International Studies Quarterly*. 2003. Vol. 47. No. 3. P. 371–393.
41. Pape R.A. Soft balancing against the United States // *International Security*. 2005. Vol. 30. No. 1. P. 7–45.
42. Paul T.V. Soft balancing in the age of US primacy // *International Security*. 2005. Vol. 30. No. 1. P. 46–71.
43. Polachek S.W. Conflict and trade // *Journal of Conflict Resolution*. 1980. Vol. 24. No. 1. P. 55–78.
44. Stigler G.J. Free riders and collective action: An appendix to theories of economic regulation // *The Bell Journal of Economics and Management Science*. 1974. Vol. 5. No. 2. P. 359–365.

45. Waltz K.N. Theory of international politics. Boston, Mass.: McGraw-Hill, 1979.

46. Yu H. Motivation behind China's 'One Belt, One Road' initiatives and establishment of the Asian infrastructure investment bank // Journal of Contemporary China. 2017. Vol. 26. No. 105. P. 353–368.

I.A. Istomin

RIVALRY BETWEEN THE LEADING POWERS IN THE CONTEXT OF GLOBAL INTERDEPENDENCE

*Moscow State Institute for International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454*

The existence of parallel trends in development of current international system, that of growing controversies between the leading states, on the one hand, and increasing global economic interdependence, on the other, raises question about their possible interrelation. The paper examines the impact of close economic relations among major powers on their increased competition for positional advantages in the sphere of international regulation and institutional power. High relevance of this issue stems from the fact that integration of one's national preferences in the regulatory structures provides country with a long-term influence and increases its international competitiveness. The author identifies key features of current relations between the world's leading powers and demonstrates that the 2010s witnessed a reemergence of intense rivalry among great powers as the rise of alternative centers of power challenges international position of the United States. The paper proceeds with an examination of competing theoretical approaches to assessing stability of the current configuration of international system as well as to explaining the impact of economic interdependence on international conflict. The author emphasizes that the appeal to economic interdependence has become one of the main lines of argumentation in the Western expert community since the end of the 2000s in terms of justifying prospects for a peaceful and relatively conflict-free evolution of the world order. However, international developments in the late 2000s–2010s show that the sphere of institutional regulation of global economy is rapidly becoming one of key areas of competition between the leading powers. The paper also examines certain social and technological trends that can limit a further growth of global economic interdependence. The current situation turns out to be the 'worst of possible worlds', in which the growing states' needs for access to world markets are compounded by significant variations in their competitive advantages, and resulting differences in their preferences regarding the evolution of international economic regulation. The conclusion is drawn that such combination entails risks of a further aggravation of contradictions between the major international players.

Keywords: great powers, international system, economic interdependence, United States, emerging powers, global governance, WTO, Bretton-Woods institutions, China, polycentric world, theory of international relations.

About the author: Igor' A. Istomin – PhD (Political Science), Associate Professor at the Chair of Applied International Analysis, MGIMO University (e-mail: iaistomin@gmail.com).

Acknowledgements: This work has been accomplished with financial support from the RFBR, research project № 15-03-00728.

REFERENCES

1. Alekseenko O.A. 2017. Novyi bank razvitiya BRIKS i pul uslovykh valyutnykh rezervov, kak katalizatory protsessa reformirovaniya Bretton-Vudskikh institutov [The BRICS' New Development Bank and Contingency Reserve Arrangement, as catalysts the process of reforming the Bretton Woods institutions]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, vol. 3, no. 5, pp. 53–59. (In Russ.)
2. Bogaturov A.D. 2003. Mezhdunarodnyi poryadok v nastupivshem veke [International order at the turn of the XXI century]. *Mezhdunarodnye protsessy*, no. 1, pp. 6–23. (In Russ.)
3. Kokoshin A., Bartenev V., Veselov V. 2015. Podgotovka revolyutsii v voennom dele v usloviyakh byudzhetnykh ogranichenii: novye initsiativy Ministerstva oborony SShA [Launching a revolution in military affairs in the age of austerity: New initiatives of the U.S. DoD]. *SShA – Kanada. Ekonomika, politika, kul'tura*, no. 11, pp. 3–22. (In Russ.)
4. Mamonov M.V. 2010. Inertsia i novatsii vo vneshnei politike Kitaya [Change and continuity in China's foreign policies]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 8, no. 24, pp. 40–56. (In Russ.)
5. Marsh P. 2015. *Novaya promyshlennaya revolyutsiya. Potrebiteli, globalizatsiya i konets massovogo proizvodstva* [New industrial revolution. Consumers, globalization, and the end of mass production]. Moscow, Institut Gaidara Publ. (In Russ.)
6. Dynkin A.A. (ed.). 2017. *Mir 2035. Global'nyi prognoz* [The world of 2035. Global Outlook]. Moscow, Magistr Publ. (In Russ.)
7. Narykov N.V. 2003. Globalizatsiya kak istochnik mezhdunarodnykh konfliktov i obostreniya konkurentsii [Globalization as a source of international conflicts and rise of competition]. *Obshchestvo i pravo*, no. 1, pp. 32–35. (In Russ.)
8. Nikitin A.I. 2016. Novaya sistema otnoshenii velikikh derzhav XXI veka: 'kontsert' ili konfrontatsiya? [New system of relations between great powers for the 21st century: 'concert' or confrontation?]. *Polis: politicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 44–59. (In Russ.)
9. Shevchenko O.M., Akopova E.S., Samygin S.I. 2017. Ekonomicheskaya globalizatsiya i ee vliyaniye na rost konfliktov v sovremennom mire [Economic globalization and its influence on the growth of conflicts in the modern world].

globalization and its impact on the growth of conflicts in the modern world]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, no. 1, pp. 75–79. (In Russ.)

10. Angell N. 2009. *Velikoe zabluzhdenie: ocherk o mnimyykh vygodakh voennoi moschi natsii* [The great illusion: On fictitious benefits of national military power]. Chelyabinsk, Sotsium Publ. (In Russ.)

11. Allison G.T. 2017. *Destined for war: Can America and China avoid the Thucydides trap*. Boston, Houghton Mifflin Harcourt.

12. Brooks S., Wohlforth W. 2016. *America abroad: The United States' global role in the 21st century*. Oxford, Oxford University Press.

13. Buzan B. 2014. Brilliant but now wrong: A sociological and historical assessment of Gilpin's war and change in world politics. In Ikenberry G.J. (ed.). *Power, order, and change in world politics*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 233–262.

14. Buzan B. 2011. The inaugural Kenneth N. Waltz annual lecture a world order without superpowers: Decentred globalism. *International Relations*, vol. 25, no. 1, pp. 3–25.

15. Chase-Dunn C., Kawano Y., Brewer B.D. 2000. Trade globalization since 1795: Waves of integration in the world-system. *American Sociological Review*, vol. 65, no. 1, pp. 77–95.

16. Cooper R.N. 2015. Economic interdependence and war. In Rosecrance R.N., Miller S.E. (eds.). *The next Great War: The roots of World War I and the risk of U.S.-China conflict*. Cambridge, MIT Press Publ., pp. 57–69.

17. Copeland D.C. 2015. *Economic interdependence and war*. Princeton, Princeton University Press.

18. Dabla-Norris E., Kochhar K., Ricka F. et al. 2015. *Causes and consequences of income inequality: A global perspective*. International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1513.pdf> (accessed: 23.07.2017).

19. Frühling S., Lasconjarias G. 2016. NATO, A2/AD and the Kaliningrad challenge. *Survival*, vol. 58, no. 2, pp. 95–116.

20. Gasiorowski M.J. 1986. Economic interdependence and international conflict: Some cross-national evidence. *International Studies Quarterly*, vol. 30, no. 1, pp. 23–38.

21. Gasiorowski M., Polachek S.W. 1982. Conflict and interdependence: East-West trade and linkages in the era of detente. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 26, no. 4, pp. 709–729.

22. Hammes T.X. 2016. *Will technological convergence reverse globalization?* INSS, National Defense University. Available at: <http://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-297.pdf> (accessed: 08.10.2017).

23. Hegre H., Oneal J.R., Russett B. 2010. Trade does promote peace: New simultaneous estimates of the reciprocal effects of trade and conflict. *Journal of Peace Research*, vol. 47, no. 6, pp. 763–774.

24. Hernández R.A., Martínez-Piva J.M., Mulder N. 2014. *Global value chains and world trade: Prospects and challenges for Latin America*. Santiago, United Nations Publ.

25. Heydon K., Woolcock S. 2009. *The rise of bilateralism: Comparing American, European and Asian approaches to preferential trade agreements*. New York, United Nations University Press.

26. Hopewell K. 2016. *Breaking the WTO: How emerging powers disrupted the neoliberal project*. Stanford, Stanford University Press.

27. Horn H., Mavroidis P.C., Sapir A. 2009. *Beyond the WTO? An anatomy of EU and US preferential trade agreements*. Bruegel Blueprint 7. Available at: https://s3.amazonaws.com/academia.edu.documents/43375068/Beyond_the_WTO_An_anatomy_of_EU_and_US_p20160304-30807-1qagp83.pdf?AWSAccessKeyId=AKIAIWOWYYGZ2Y53UL3A&Expires=1516142715&Signature=a9jJ8lalGpLdDaRVLYRmMAwRUaA%3D&response-content-disposition=inline%3B%20filename%3DBeyond_the_WTO_An_Anatomy_of_EU_and_US_P.pdf (accessed: 17.10.2017).

28. Ikenberry G.J. 2011. *Liberal Leviathan: The origins, crisis, and transformation of the American world order*. Princeton, Princeton University Press.

29. Ikenberry G.J. 2017. The plot against American foreign policy: Can the liberal order survive? *Foreign Affairs*, vol. 96, no. 3, pp. 1–7.

30. Johnson R.C., Noguera G. 2012. Accounting for intermediates: Production sharing and trade in value added. *Journal of International Economics*, vol. 86, no. 2, pp. 224–236.

31. Kagan R. 2017. *The twilight of the liberal world order*. Brookings Institute. Available at: <https://www.brookings.edu/research/the-twilight-of-the-liberal-world-order/> (accessed: 05.12.2017).

32. Karabarbounis L., Neiman B. 2013. The global decline of the labor share. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 129, no. 1, pp. 61–103.

33. Kupchan C.A. 1998. After Pax Americana: Benign power, regional integration, and the sources of a stable multipolarity. *International Security*, vol. 23, no. 2, pp. 40–79.

34. Mastanduno M. 2014. Order and change in world politics: The financial crisis and the breakdown of the US-China grand bargain. In Ikenberry G.J. (ed.). *Power, order, and change in world politics*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 162–191.

35. Mastanduno M. 2009. System maker and privilege taker. *World Politics*, vol. 61, no. 1, pp. 121–154.

36. McDonald P.J., Sweeney K. 2007. The Achilles' heel of liberal IR theory? Globalization and conflict in the pre-World War I era. *World Politics*, vol. 59, no. 3, pp. 370–403.

37. Mearsheimer J.J. 2014. *The tragedy of great power politics*. New York, WW Norton & Company Publ.

38. Montgomerly E.B. 2014. Contested primacy in the Western Pacific: China's rise and the future of US power projection. *International Security*, vol. 38, no. 4, pp. 115–149.

39. Oneal J.R., Russett B.M. 1997. The classical liberals were right: Democracy, interdependence, and conflict, 1950–1985. *International Studies Quarterly*, vol. 41, no. 2, pp. 267–294.
40. Oneal J.R., Russett B., Berbaum M.L. 2003. Causes of peace: Democracy, interdependence, and international organizations, 1885–1992. *International Studies Quarterly*, vol. 47, no. 3, pp. 371–393.
41. Pape R.A. 2005. Soft balancing against the United States. *International Security*, vol. 30, no. 1, pp. 7–45.
42. Paul T.V. 2005. Soft balancing in the age of US primacy. *International Security*, vol. 30, no. 1, pp. 46–71.
43. Polachek S.W. 1980. Conflict and trade. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 24, no. 1, pp. 55–78.
44. Stigler G.J. 1974. Free riders and collective action: An appendix to theories of economic regulation. *The Bell Journal of Economics and Management Science*, vol. 5, no. 2, pp. 359–365.
45. Waltz K.N. 1979. *Theory of international politics*. Boston, Mass., McGraw-Hill.
46. Yu H. 2017. Motivation behind China's 'One Belt, One Road' initiatives and establishment of the Asian infrastructure investment bank. *Journal of Contemporary China*, vol. 26, no. 105, pp. 353–368.

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В.А. Веселов*

СМЕНА «ЯДЕРНЫХ ВЕКОВ»: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

2018 год богат на знаменательные юбилеи. В контексте развития современных международных отношений особую актуальность, безусловно, приобретает 50-летие Договора о нераспространении ядерного оружия. Однако с точки зрения оценки перспектив поддержания стратегической стабильности, роли ядерного оружия в мировой политике и, шире, определения и понимания контуров нового мирового порядка как минимум не меньшее значение имеет еще один юбилей – 20-летие «второго ядерного века». Для того чтобы выявить ключевые содержательные характеристики этого феномена, в рамках данной статьи предпринята попытка сравнительного анализа отличительных черт и особенностей обоих «ядерных веков». Автор подробно освещает причины и предпосылки вступления международных отношений в «первый ядерный век», на основе изучения американских доктринальных документов и аналитических материалов прослеживает эволюцию ядерной стратегии США и их ходов к проблемам сдерживания и определения политических целей войны. Особое внимание в этой связи уделено складыванию стратегического паритета между СССР и США, роли соглашения ОСВ-1 и Договора по ПРО в выработке представлений о стратегической стабильности и становлении неформального «кодекса поведения» ядерных держав. В статье отмечается, что «первый ядерный век» хронологически совпадает с «холодной войной», но эти явления не тождественны. В качестве начала отсчета «второго ядерного века» предлагается рассматривать такие события, как вступление в «ядерный клуб» Индии и Пакистана, проведение испытаний баллистических ракет большой дальности в КНДР и пересмотр политики в отношении противоракетной обороны в США, приведший вскоре к их выходу из Договора по ПРО 1972 г. Автор заключает, что к числу ключевых особенностей «второго ядерного века»

* *Веселов Василий Александрович* – старший преподаватель факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 15-37-11136.

следует отнести сохранение «центрального сдерживания» при одновременном возрастании роли и значения новых политических конфигураций с участием ядерных и неядерных государств, многие из которых имеют весьма специфические подходы к формулированию своей военной политики и стратегических установок. В совокупности эти факторы составляют основу системы военно-политического взаимодействия ведущих государств мира в условиях формирующегося нового мирового порядка.

Ключевые слова: «второй ядерный век», ядерное сдерживание, стратегическая стабильность, взаимное гарантированное уничтожение, «холодная война», «ядерный клуб», гибкое реагирование, международная безопасность, мировой порядок, система международных отношений, Договор о нераспространении ядерного оружия.

2018 год будет отмечен двумя важными датами. В июле исполнится 50 лет Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Несколько ранее, в конце мая, начнется третье десятилетие «второго ядерного века», точкой отсчета для которого, в частности, послужили ядерные испытания, проведенные Индией и Пакистаном в 1998 г. Если первое событие, вероятно, будет должным образом отмечено и на политическом, и на академическом уровнях, то второе рискует пройти незамеченным. Между тем оба юбилея теснейшим образом связаны между собой, при этом для современной мировой политики второй имеет отнюдь не символическое значение.

Приближение этих дат — повод задуматься о том, как влияет ядерный фактор на мировую политику, почему конец 1960-х годов — важный рубеж в этом отношении и почему «второй ядерный век» — не броский лозунг, а значимая характеристика современного мирового порядка.

Первыми подходами к проблеме «второго ядерного века» можно считать работы, опубликованные в 1994–1996 гг. [Arnett, 1994; Lavoy, 1995; Iklé, 1996; Payne, 1996]. Их появление, кроме общей для всех тогда темы осмысления последствий окончания «холодной войны», было обусловлено двумя крупными событиями — первой «ядерной тревогой» на Корейском полуострове (1993–1994) и проведением первой Конференции по рассмотрению действия ДНЯО (1995). Если значимость корейских событий сегодня не вызывает сомнений, то о причинах созыва участников Договора, вероятно, следует напомнить современному читателю. Дело в том, что ряд государств, для которых присоединение к ДНЯО было вынужденным¹, настояли

¹ Речь идет прежде всего о ФРГ, Италии и Японии. Эти государства подписали Договор под сильным давлением США (соответственно 28 ноября 1969 г., 28 января 1969 г. и 3 февраля 1970 г.) и всячески затягивали процесс его ратификации (ФРГ и Италия — до 2 мая 1975 г., Япония — 8 июня 1976 г.).

на том, чтобы его положения не носили бессрочного характера. В итоге Договор был открыт для подписания 1 июля 1968 г. и вступил в силу 5 марта 1970 г. Установленный срок его действия – 25 лет – истек в 1995 г.

На первой Обзорной конференции ДНЯО он был продлен бессрочно², но это решение не было простой формальностью и потребовало от официальных ядерных держав политических уступок остальным участникам Договора. Ситуация еще больше осложнялась последствиями окончания «холодной войны»: с одной стороны, после распада СССР исчез советско-американский консенсус по нераспространению, который сделал возможным сам факт заключения ДНЯО, с другой – «вышли из тени» многие региональные конфликты, которые стимулировали процесс распространения ядерного оружия (ЯО).

В этой связи Э. Арнетт и П. Лавой посвятили свои работы военно-политическим последствиям ядерного распространения в новых условиях. Характерно, что П. Лавой для своей статьи (по форме – рецензии на книгу С. Сагана и К. Уолтца [Sagan, Waltz, 1995], но необычного для этого жанра объема в 60 страниц) выбрал название, буквально совпадающее с работой будущего министра обороны США Дж. Шлесинджера, вышедшей в период выработки проекта ДНЯО³, подчеркнув тем самым преемственность вызовов международной безопасности. П. Лавой не использовал термин «второй ядерный век», однако в своем анализе последствий новой волны распространения ЯО выразил опасение, что лидеры новых членов «ядерного клуба» не будут обладать той рациональностью и воздержанностью, которая была присуща «старым членам» в «первом ядерном веке» [Lavoу, 1995: 743], тем самым определив критерий разграничения двух периодов. Ф. Икле и К. Пейн посвятили свои работы рассмотрению связи двух элементов ядерного фактора в мировой политике⁴ – распространения и сдерживания, и именно эти авторы впервые ввели в научный оборот понятие «второй ядерный век», причем К. Пейн вынес его в название своей книги [Рауне, 1996]. Следует отметить, что и Ф. Икле, и К. Пейн принад-

² 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Final Document. Part II Documents issued at the Conference // United Nations. Available at: <https://unoda-web.s3-accelerate.amazonaws.com/wp-content/uploads/assets/WMD/Nuclear/pdf/finaldocs/1995%20-%20NY%20-%20NPT%20Review%20Conference%20-%20Final%20Document%20Part%20II.pdf> (accessed: 12.02.2018).

³ Schlesinger J.R. The strategic consequences of nuclear proliferation. Santa Monica, CA: RAND Corp., 1966. Available at: <http://www.dtic.mil/get-tr-doc/pdf?AD=AD0634741> (accessed: 10.02.2018).

⁴ О структуре ядерного фактора см.: [Веселов, 2010].

лежат к консервативному лагерю, оба занимали высокие посты в Пентагоне⁵, и их выводы послужили аргументами в проходившей в 1990-е годы борьбе вокруг противоракетной обороны (ПРО).

Для того чтобы убедить американский военно-политический истеблишмент в целесообразности выхода США из Договора по ПРО 1972 г. консерваторы в полной мере использовали события 1998 г., которые признаются точкой отсчета «второго ядерного века» авторами работ, вышедших в 1998–2003 гг. [Кокошин, 1999, 2003; Кокошин и др., 2001; *The absolute weapon revisited*, 1998; Freedman, 1998, 2003; Bracken, 1999, 2000, 2003; Gray, 1999; Cha, 2001]. К числу этих событий относятся прежде всего ядерные испытания в Индии и Пакистане и запуск баллистической ракеты большой дальности в КНДР. Череду публикаций данного периода открывает сборник статей под редакцией Т. Пола, Р. Харкнетта и Дж. Виртца [*The absolute weapon revisited*, 1998], для которого было выбрано весьма символическое название, перекликавшееся с трудом Б. Броди его коллег «Абсолютное оружие: ядерная мощь и мировой порядок» [*The absolute weapon*, 1946]). Таким способом авторы конца 1990-х годов подчеркивали радикальный характер изменений стратегического ландшафта, сопоставимый по своему значению с появлением ЯО в середине 1940-х. Один из участников данного сборника, К. Грей (еще одна заметная фигура в консервативном лагере), выпустил также монографию, в которой значительное внимание уделено трансформации сдерживания в условиях «второго ядерного века» [Gray, 1999]. Британский историк и военный теоретик сэр Л. Фридман посвятил специальную работу новому стратегическому ландшафту [Freedman, 1998], в частности «второму ядерному веку», в очередном издании своего обобщающего труда по эволюции ядерной стратегии [Freedman, 2003].

В России первым исследователем проблем «второго ядерного века» стал академик А.А. Кокошин, представивший результаты своей работы в докладе на заседании Президиума Российской академии наук 16 февраля 1999 г. и в последующих публикациях [Кокошин, 1999, 2003; Кокошин и др., 2001]. По его оценке, «человечество входит в XXI в. на фоне совершенно иной стратегической обстановки, чем та, что виделась многим экспертам еще год назад [до испытаний в Индии, Пакистане и КНДР. — *В.В.*]. Появление двух новых ядерных держав, а также стран, которые создают ракетное

⁵ Ф. Икле был заместителем министра обороны при Р. Рейгане. К. Пейн занимался выработкой ядерной политики в первой администрации Дж. Буша-мл., в частности был основным автором «Обзора ядерной политики» 2001 г., а также участвовал в выработке аналогичного документа администрации Д. Трампа в 2018 г.

оружие большой дальности, позволяет утверждать, что в международных отношениях складывается качественно новая ситуация и либеральный мировой порядок, на который многие рассчитывали после окончания “холодной войны”, не состоялся» [Кокошин, 1999: 903].

Особо следует отметить работы профессора Йельского университета П. Брэкена [Bracken, 1999, 2000, 2003]. Он также обратил внимание не просто на усложнение стратегического уравнения, которое затрудняет расчеты и принятие решений акторами, а на ряд системных изменений в мировой политике. П. Брэкен, в частности, сравнил появление новых обладателей ЯО и средств его доставки с выходом на арену мировой экономики «азиатских тигров» в 1960–1970-х годах [Bracken, 1999]. Отличие состоит в том, что если «тигры» были вписаны в американоцентричную систему мирохозяйственных связей, то расширение списка участников «ядерного клуба» имело совершенно иные мирополитические последствия, усилив претензии третьих держав на «право голоса» при формировании нового мирового порядка.

Нетрудно заметить, что именно проблема превращения региональных акторов в помеху на глобальном уровне рассматривалась в качестве центральной в документах военно-политического планирования США в 1991–1992 гг.⁶ В этой связи возвращение разработчиков данных документов (Р. Чейни, П. Вулфовица, Д. Рамсфелда, Л. Либби и др.) во власть после выборов 2000 г. предвещало высокий приоритет темы «второго ядерного века» в политическом дискурсе, но этому помешали события 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними многолетняя «глобальная война с террором».

Новый всплеск интереса к теме произошел только в 2009 г. [Krepinevich, 2009; Gerson, 2009; Krepon, 2009; Levite, 2009]. Причины возвращения внимания исследователей к проблемам «второго ядерного века» было несколько. Во-первых, завершение «стратегического зигзага», начавшегося 11 сентября, и постепенное смещение фокуса исследований международной безопасности от проблем терроризма к широким вопросам организации мирового порядка. Во-вторых, заявка России на наличие собственных представлений о принципах устройства мира, четко обозначенная в выступлении

⁶ Подборка рассекреченных документов Пентагона, раскрывающих характер и направление военно-политического планирования в тот период (с явным расчетом на второй срок президента Дж. Буша-ст.), опубликована Архивом национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона. См.: ‘Prevent the Reemergence of a New Rival’. The Making of the Cheney Regional Defense Strategy, 1991–1992 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb245/index.htm> (accessed: 10.02.2018).

президента В.В. Путина в Мюнхене в феврале 2007 г. В-третьих, вступление в «ядерный клуб» КНДР, что, с одной стороны, усилило аргументы сторонников «глобального нуля», а с другой — заставило еще раз задуматься о роли ЯО в качестве инструмента политики.

А. Левити [Levite, 2009] посвятил работу рассмотрению особенностей нового «ядерного века», который он предложил считать не вторым, а уже четвертым (подробнее см. далее). Остальные авторы публикаций этого периода сосредоточились скорее на последствиях данного феномена и с разных сторон изучали одну и ту же проблему — как относиться к ядерной многополярности, когда новая биполярность неприемлема политически. Так, Э. Крепиневич использовал собственный термин «второй ядерный режим» и отметил, что целесообразным ответом на новые вызовы станут повышение эффективности ядерного сдерживания как инструмента политики, а также наличие потенциала для ограниченного применения ЯО, «если сдерживание не сработает» [Krepinevich, 2009]. Таким образом, решение он видел в военно-технической плоскости, что неудивительно для представителя интеллектуальной части американского военно-политического истеблишмента, ученика и «выдвиженца» Э. Маршалла. В таких же координатах рассматривал проблему и М. Джерсон, полагавший, что ответом на нее может стать перенос соперничества в иную сферу — соревнование в высокотехнологичных видах обычных вооружений, где отрыв США от соперников казался тогда гарантированным. Специалист по контролю над вооружениями М. Крепон [Krepon, 2009] назвал одной из важных характеристик нового «ядерного века» переход от количественных факторов к качественным, что должно соответствующим образом быть учтено в российско-американском диалоге (напомним, в то время вырабатывался проект нового Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, подписанного в Праге в 2010 г.).

Политические аспекты преобладали в следующей серии исследований, появление которых в 2012–2014 гг. было, на наш взгляд, обусловлено новым курсом администрации Б. Обамы — «переносом центра тяжести в Азию» (*rebalance to Asia*). Одним из первых на это среагировал П. Брэкен, выпустивший новую работу, в которой помимо продолжения начатого ранее анализа последствий «возвышения Азии» уделил особое внимание «возвращению ядерного оружия на сцену мировой политики» [Bracken, 2012]. На этих двух темах также сосредоточились авторы вышедших вскоре двух коллективных работ [Strategy in the second nuclear age, 2012; Asia in the second nuclear age, 2013]. По мнению исследователей, надежды на «глобальный ноль» не оправдались, поэтому ЯО вернулось на-

долго. В этой связи нуждаются в дополнительной проработке с учетом новых реалий такие фундаментальные проблемы теории ядерной политики, как рациональность акторов и устойчивость системы при многомерных воздействиях. Для последнего сюжета представляется важным введение авторами одной из статей — Л. Бруксом (бывший руководитель Национальной администрации по ядерной безопасности США) и М. Рэпп-Хупер — нового понятия «трилемма безопасности», описывающего многостороннее взаимодействие в ядерной сфере [Brooks, Rapp-Hooper, 2013: 292–293]. Иллюстрацией справедливости этого подхода могут служить работы индийских ученых, рассматривающих многостороннее взаимодействие в масштабах всего «ядерного клуба» — в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона и в конфигурации Индия—КНР—Пакистан [Narang, 2014; Kampani, 2014; Kampani, Gopaldaswamy, 2017].

В то же время начиная с 2014 г. стали появляться специальные работы, посвященные проблемам стратегической стабильности в условиях «второго ядерного века». Причина такого интереса достаточно очевидна — возобновление конфронтации между Россией и Западом, заставившее обратиться к теоретическим построениям времен «холодной войны», которые на ее исходе превратились в практические политические решения, позволившие избежать перехода в «горячую» фазу. К числу этих работ относятся публикации Г. Кобленца, З. Гарсии, Ч. Фергюсона и Б. Макдональда [Koblenz, 2014; Garcia, 2017; Ferguson, MacDonald, 2017]. Не умаляя значения вклада остальных исследователей, необходимо особо отметить опубликованную Федерацией американских ученых работу Ч. Фергюсона и Б. Макдональда, в которой авторы впервые специально рассмотрели феномен многополярности в привязке к оборонительным, а не наступательным вооружениям — влияние на стратегическую стабильность процесса распространения систем ПРО [Ferguson, MacDonald, 2017].

К настоящему времени ряд исследований по рассматриваемой проблематике замыкает совместная работа американских и российских ученых, вышедшая под эгидой Американской академии искусств и наук [Brooks et al., 2018]. Ее авторы критикуют концепцию «второго ядерного века», настаивая на том, что с 1945 г. по настоящее время продолжается единый период [Brooks et al., 2018: 20]. В то же время они вынесли в название своей работы термин «новый ядерный век», не уточнив его разграничение со «старым». Возможно, такая терминология подходит к современным реалиям, когда все чаще говорят о «новой холодной войне». Тем не менее дискуссия не окончена, и автор настоящей работы хотел бы внести свой посильный вклад в ее развитие.

Тот факт, что применение нового оружия против двух японских городов — не просто появление еще одной военной технологии, а рубеж в мировой политике, начало «ядерного века», наиболее проникательные исследователи политических последствий бомбардировок Хиросимы и Нагасаки осознали практически сразу. Спустя всего месяц после первого применения ЯО, в сентябре 1945 г., в Чикагском университете⁷ состоялась конференция «Контроль над атомной энергией». Один из ее участников, Б. Броди, назвал свой доклад «Стратегические последствия атомной бомбы», а в следующем году вместе с коллегами по Йельскому университету Ф. Данном, А. Уолферсом, П. Корбеттом и У. Фоксом опубликовал сборник статей «Абсолютное оружие: ядерная мощь и мировой порядок» [The absolute weapon: Atomic power and world order, 1946]. Оценивая последствия появления ЯО, Б. Броди писал: «До сих пор главной задачей военной машины было выигрывать войны, теперь ее главная задача — предотвращать их» [Brodie, 1946: 76].

Первые исследователи верно оценили мирополитический масштаб последствий появления нового оружия. Они подчеркивали, что исключительная мощь ЯО должна изменить существующие представления о войне и политике. Однако сегодня очевидно, что их выводы и оценки несколько опередили свое время.

Б. Броди, изучавший стратегические последствия новых технологий еще в 1930-е годы, исходил из того, что их распространение неотвратимо, а значит, атомная монополия не сможет просуществовать достаточно долго и неизбежно возникновение ситуации, когда нанесение ущерба будет взаимным. В этой связи ЯО должно быть не средством ведения войны, а инструментом сдерживания.

Необходимо отметить, что само понятие «сдерживание» как способ применения военной силы для достижения политических целей значительно старше ядерной эпохи. Вероятно, впервые идея воздействовать на восприятие противника таким образом, чтобы удержать его от нежелательных действий, была изложена почти 2500 лет назад в «Трактате о военном искусстве» Сунь-цзы. Он отмечал, что «лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь. Самая лучшая война — разбить замыслы противника» [Сунь-цзы, 1995: 28]. Очевидно, что один из способов этого достичь — заставить противника бояться возможных потерь и ущерба, которые он может понести в результате ответной реакции на

⁷ Символично, что политологи собрались именно там, где в 1942 г. физики под руководством Э. Ферми впервые осуществили управляемую цепную реакцию.

свои действия. Если ущерб будет больше, чем плоды планируемых действий, то придется от них отказаться.

Таким образом, сдерживание предстает как один из способов управления поведением противника путем предотвращения каких-либо его действий, навязывания ему бездействия или принуждения к мерам, противоречащим его интересам (как правило, уступкам). Однако, хотя функция устрашения, как и функция разрушения, всегда была присуща военной силе как инструменту политики, она действовала далеко не всегда, поскольку подобрать соответствующие аргументы для воздействия на восприятие противника было не так просто. Ситуация принципиально изменилась с появлением ЯО.

Оно не было первым видом оружия массового уничтожения (ОМУ), но его разрушительные свойства совершенно по-новому поставили вопрос о размере потенциального ущерба. Именно ЯО смогло создать достаточный психологический эффект за счет красноречивой демонстрации возможных последствий ответных действий противника. Соответственно новое звучание приобрела и проблема «приемлемости» и «неприемлемости» цены, которую придется заплатить за достижение политических целей.

Как следствие, появление ЯО потребовало и пересмотра устоявшихся представлений о соотношении политической цели войны и применяемых средств ее достижения. При этом практически сразу сформировались два взгляда, две «линии мышления», до сих пор влияющие на ядерную политику. Первая (линия Б. Броди и его единомышленников) изложена ранее; второй, прямо противоположной, придерживались те политические и военные деятели в США, которые тогда принимали решения о применении ЯО. По их мнению, атомные бомбы являются таким же оружием, как и другие боеприпасы [Rosenberg, 1983; Herken, 1988; Schnabel, 1996; Broschius, 1999, Curatola, 2016]. Соответственно ЯО – это то, чего не хватило в свое время Дж. Дуэ, чтобы его концепция «воздушной мощи» [Дуэ, 1936] стала действительно работоспособной [см.: Фененко, Веселов, 2016]. При этом логика планировщиков ВВС армии США осенью 1945 г. была точно такой же, как и у Дж. Дуэ в начале 1920-х годов: если предотвратить новую мировую войну не удастся, то необходимо исключить ее затягивание, нанеся противнику «нокаутующий удар» в самом начале боевых действий и вынудив его принять условия политического урегулирования.

Первым известным документом, излагавшим подобный взгляд на роль и возможности применения ЯО, является меморандум генерал-майора Л. Норстэда, отвечавшего за планирование операций

в штабе ВВС армии США, который был направлен руководителю «Манхэттенского проекта» генерал-майору Л. Гровсу 15 сентября 1945 г. (т.е. спустя 12 дней после капитуляции Японии)⁸. В документе было указано количество ядерных боеприпасов, необходимое, по подсчетам ВВС, для такого разрушения военно-промышленного потенциала СССР, которое могло бы лишить Москву возможности вести длительную войну. В этой связи представитель ВВС спрашивал у Л. Гровса, на какое количество атомных бомб можно реально рассчитывать при планировании операций.

Зафиксированная в документе идея – нанесение немедленного удара, лишаящего противника способности сопротивляться, – радикально отличалась от принципов организации воздушного наступления против Германии и Японии в годы Второй мировой войны, когда интенсивность бомбардировок наращивалась постепенно в течение нескольких лет [Rearden, 1998]. Именно исходя из этого нового подхода к планированию, ВВС производили расчеты потребности в ядерных боеприпасах. При этом в меморандуме Л. Норстэда содержалось важное уточнение: штаб ВВС не считает необходимым оценивать потребности для ведения «затяжной войны на истощение» (*prolonged war of attrition*).

Примечателен выбор целей – города СССР и Маньчжурии⁹, вносящие существенный вклад в производство ключевых видов вооружения, военной техники и стратегических видов сырья¹⁰. В документе еще не использовался современный термин «неприемлемый ущерб», но по сути речь шла именно об этом: последствия ядерных ударов должны были заставить противника прекратить борьбу перед угрозой дальнейшей эскалации, поскольку руководство СССР оценит степень риска, на который придется ему пойти для достижения своих политических целей.

⁸ Atomic bomb production. Memorandum for Major General L.R. Groves. 15 September 1945 // War Department. Headquarters of the Army Air Forces. Washington, D.C. Available at: <http://blog.nuclearsecrecy.com/wp-content/uploads/2012/05/1945-Atomic-Bomb-Production.pdf> (accessed: 17.12.2017).

⁹ При этом в расчеты не было включено ни одного объекта на территории стран Восточной Европы. В то же время ВВС планировали использовать для ударов по СССР базы на Курильских островах. Эти детали показывают, что не для всех американских военных договоренности политиков в Ялте и Потсдаме были руководством к действию.

¹⁰ В «минимальный» вариант списка были включены 15 городов, имевших «высший приоритет» в качестве целей: Москва, Баку, Новосибирск, Горький (Нижний Новгород), Свердловск (Екатеринбург), Челябинск, Омск, Куйбышев (Самара), Казань, Саратов, Молотов (Пермь), Магнитогорск, Грозный, Сталинск (Новокузнецк) и Нижний Тагил. См.: Atomic bomb production. Memorandum for Major General L.R. Groves. 15 September 1945. Available at: <http://blog.nuclearsecrecy.com/wp-content/uploads/2012/05/1945-Atomic-Bomb-Production.pdf> (accessed: 17.12.2017).

Судя по имеющимся данным, разработанная впервые осенью 1945 г. методология отбора целей и определения требований к количественному и качественному составу ядерного арсенала использовалась в США по меньшей мере до принятия в конце 1960 г. первого интегрированного плана применения ядерных сил SIOP-62 [Rosenberg, 1983; Sagan, 1987; Kaplan, 2015]. Только в следующем плане, SIOP-63, утвержденном при Дж. Кеннеди в рамках реализации стратегии «гибкого реагирования», появилось разделение на первый и последующий удары и начала разрабатываться концепция «эскалации» [Kaplan, 2015], а основным вариантом нацеливания стал контрсилловой для «ограничения ущерба» (см. далее).

Сегодня очевидно, что до середины 1950-х годов ЯО в действительности еще не было «абсолютным оружием». Для этого должна была произойти «термоядерная революция» и появиться средства доставки ЯО с глобальной досягаемостью (особенно за счет морского базирования). Тем не менее тенденции в соотношении целей и средств ядерной политики были совершенно верно определены первыми исследователями.

В свое время К. фон Клаузевиц, характеризуя взаимосвязь политической цели войны и применяемых средств ее достижения, отмечал, что «политическая цель, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилom как для цели, которая может быть достигнута при помощи военных действий, так и для определения объема необходимых усилий» [Клаузевиц, 1934: 9]. Это означает, что для оценки эффективности сдерживания необходимо соотносить политическую цену действий или бездействия с уровнем ожидаемых издержек (ущерба). Очевидно, что чем выше прогнозируемый ущерб от применения ЯО, тем более весомые политические цели могут быть реализованы с помощью сдерживания без непосредственного применения силы.

Вместе с тем политическая цель имеет свою цену не только для того, против кого она выдвинута, но и для того, кто ее выдвигает. Политические цели, реализуемые с помощью сдерживания, должны быть соотнесены со всей системой национальных приоритетов государства, с одной стороны, и с той ценой, которую оно будет готово заплатить в случае, если сдерживание не сработает и противник предпочтет начало военных действий. Таким образом, сдерживание — прежде всего политико-психологический феномен, для которого характерно достаточно сложное сочетание прямых и обратных связей [Журавлев и др., 2016; Wellerstein, 2016].

Сдерживание по самой своей природе взаимно и обусловлено военными возможностями каждой из сторон, какими бы различными они ни были. Но если с появлением ЯО спектр таких воз-

возможностей расширился до бесконечности, то набор политических целей остался ограниченным. Даже в тотальных войнах XX в. никто не ставил задачу уничтожения самой человеческой цивилизации.

* * *

Реальная угроза уничтожения, появившаяся в результате создания в середине 1950-х годов двухстадийных термоядерных зарядов и средств их доставки в любую точку Земли, продемонстрировала верхний предел потенциального ущерба в случае применения ЯО. Задачей военных, политиков и ученых при этом стало определение нижнего предела, который позволял бы «абсолютному оружию» оставаться используемым средством достижения политических целей. Это привело к формированию представлений о «неприемлемом ущербе» в работах, опубликованных с середины 1950-х до середины 1960-х годов и составивших «вторую волну» теории сдерживания¹¹.

Одними из центральных вопросов, на которых было сосредоточено внимание исследователей в тот период, были эффективность официально принятых подходов к применению ЯО в качестве инструмента политики и связанная с ними критическая оценка убедительности сдерживания, основанного на угрозе возмездия.

Вероятно, лучше всего ответ на эти вопросы сформулировал Г. Киссинджер в краткой формуле: «Для того чтобы сдерживание было эффективным, требуются наличие убедительной способности, воли ее использовать и осознание этого противником. Сдерживание является производением, а не суммой этих факторов. При отсутствии хотя бы одного из них сдерживание не срабатывает» [Kissinger, 1960: 171]. Под убедительной способностью (*credible capability*) Г. Киссинджер при этом понимал возможность нанесения ущерба, размер которого будет для противника достаточным аргументом для отказа от своих намерений («разрушения замыслов» по Сунь-цзы). В справедливости краткой формулы Г. Киссинджера не приходится сомневаться. Без соответствующих материальных возможностей, готовности их применить, а также какого-либо способа довести до сведения противника эти факты угроза возмездия не может достичь цели.

Определением требований к материальному наполнению данной формулы занимались практики, работавшие параллельно с теоре-

¹¹ К важнейшим работам «второй волны» следует отнести: [Броди, 1961; Военная политика и национальная безопасность, 1958; Кан, 1966; Киссинджер, 1959; Осгуд, 1960; Шеллинг, 2007; Kaplan, 1958, 1959; Kaufmann, 1954, 1958; Wohlstetter, 1958; Brodie, 1958, 1966; Snyder, 1959, 1960, 1961; Kissinger, 1960; Kahn, 1961; Halperin, 1961, 1963; Limited strategic war, 1962; Knorr, 1966; Schelling, 1966].

тиками. Первопроходцами новой методологии в США были специалисты «Группы оценивания систем оружия» (Weapons Systems Evaluation Group, WSEG), созданной еще в 1947 г. решением первого министра обороны Дж. Форрестола для экспертной проработки проектов решений в сфере военно-технической политики, в том числе программ создания новых военных технологий и концепций их применения, имеющих долгосрочный и особо затратный характер, когда цена ошибок особенно высока. В декабре 1960 г. группа подготовила доклад № 50 «Оценка стратегических наступательных систем оружия», адресованный новой администрации США¹². Доклад содержал прогноз развития стратегических ядерных сил (СЯС) на период 1961–1967 гг. (т.е. почти два президентских срока) и концепцию их применения, альтернативную как официально принятой тогда стратегии «массированного возмездия», так и предложениям экспертов из Корпорации РЭНД, предлагавших контрсиловые варианты развития СЯС для «ограничения ущерба» США от ответных действий противника. Специалисты WSEG отмечали, что в работах РЭНД недооцениваются потенциальные возможности СЯС противника и преувеличивается способность к «ограничению ущерба» для США в результате контрсиловых ударов.

Новый министр обороны Р. Макнамара заслушал доклад WSEG в первые же дни своего пребывания в должности (26 января 1961 г.). Он отверг рекомендации группы по стратегической концепции применения СЯС, но воспринял ее методологию – системный анализ. Несколько лет спустя, в 1965–1966 гг., Р. Макнамара, ознакомившись с результатами новых исследований ядерного сдерживания (см. далее), пришел к тем же выводам, что и авторы доклада № 50, в части концепции применения СЯС, признав нереальность «ограничения ущерба» и неизбежность «взаимного гарантированного уничтожения» (ВГУ). Однако в 1961 г. глава Пентагона принял рекомендации экспертов РЭНД, положив их идеи в основу первой модификации стратегии «гибкого реагирования» – контрсилового нацеливания в интересах «ограничения ущерба». Р. Макнамара впервые объявил о принятии новой ядерной стратегии в феврале 1962 г. Выступая в Конгрессе с докладом о проекте военного бюджета на 1963 фин. г., он отметил: «Главной задачей стратегических сил возмездия является сдерживание развязывания войны своей способностью уничтожить военный потенциал против-

¹² Ponturo J. Analytical support for the Joint Chiefs of Staff: The WSEG experience, 1948–1976. Arlington, VA: Institute for Defense Analysis, 1979. Available at <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a090946.pdf> (accessed: 17.12.2017).

ника»¹³. Таким образом, нанесение удара по противнику первыми служило гарантией «ограничения ущерба» для США.

Последующая эволюция взглядов министра обороны была в значительной степени результатом проведенного в 1963–1964 гг. по указанию Р. Макнамары исследования, имевшего целью экспертную оценку пределов возможностей «ограничения ущерба». Задача исследования была сформулирована начальником управления НИОКР Г. Брауном (будущим министром обороны в администрации Дж. Картера) следующим образом: определить принципиальные возможности «ограничения ущерба» в условиях крупномасштабного обмена ударами СЯС США и СССР и предложить оптимальное распределение ресурсов между пятью заданными технологиями: гражданской обороной (массовым строительством убежищ для населения); «плотной» системой ПРО территории страны «Nike X»; контрсиловыми ударами межбаллистических ракет (МБР) США по объектам триады СЯС СССР (базы МБР и подводных лодок (ПЛ), аэродромы); противолодочными операциями против советских ПЛ в море; противовоздушной обороной территории США (прежде всего действиями истребительной авиации). Руководителем работы был назначен сотрудник аппарата министра обороны бригадный генерал Г. Кент.

Исследование было завершено к сентябрю 1964 г.¹⁴ Проведя большой объем работ по моделированию сценариев обмена ядерными ударами, эксперты обнаружили, что возможность существенно снизить свои потери («ограничить ущерб») благодаря нанесению контрсилового первого удара, как это предполагалось принятой официально концепцией применения СЯС в рамках стратегии «гибкого реагирования», отсутствует. По итогам исследования были сделаны три важных вывода: во-первых, стратегическое равновесие между СССР и США определяется главным образом возможностями наступательных вооружений; во-вторых, в случае крупномасштабного обмена ударами ни у одной из сторон нет шансов ограничить свои потери и избежать катастрофических последствий; в-третьих, какими бы крупными ни были вложения США в технологии, направленные на «ограничение ущерба», они всегда будут обесценены меньшими по размеру вложениями СССР в возмож-

¹³ Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before the Senate Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the fiscal year 1963–67. Defense program and 1963 defense budget. 14.02.1962 // U.S. Department of Defense. Available at: http://www.dod.mil/pubs/foi/logistics_material_readiness/acq_bud_fin/148.pdf (accessed: 17.12.2017).

¹⁴ A summary study of strategic offensive and defensive forces of the U.S. and USSR. 08.09.1964. Основные результаты исследования изложены в: [Kent et al., 2008].

ности наступательных средств. Таким образом, результат исследования оказался противоположен поставленной задаче.

Именно в ходе этой работы, показавшей иллюзорность надежд на «ограничение ущерба», была сформулирована альтернативная аналитическая конструкция – «гарантированное уничтожение» (*assured destruction*), к которой несколько позднее было добавлено «взаимное». Данная конструкция определяла взгляды на стратегическое равновесие до конца «холодной войны» и породила целый ряд попыток найти выход из этой ситуации и вернуть США свободу рук (см. далее). Самой известной такой попыткой была «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ). При этом именно в сфере ПРО результаты «исследования Кента» были наиболее важны. Расчеты показали, что проектировавшаяся в то время система ПРО «Nike X» не отвечает критерию «стоимость/эффективность», поскольку прогнозируемый рост наступательных возможностей СЯС СССР потребовал бы чрезвычайно больших расходов на отражение ударов по территории США. Однако политический вывод из этого факта – отказ от создания ПРО территории страны – не мог тогда найти поддержки в Конгрессе [Clearwater, 1999: 82–90].

В этой связи администрация Л. Джонсона предприняла попытку достичь договоренности о взаимном отказе от таких систем на саммите в Гласборо в июне 1967 г., но представлявший СССР Председатель Совета Министров А.Н. Косыгин не имел полномочий на обсуждение данной темы (он прибыл в США на заседание Генеральной Ассамблеи ООН в связи с «шестидневной войной» на Ближнем Востоке), поэтому договориться не удалось. Возник тупик: система экономически нецелесообразна, но отказ от нее политически неприемлем. Выход сначала был найден в замене «плотной» системы ПРО, направленной против СССР, на «тонкую» систему территориальной ПРО «Sentinel», рассчитанную на отражение ограниченного удара со стороны Китая. Таким образом, ядерное распространение пришло на выручку контрдерживанию, сохранив жизнь самой идее прикрытия национальной территории средствами ПРО. В конечном счете переговоры между США и СССР все же начались в ноябре 1969 г. и завершились подписанием в мае 1972 г. Договора¹⁵, закрепившего взаимный отказ от создания ПРО территории страны, т.е. признание неотвратимости возмездия и неизбежности ущерба. В основе подписанного одновременно До-

¹⁵ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны. Подписан в Москве 26 мая 1972 г. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/russia_usa.shtml (дата обращения: 11.02.2018).

говора ОСВ-1¹⁶ лежала также констатация связанного с этим факта нецелесообразности наращивания наступательных возможностей СЯС сверх определенного предела, зависящего от размеров неприемлемого ущерба.

С середины 1960-х годов в центре внимания военно-политических исследований в США оказались проблемы, связанные с войной в Индокитае, поэтому 1966 год условно считается временной границей «второй волны» теории сдерживания, в ходе которой, как уже сказано, были сформированы все базовые представления, сохраняющие свое значение до настоящего времени.

Дальнейшее развитие теории происходило в соответствии с содержанием упомянутой «формулы Киссинджера» (наличие достаточных средств и возможностей для нанесения ущерба противнику; политическая воля применить их в случае необходимости; понимание противником потенциальных последствий и реальности угрозы). Развитие первого компонента формулы — материального наполнения сдерживания — приобрело к тому времени даже избыточный характер. В сентябре 1967 г. Р. Макнамара публично заявил, что США имеют в своем распоряжении примерно в пять раз больше зарядов, чем необходимо в соответствии с критерием нанесения противнику неприемлемого ущерба (около 2200 единиц)¹⁷. При этом высокий удельный вес самого живучего — морского — компонента триады гарантировал возможность ответного удара, а количество зарядов на ПЛ — 656 единиц — примерно в полтора раза превышало «критерий Макнамары».

Еще раньше, в середине 1950-х годов, подобный сценарий развития событий предсказывал один из соавторов Г. Киссинджера по исследованию влияния ядерной стратегии Гордон Дин: «Если соревнующимися будет достигнут такой этап, когда обе стороны обладают способностью уничтожить друг друга, то количественная сторона вопроса теряет свое значение»¹⁸. На практике эта ситуация сло-

¹⁶ Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Подписано в Москве 26 мая 1972 г. Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/1901886> (дата обращения: 11.02.2018).

¹⁷ Remarks by Secretary of Defense Robert S. McNamara before the United Press International Editors and Publishers. San Francisco, CA, Monday, September 18, 1967 // Congressional Record — House. 18.09.1967. Н 12063- Н 12066. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP70B00338R000300100105-8.pdf> (accessed: 11.02.2018).

¹⁸ Дин с 1954 г. возглавлял рабочую группу Совета по международным отношениям по исследованию влияния ядерного оружия на внешнюю политику. По решению Совета основные результаты исследования были опубликованы одним из участников группы Г. Киссинджером в вышедшей в 1957 г. книге как его «личное мнение». См.: [Дин, 1959: 33].

жилась спустя десятилетие, что в свою очередь и открыло путь к переговорам, начавшимся в Хельсинки в 1969 г. и послужившим базой для кодификации ядерного сдерживания в заключенных в 1972 г. Договорах по ОСВ и ПРО.

Конец 1960-х годов – вообще исключительно важный рубеж в истории «ядерного века». Именно тогда сформировались основные представления о роли ЯО в мировой политике и международной безопасности, сохраняющие значение по сей день, были выработаны первые концепции стратегической стабильности, сложился неформальный кодекс поведения ядерных держав. Некоторые исследователи даже полагают возможным начинать с этого времени отсчет истории «второго ядерного века» [см., например: Levite, 2009]. Согласиться с этой точкой зрения нельзя, поскольку и после этого, вплоть до конца 1980-х годов, ключевую роль продолжало играть «центральное сдерживание» (США–СССР). Впрочем, эта система не была статичной и до распада СССР прошла в своей эволюции несколько этапов.

Первый этап (июль 1945 г. – август 1949 г.) характеризуется ядерной монополией США. На втором этапе (1950–1954), после успешного испытания ЯО в СССР, она была ликвидирована, но уязвимость американской территории еще оставалась несоизмеримо меньшей, чем у Советского Союза. В тот период СССР не имел ни межконтинентальных средств доставки, ни авиационных и морских баз вблизи США, подобных американским базам у своих границ. В этой связи третий этап был связан с развертыванием в СССР начиная с 1955 г. средств доставки ЯО, способных достигать территории США (бомбардировщиков М-4 и Ту-95, МБР, баллистических и крылатых ракет на ПЛ). На четвертом этапе, к концу 1960-х годов, благодаря чрезвычайным усилиям Советскому Союзу удалось выйти на уровень примерного равенства с США по количеству носителей ЯО. В это время и возникло понятие стратегического паритета между двумя ядерными державами. Признанием факта его установления стали договоры, подписанные в Москве в мае 1972 г.

Путь к этим соглашениям и к определенному уровню стратегической стабильности был чрезвычайно сложным и отмечен целой серией напряженных моментов, когда возникала прямая или косвенная угроза применения ЯО. Речь идет прежде всего о четырех кризисах: двух вокруг Тайваня (1954, 1958), Берлинском (1961) и Карибском (1962). Каждый из них (особенно Карибский) сопровождался высоким накалом военно-политического и идеологического противостояния в глобальном измерении, рассматривался обеими сверхдержавами как столкновение двух мировых систем,

«ставки» в котором были предельно высоки. В то же время каждый кризис способствовал формированию общих для двух сторон взглядов на обеспечение ядерной безопасности, становлению системы взаимного сдерживания, в основе которой лежала концепция ВГУ. Напомним, что именно после Карибского кризиса в США было начато упомянутое «исследование Кента».

* * *

Две опоры концепции ВГУ – осмысление политических уроков названных кризисов и результаты расчетов, показавших невозможность «ограничения ущерба» до «приемлемого» уровня в случае обмена ударами – сохраняют свое значение по сей день. Вместе с тем, гарантируя стратегическую стабильность, принцип ВГУ существенно связывает ядерным державам руки в мировой политике, поэтому одновременно с подписанием Договора ОСВ-1, «заморозившего» количество стратегических носителей ЯО в двух компонентах СЯС, США начали интенсивно оснащать свои МБР и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), увеличивая свое преимущество перед СССР по совокупному числу ядерных зарядов. Догнать США по данному показателю Советский Союз смог только к концу «холодной войны».

Одновременно с приобретением новых технических возможностей (РГЧ ИН давали не только количественное, но и качественное преимущество) с середины 1970-х годов в США непрерывно ведется разработка новых концепций применения ЯО, что составляет основное содержание «третьей волны» теории ядерного сдерживания. Отражением этих поисков стали концепции «избирательного» («выборочного») применения ЯО, которые, судя по всему, до настоящего времени лежат в основе официальных взглядов США на ядерную политику. Опережающее по сравнению с Советским Союзом развертывание РГЧ ИН на МБР и БРПЛ позволяло Вашингтону рассчитывать на получение качественного преимущества в условиях зафиксированного Договором ОСВ-1 примерного количественного равновесия с СССР, поскольку на переговорах по ОСВ-2 общее число ядерных зарядов сторон было «вынесено за скобки» ядерного баланса.

При этом способность обеих сверхдержав причинить друг другу неприемлемый ущерб отступала на второй план, перестав быть главным критерием сдерживания, как это сложилось при Р. Макнамаре. Первоочередное внимание стало уделяться таким факторам, как способность контролировать эскалацию, гибкость реагирования в условиях кризисов, что требовало повышения живучести и на-

дежности комплекса управления и улучшения связи руководства государства с объектами СЯС. При этом должны были выполняться требования «эскалационного доминирования», согласно которым на каждой ступени «лестницы» американцам необходимо иметь преимущество перед противником и свободу выбора для возможного перехода на более высокие ступени без доведения конфликта до масштабов уничтожения, предусмотренных «критерием Макнамары». Об этом следующим образом высказался министр обороны Дж. Шлесинджер, выступая в Конгрессе с докладом по военному бюджету на 1976 фин. г.: «Если одна из сторон сумеет найти путь для ликвидации способности другой к гибкому и контролируемому ответу, она получит возможность оказывать давление на противника и добиваться уступок, не доводя дело до всеобщей катастрофы»¹⁹.

Изменения в официальных подходах США к ядерному сдерживанию были закреплены в начале 1974 г. в президентской директиве № 242 и утвержденных министром обороны Дж. Шлесинджером «Политических указаниях по применению ядерного оружия»²⁰. Согласно новым взглядам в составе СЯС определялись силы для избирательных ударов по стратегической триаде противника и одновременно предусматривался живучий «резерв», который мог бы гарантированно нанести противнику «неприемлемый ущерб», в случае если на ограниченный удар США тот ответит не таким же ограниченным, а массированным ударом.

При этом усложнялась задача выбора целей при малом наряде сил: с одной стороны, это должны быть достаточно ценные объекты, чтобы потери были чувствительны, с другой – ущерб не должен быть таким, чтобы противник ответил широкомасштабным ударом с последующей неуправляемой эскалацией.

Следует отметить, что данная проблема имела в тот период существенное политическое значение, поскольку манипулирование угрозами нанесения избирательных ядерных ударов рассматривалось в качестве одного из инструментов достижения победы в «холодной войне». Убедительность (*credibility*) ядерной стратегии

¹⁹ Report of Secretary of Defense James R. Schlesinger to the Congress on the FY 1976 and transition budgets, FY 1977 authorization request and FY 1976–1980 defense programs. 05.12.1975 // U.S. Department of Defense. Available at: http://history.defense.gov/resources/1976-77_DoD_AR.pdf (accessed: 17.12.2017).

²⁰ National Security Decision Memorandum 242. Policy for Planning the Employment of Nuclear Weapons. 17.01.1974 // National Security Council. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-24b.pdf> (accessed: 17.12.2017); Policy Guidance for the Employment of Nuclear Weapons. 03.04.1974 // U.S. Department of Defense. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-25.pdf> (accessed: 17.12.2017).

США должна была заставить противника (руководство СССР) поверить в возможность применения ЯО и признать свое поражение на ранних этапах конфликта [Maglo, 2012].

До конца «холодной войны» официальные взгляды на ядерную политику оставались в русле «доктрины Шлесинджера», что было закреплено в утвержденной президентом Дж. Картером директиве № 59²¹ и принятой при Р. Рейгане NSDD-13²².

Значительный политический эффект имело и расширение исследований проблемы «неприемлемого ущерба» в 1980-е годы в широком контексте анализа последствий применения ЯО. Достоянием гласности стали работы американских ученых Ф. фон Хиппеля, А. Каца и других исследователей, посвященные социальным и экономическим результатам ядерной войны [Daugherty et al., 1986; Katz, 1982; Katz, Osdoby, 1982]. Была введена типология возможных «постъядерных» состояний государств и рассмотрена их связь с количеством доставляемых к целям боеприпасов.

В работах 1980-х годов ученые обратили особое внимание на так называемые побочные эффекты при нанесении «избирательных контрсилловых ударов», предусмотренных принятыми в то время официальными подходами к применению ядерных сил, развивавшими положения «доктрины Шлесинджера». Было показано, что, несмотря на тенденцию к снижению мощности отдельных ядерных зарядов, обусловленную переходом к РГЧ ИН и ростом точности наведения боевых блоков на цели, а также сокращением числа объектов, поражаемых ядерными боеприпасами на нижних ступенях «лестницы эскалации», «побочные эффекты» все равно приведут к крупномасштабным потерям среди гражданского населения.

Опубликование результатов исследований и общественный резонанс в свою очередь создавали благоприятные условия для продолжения переговоров между США и СССР даже на фоне нарастания конфронтации в 1981–1983 гг. При этом расширение учеными разных стран исследований проблем международной безопасности в условиях вертикального ядерного распространения (в количественном и качественном измерениях), возможных последствий ядерной войны, влияния технологических прорывов на стратегическую стабильность послужило базой для подготовки и принятия

²¹ Presidential Directive / NSC-59 (PD-59). Nuclear Weapons Employment Policy. 25.07.1980 // The White House. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb390/docs/7-25-80%20PD%2059.pdf> (accessed: 17.12.2017).

²² National Security Decision Directive 13. Nuclear Weapons Employment Policy. 19.10.1981 // The White House. Available at: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-13.pdf> (accessed: 17.12.2017). О преемственности подходов Дж. Картера и Р. Рейгана см.: [Richelson, 1983].

политических решений в сфере контроля над вооружениями. К сожалению, подобной «связи науки и практики» не наблюдается в настоящее время, когда уровень конфронтации обоснованно сравнивается с пиками «холодной войны». Более того, после ее окончания широко распространились взгляды, согласно которым устоявшиеся представления о роли ЯО в мировой политике и международной безопасности должны быть полностью пересмотрены на том основании, что международные отношения в современном мире сложнее биполярного противостояния прошлого века. В этой связи при обсуждении перспектив перехода к контролю над ядерными вооружениями в многостороннем формате вместе с понятием ВГУ и «неприемлемого ущерба», которые считаются устаревшими, часто отбрасывается даже само представление о стратегической стабильности [Савельев, 2013].

С этим подходом трудно согласиться. О преждевременности отказа от таких базовых понятий, как ВГУ и «неприемлемый ущерб», говорит уже тот факт, что в современной науке порог наступления «ядерной зимы» аргументированно пересматривается в сторону снижения [см., например: Robock et al., 2007; Robock, Toon, 2012; Mills et al., 2014]. С последствиями вооруженных конфликтов и наносимым при этом ущербом напрямую связана проблема стратегической стабильности. Причем речь идет не только о ЯО, но и об обычном оружии, поскольку еще в 1980-е годы учеными и специалистами разных стран было показано, что в таком регионе, как Европа, масштабное использование обычных вооружений и сил общего назначения сопоставимо с применением ОМУ [Кокошин, 1988; Huntington, 1983; Mearsheimer, 1982, 1983; Betts, 1988]. Именно поэтому критерии анализа технологий, влияющих на стратегическую стабильность, должны рассматриваться через призму концепции сдерживания. Очевидно, что чем выше стратегическая стабильность, тем ниже вероятность применения оружия, в том числе ядерного. Однако способность нанести ядерный удар (в рамках ответных мер на действия противника) – одно из важнейших условий убедительности сдерживания, а потенциальный ущерб – его главная характеристика.

Завершение «холодной войны» привело к тому, что вместе с конфронтацией прекратился и диалог между двумя сверхдержавами по проблемам обеспечения стратегической стабильности. Интересы сторон существенно разошлись. Внимание США с 1992 г. переключилось на обеспечение выгодных им балансов сил в регионах, что требовало «обуздания» потенциальных претендентов на роль центров силы, в том числе посредством интервенций. Соответственно в структуре ядерного фактора в мировой политике на первый план

вышло контрраспространение. Приоритетами для Российской Федерации в тот период были преодоление кризисных явлений и выживание СЯС. Остановить деградацию потенциала ядерного сдерживания удалось лишь ценой больших усилий к концу десятилетия. Ключевые вопросы, касающиеся направлений строительства СЯС и ядерной стратегии, были рассмотрены на заседании Совета безопасности Российской Федерации 3 июля 1998 г. По словам академика А.А. Кокошина, в то время секретаря СБ РФ, руководившего подготовкой этого заседания, при выработке рекомендаций по приоритетам ядерной политики учитывались в том числе радикальные изменения стратегического ландшафта, считающиеся сейчас началом «второго ядерного века». По оценке А.А. Кокошина, тогда были «фактически выработаны решения, в основном определившие облик наступательных и оборонительных ядерных сил России до и после 2010 г.» [Кокошин, 1999: 902]. 20-летие этого события станет, видимо, еще одним незамеченным юбилеем 2018 г., но его истинное значение сегодня очевидно.

* * *

Произошедшие в конце 1990-х годов глубокие изменения в стратегическом ландшафте позволили целому ряду ученых утверждать, что наступила новая фаза – «второй ядерный век» [Bracken, 1999, 2000, 2003, 2012; Gray, 1999; Rühle, 2007; Krepon, 2009; Gerson, 2009; Strategy in the second nuclear age, 2012; Asia in the second nuclear age, 2013; Koblentz, 2014; Montgomery, 2016; Garcia, 2017]. Его начало не может быть привязано к какой-либо точной календарной дате. Так же было и с «первым ядерным веком», отсчет которого можно было бы вести или от первого применения ЯО в Хиросиме и Нагасаки, или от первого испытания в Аламогордо, или от начала Манхэттенского проекта, или от открытия деления урана. Скорее всего, было бы правильно считать началом «первого ядерного века» 1945 год, имея в виду не только состоявшиеся первые испытания и применение, но и переход к новой – послевоенной – эпохе. Демонстрация возможностей ЯО проводилась не столько в интересах продолжения конфронтации, сколько в качестве заявки на определение контуров послевоенного устройства мира, вскоре приобретшего специфические черты «холодной войны».

Начало «второго ядерного века» было обозначено цепью событий, произошедших в 1998–1999 гг., первым из которых стало расширение «ядерного клуба», зафиксированное серией ядерных взрывов в Индии и Пакистане весной 1998 г. Этот факт важен не только сам по себе (первое открытое расширение «ядерного клуба» после вступления в силу ДНЯО), но и по своим последствиям с точки

зрения формирования нового стратегического ландшафта на рубеже XX–XXI вв.

Речь идет об окончательном становлении Азии в качестве не просто географического, но и особого экономического и военно-стратегического региона, простирающегося от Средиземноморья до Японских островов. Азиатские государства превратились из объекта мировой политики, арены противоборства сверхдержав в «холодной войне» в весьма динамичного субъекта, в границах которого находятся претендующий на роль глобальной державы Китай, новые ядерные государства Индия, Пакистан и КНДР, «де-факто ядерный» Израиль, «околоядерный» обладатель ракетных технологий Иран.

При всей несхожести этих стран их объединяет одно: «правила игры», которыми они руководствуются, отличаются от правил «первого ядерного века», определявшихся сверхдержавами. На первый план выходят военно-политические отношения между самими азиатскими государствами. Многое говорит в пользу того, что в Азии, в отличие от Европы, эпоха вооруженных конфликтов между крупными акторами еще не миновала, и это придает ядерному фактору особую значимость.

Еще одной приметой наступления «второго ядерного века» стало опубликование в США в том же 1998 г. (почти одновременно с расширением «ядерного клуба») доклада комиссии, возглавлявшейся бывшим и будущим министром обороны Д. Рамсфелдом, в котором было зафиксировано возрождение идеи территориальной ПРО, запрещенной Договором по ПРО 1972 г. Крупным «подарком» сторонникам этой концепции в августе 1998 г. стал запуск многоступенчатой баллистической ракеты в КНДР. Независимо от того, была ли это неудачная попытка вывести на орбиту искусственный спутник Земли или испытание боевой ракеты (это окончательно неясно и сегодня, почти 20 лет спустя), всему миру тогда были продемонстрированы новые возможности этого государства.

«Центральное ядерное сдерживание» во «втором ядерном веке» не исчезло, но, в отличие в «первого ядерного века», перестало быть главным, определяющим. Его как бы теснят другие составляющие, связанные с Китаем и новыми ядерными государствами. Эти акторы отличаются от участников «центрального сдерживания» (и шире — главных действующих лиц «холодной войны»), во-первых, характером политических целей, во-вторых, набором военно-технических средств, имеющихся в их распоряжении.

«Холодная война» была для ее участников вопросом выживания конкретной социально-политической системы, который сохранял свою актуальность по крайней мере до середины 1980-х годов. Более

скромный характер политических целей во «втором ядерном веке» снижает и «ставку» в конкуренции наиболее крупных субъектов мировой политики: речь о выживании их модели развития сегодня не идет и в обозримом будущем едва ли будет идти. В таком случае отпадает и необходимость нанесения удара «в сердце» противника, что в свое время вело к постоянному наращиванию дальности средств доставки ЯО. Гонка за дальностью продолжалась, пока не удалось достичь сначала межконтинентального, а затем и «глобального» охвата.

Вторым вектором развития ядерных сил в «первом ядерном веке», как показано ранее, была «погоня за контрсилowymi способностями». Азиатские члены «ядерного клуба» такой потребности пока не испытывают. Вместо этого они развивают средства средней дальности, предназначенные в первую очередь для нанесения противощенностных ударов в пределах региона, демонстрируя при этом и потенциал создания МБР (Индия, КНДР). В то же время утрашение соседей не является единственной функцией СЯС новых ядерных государств. Как справедливо отметил П. Брэккен, один из создателей концепции «второго ядерного века», потенциальной целью их ядерных сил становится, по его выражению, «ахиллесова пята американского военного присутствия в Азии» — инфраструктура США на заморских театрах военных действий (ТВД): базы, порты, аэродромы [Bracken, 2000: 151–152]. Действительно, успеху военных операций в Персидском заливе в 1991 и 2003 гг. и в Югославии в 1999 г. во многом способствовала пассивность оборонявшихся, что позволило США и их союзникам беспрепятственно осуществлять развертывание своих громоздких сил, опиравшихся на ограниченное число баз на ТВД.

П. Брэккен высказал предположение, что именно эта инфраструктура представляет собой оптимальную цель для ядерных сил азиатских членов «ядерного клуба». Действительно, если мы обратимся к доктринальным документам США того времени, например «Четырехлетнему обзору», вышедшему 30 сентября 2001 г., то увидим, что принцип «противодействия доступу» к инфраструктуре на ТВД (*anti-access*) является одним из ключевых, а ведение боевых действий, направленных на его реализацию, рассматривается в качестве наиболее вероятного сценария²³. В дальнейшем внимание к этому аспекту вооруженного противоборства постоянно увеличивалось вплоть до настоящего времени. Судя по всему, к аналогичным выводам пришли по итогам анализа конфликтов рубежа

²³ The Quadrennial Defense Review 2001 // Office of the Secretary of Defense. 30.09.2001. Available at: <http://www.comw.org/qdr/qdr2001.pdf> (accessed: 17.12.2017).

веков и в Пекине, поскольку «противодействие доступу» стало одним из приоритетов строительства вооруженных сил КНР на современном этапе. В свою очередь необходимость «противодействия противодействию» (*anti-anti-access*) превратилась для США и их союзников в один из главных мотивов для развития средств ПРО ТВД применительно к Восточной Азии, а затем и другим регионам.

В связи с этим для условий «второго ядерного века» становятся весьма актуальными размышления А.А. Свечина о «базировании и ударности». Рассматривая эти два элемента вооруженной борьбы, он отдавал приоритет роли «базирования», особенно в затяжной войне [Свечин, 1926: 8–18].

Если попытаться приложить его идеи к современным условиям, то можно заключить, что в контрсиловом варианте развития в «первом ядерном веке» наиболее важной целью были сильные стороны противника («ударность»), в то время как в противощенностном варианте «второго ядерного века» под удар ставятся прежде всего, наиболее слабые (уязвимые) элементы другой стороны («базирование»).

Наконец, еще одно фундаментальное отличие «второго ядерного века» от первого состоит в механизме эволюции сдерживания. В течение нескольких десятилетий оно развивалось прежде всего по логике двустороннего противостояния, почти не подверженного влиянию извне, со стороны третьих сил. Для «второго ядерного века» характерно то, что «азиатское сдерживание» не может быть самодостаточным, постоянно испытывает серьезное воздействие внешних сил, в значительной степени навязывающих новые «правила игры». В качестве примера подобного воздействия можно привести влияние агрессии НАТО в Югославии на ядерную политику азиатских держав. Хотя действия альянса были ограничены рамками региона, их последствия носили поистине глобальный характер. Использование военной силы в нарушение норм международного права, формировавшихся не только после Второй мировой войны, но и на протяжении более чем трех столетий развития системы международных отношений после Вестфальского мира 1648 г., породило многие негативные процессы в международной военно-политической сфере, последствия которых, в том числе для ядерного сдерживания, были фундаментальными.

Действия НАТО в Косово оказали влияние и на появление новых взглядов на роль ОМУ после завершения эпохи «холодной войны». В ходе операции НАТО в регионе во многих странах не раз возникал вопрос: было бы это возможно, обладай Белград ядерным оружием? Политические элиты таких государств, как Китай, Индия, Иран, КНДР (да и Россия тоже), вынуждены были задуматься

маться: кто будет следующим объектом «воспитания» и что следует предпринять для обеспечения национальной безопасности?

Различные варианты реакции новых членов «ядерного клуба» и «пороговых государств» на югославский сценарий были продемонстрированы в течение 1999–2000 гг. Например, Индия ответила целой серией публикаций по проекту новой ядерной доктрины, увеличением военных расходов и, что особенно примечательно, приоритетным развитием флота. Пакистан, несмотря на крайне тяжелую экономическую ситуацию, также предпринял соответствующие шаги в военном строительстве. Не остался безучастным и Иран. В КНДР, видимо, именно в это время были приняты решения в области военно-технической политики, которые привели страну сначала к созданию собственного ЯО, а затем и средств его доставки с возможностями, близкими к межконтинентальным.

Многое свидетельствует о том, что агрессия против Югославии в 1999 г. вкупе с пересмотром США политики в области ПРО в том же году привела к ускорению развития ракетно-ядерного потенциала Китая. В итоге по качественным параметрам своих СЯС, ядром которых будут мобильные твердотопливные МБР с РГЧ ИН, Китай начал приближаться к России и США. Одновременно Пекин благодаря сокращениям российских и американских ядерных сил после подписания нового Договора по СНВ (2010) сократил количественное отставание от первых двух ядерных держав и «ушел в отрыв» от Великобритании и Франции.

Таким образом, действия НАТО в Югославии нанесли значительный ущерб стратегической стабильности. Политика, зафиксированная в официальных документах альянса 1990-х годов и апробированная на Балканах, оказалась серьезным стимулом к ускорению процесса распространения ЯО, против которого существующие международно-правовые механизмы могут оказаться неэффективными, о чем свидетельствуют примеры Ирана и КНДР.

Стандартной в XXI в. может стать модель военного конфликта в виде крупномасштабного вмешательства внешних сил во внутренние дела государства или ограниченной войны со строго выверенными политическими целями. В современном мире существует немало реальных и потенциальных конфликтов, которые могут развиваться по подобной схеме. Это уже происходит в Сирии, где ядерный фактор присутствует фактически открыто, очерчивая возможности внешних сил по достижению радикальных политических целей. Внешнее вмешательство под предлогом необходимости избежать приближения к «ядерному порогу» может наблюдаться при размораживании таких «спящих» конфликтов, как ситуация на Корейском полуострове, индо-пакистанское столкновение в Кашмире,

арабо-израильский конфликт, «тайваньская проблема» и др. О том, что ядерное сдерживание может «работать» в подобных ситуациях, свидетельствует, на наш взгляд, опыт располагающего «ядерной бомбой в подвале» Израиля. На протяжении последних нескольких десятилетий (с 1982 г.) он ведет «вялотекущую войну» на своей территории, в секторе Газа и в Ливане, при этом союзники палестинцев вынуждены воздерживаться от крупномасштабного вмешательства в нее, не в последнюю очередь из-за страха перед возможным возмездием.

* * *

В течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны продолжался «первый ядерный век». Изначально в силу наличия двух сверхдержав – СССР и США – и возглавляемых ими крупнейших военно-политических союзов ядерный баланс принял глобальный характер. В этот период существовало четкое разграничение между «центральным противостоянием» и периферийными интересами, а сдерживающая роль ЯО основывалась на убеждении, что его применение ведет к глобальной катастрофе. Для подавляющей части политиков «ядерное уравнение», по крайней мере в первом приближении, выглядело достаточно простым, сводясь к количествам боезарядов, обеспеченных средствами доставки.

1990-е годы можно рассматривать как паузу между двумя «ядерными веками», которой были присущи черты и того, и другого. К концу XX в. мир вступил во «второй ядерный век». Его особенность состоит в том, что центральный конфликт «холодной войны» исчез, но «центральное сдерживание» сохранилось и до конца 1990-х годов оставалось «центральным» по отношению к другим политическим конфигурациям с участием ядерных держав. Однако в условиях «второго ядерного века» в мировом силовом балансе рельефно выделилось несколько новых уровней, поскольку появилось несколько типов ядерных государств, сложились различные виды взаимоотношений между ядерными и неядерными державами.

Можно говорить о двух измерениях «второго ядерного века». В военно-техническом отношении это прежде всего размывание границы между ядерным и обычным арсеналом и перенос гонки вооружений из количественного измерения в качественное²⁴. Последняя черта присутствовала и в «первом ядерном веке», но сейчас, в условиях существующих договорных ограничений, она становится основной. Последствием этого может стать формирование «ядерной трешпо-

²⁴ Это явление будет представлять главную проблему для контроля над вооружениями, но это тема для самостоятельного исследования.

лярности», когда качественные характеристики СЯС США, России и Китая будут сопоставимы между собой и существенно отличаться от остальных членов «ядерного клуба»²⁵. Второе измерение – пространственное – вступление в «ядерный клуб» новых членов, не похожих по облику на «старых».

Каждое ядерное государство обладает собственной спецификой структуры и состава ядерных сил, ядерной политики, философии ядерного сдерживания, стратегической культуры, которые отражают особенности национальной психологии, традиции национальной политической и военной культуры. Так, если американская, советская (российская) и французская школы ядерной мысли строились на одном интеллектуальном фундаменте – европейском рационализме, то уже при первом взгляде на китайское стратегическое мышление становится очевидным влияние иной социокультурной базы, прежде всего наследия Сунь-цзы. При этом Китай был полностью интегрирован в политику «холодной войны» и оставался в тени «центрального ядерного сдерживания». Отношения же Индии и Пакистана, новых ядерных держав, совершенно иного рода. Дело не столько в том, что эти государства и их лидеры не прошли «школу» «холодной войны», сколько в характере разделяющего их конфликта.

Все это служит дополнительным аргументом в пользу того, что международные отношения вступили в новую фазу. Для ее характеристики уже подобрано новое определение, более удачное, чем много лет использовавшийся термин «период после окончания холодной войны». Это определение – «постзападный», взятый сейчас на вооружение уже не только учеными, но и политиками²⁶. В этом порядке Запад перестает быть единственным актором, устанавливающим правила функционирования системы международных отношений. Согласиться с этим, естественно, нелегко, что и наблюдается на таких примерах, как одновременная конфронтация США с Россией в Сирии и «торговая война» с Китаем. Эти разные явления объединяет одна логика – речь идет о новом мировом порядке.

Возможно, впервые его становление произойдет без большой войны, такой как Тридцатилетняя или наполеоновские. Эта надежда

²⁵ Подобная ситуация существовала очень короткое время в «первом ядерном веке» – в течение нескольких недель в 1952 г., когда третьим членом «ядерного клуба» стала Великобритания, но еще не началась «термоядерная революция».

²⁶ См., например: Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе 53-й Конференции по вопросам безопасности, Мюнхен, 18 февраля 2017 г. // Официальный сайт МИД России. Доступ: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2648249 (дата обращения: 12.02.2018). С.В. Лавров использовал термин «post-West».

основана на том, что в мировой политике существует ядерный фактор, поднявший «цену вопроса» при возможном переделе мира на очень большую высоту. О том, что этот фактор работает, свидетельствуют, в частности, Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2018 г. и реакция на него за рубежом. В том, что цена попыток строительства мирового порядка, не учитывающего интересы России, может оказаться неприемлемо высокой, не сомневается, наверное, никто.

Однако ядерный фактор несет с собой и серьезные риски, поэтому для интересов национальной безопасности России в условиях нового стратегического ландшафта XXI в. как никогда важно учитывать не только «центральный» ядерный баланс Россия—США (до сих пор воспроизводящий в уменьшенном виде баланс СССР—США), но и все остальные компоненты «мирового ядерного уравнения», сколько бы малыми они ни выглядели на сегодняшний день в чисто количественном выражении. Только их учет позволяет представить сложнейшую систему военно-политического взаимодействия ведущих государств мира в условиях «второго ядерного века».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Броди Б. Стратегия в век ракетного оружия. М.: Воениздат, 1961.
2. Военная политика и национальная безопасность. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
3. Дин Г. Вступление // Киссингер Г. Ядерное оружие и внешняя политика. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 33–37.
4. Дуэ Дж. Господство в воздухе. Сборник трудов по вопросам воздушной войны. М.: Воениздат НКО СССР, 1936.
5. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Институт психологии РАН, 2016.
6. Кан Г. Об эскалации. М.: Воениздат, 1966.
7. Киссингер Г. Ядерное оружие и внешняя политика. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
8. Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934.
9. Кокошин А.А. Развитие военного дела и сокращение вооруженных сил и обычных вооружений // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 1. С. 20–32.
10. Кокошин А.А. Ядерное сдерживание и национальная безопасность России // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 10. С. 893–904.
11. Кокошин А.А. Ядерные конфликты в XXI веке. М.: Медиа-Пресс, 2003.
12. Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В. Сдерживание во «втором ядерном веке». М.: Институт проблем международной безопасности РАН, 2001.

13. Осгуд Р. Ограниченная война. М.: Воениздат, 1960.
14. Савельев А.Г. О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения // О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения. Рабочая тетрадь № IX / Под ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. С. 4–15.
15. Свечин А.А. Базирование и ударность (Вместо предисловия ко второму тому) // Стратегия в трудах военных классиков / Под ред. А.А. Свечина. Т. 2. М.: Государственное военное издательство, 1926. С. 7–20.
16. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Перевод и исследование // Конрад Н.И. Избранные труды: Синология. М.: Ладомир, 1995. С. 14–284.
17. Фененко А.В., Веселов В.А. «Воздушная мощь» в мировой политике // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. С. 6–27.
18. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007.
19. The absolute weapon: Atomic power and world order / Ed. by B. Brodie et al. New York: Harcourt; Brace and Company, 1946.
20. The absolute weapon revisited: Nuclear arms and the emerging international order / Ed. by T.V. Paul, R.J. Harknett, J.J. Wirtz. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.
21. Arnett E.H. Deterrence after nuclear proliferation: Implications for nuclear forces and defense spending // The Nonproliferation Review. 1994. Vol. 1. No. 2. P. 10–17.
22. Asia in the second nuclear age / Ed. by A.J. Tellis, A.M. Denmark, T. Tanner. Seattle: The National Bureau of Asian Research, 2013.
23. Betts R.K. Nuclear peace and conventional war // The Journal of Strategic Studies. 1988. Vol. 11. No. 1. P. 79–95.
24. Bracken P. Fire in the East: The rise of Asian military power and the second nuclear age. New York: Harper Collins, 1999.
25. Bracken P. The second nuclear age // Foreign Affairs. 2000. No. 1. P. 146–156.
26. Bracken P. The second nuclear age: Strategy, danger, and the new power politics. New York: Henry Holt and Co., 2012.
27. Bracken P. The structure of the second nuclear age // Orbis. 2003. Vol. 47. No. 3. P. 399–413.
28. Brodie B. The anatomy of deterrence. Santa Monica: RAND Corporation, RM-2218, 1958.
29. Brodie B. Escalation and the nuclear option. Princeton: Princeton University Press, 1966.
30. Brodie B. War in the atomic age // The absolute weapon: Atomic power and world order / Ed. by B. Brodie et al. New York: Harcourt, Brace and Company, 1946. P. 21–69.
31. Brooks L., Gavin F.J., Arbatov A. Meeting the challenges of the new nuclear age: U.S. and Russian nuclear concepts, past and present // American Academy of Arts & Sciences. 2018. Available at: <https://www.amacad.org/multimedia/pdfs/publications/researchpapersmonographs/New-Nuclear-Age.pdf> (accessed: 12.02.2018).
32. Brooks L., Rapp-Hooper M. Extended deterrence, assurance, and reassurance in the Pacific during the second nuclear age // Asia in the second nuclear

age / Ed. by A.J. Tellis, A.M. Denmark, T. Tanner. Seattle: The National Bureau of Asian Research, 2013. P. 267–299.

33. Broschious S.D. Longing for international control, banking on American superiority: Harry S. Truman's approach to nuclear weapons // *Cold War statesmen confront the bomb: Nuclear diplomacy since 1945* / Ed. by J.L. Gaddis. Oxford; New York: Oxford University Press, 1999. P. 15–38.

34. Cha V. The second nuclear age: Proliferation pessimism versus sober optimism in South Asia and East Asia // *Journal of Strategic Studies*. 2001. Vol. 24. No. 4. P. 79–120.

35. Clearwater J.M. Johnson, McNamara, and the birth of SALT and the ABM Treaty 1963–1969. Rutherford, NJ: Academic Research Group, 1999.

36. Curatola J.M. Bigger bombs for a brighter tomorrow: The Strategic Air Command and American war plans at the dawn of the atomic age, 1945–1950. Jefferson: McFarland & Company, 2016.

37. Daugherty W., Levi B., Von Hippel F. The consequences of 'limited' nuclear attacks on the United States // *International Security*. 1986. Vol. 10. No. 4. P. 3–45.

38. Ferguson Ch.D., MacDonald B.W. Nuclear dynamics in a multipolar strategic ballistic missile defense world // *Federation of American Scientists*. July 2017. Available at: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/Nuclear-Dynamics-In-A-Multipolar-Strategic-Ballistic-Missile-Defense-World.pdf> (accessed: 12.12.2017).

39. Freedman L. The evolution of nuclear strategy. 3rd ed. New York: Palgrave Macmillan, 2003.

40. Freedman L. The revolution in strategic affairs. London; New York: Oxford University Press for the International Institute for Strategic Studies, 1998.

41. Garcia Z. Strategic stability in the twenty-first century: The challenge of the second nuclear age and the logic of stability interdependence // *Comparative Strategy*. 2017. Vol. 36. No. 4. P. 354–365.

42. Gerson M.S. Conventional deterrence in the second nuclear age // *Parameters*. 2009. Vol. 39. No. 3. P. 32–48.

43. Gray C.S. The second nuclear age. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1999.

44. Halperin M.H. Limited war in the nuclear age. New York: Wiley, 1963.

45. Halperin M.H. Nuclear weapons and limited war // *Journal of Conflict Resolution*. 1961. Vol. 5. No. 2. P. 146–166.

46. Herken G. The winning weapon: The atomic bomb in the Cold War, 1945–1950. Princeton: Princeton University Press, 1988.

47. Huntington S.P. Conventional deterrence and conventional retaliation in Europe // *International Security*. 1983. Vol. 8. No. 3. P. 32–56.

48. Iklé F.Ch. The second coming of the nuclear age // *Foreign Affairs*. 1996. Vol. 74. No. 1. P. 119–128.

49. Kahn H. On thermonuclear war. Princeton: Princeton University Press, 1961.

50. Kampani G. China–India nuclear rivalry in the 'second nuclear age'. Oslo: The Norwegian Institute for Defense Studies, 2014.

51. Kampani G., Gopalaswamy B. Asia in the 'second nuclear age'. Atlantic Council. November 2017.
52. Kaplan E. To kill nations: American strategy in the air-atomic age and the rise of mutually assured destruction. Ithaca: Cornell University Press, 2015.
53. Kaplan M.A. The calculus of deterrence // World Politics. 1958. Vol. 11. No. 1. P. 20–44.
54. Kaplan M.A. The strategy of limited retaliation. Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Center of International Studies. Policy memorandum No. 19. Princeton: Princeton University Press, 1959.
55. Katz A. Life after nuclear war: The economic and social impacts of nuclear attacks on the United States. Cambridge, MA: Ballinger Pub. Co., 1982.
56. Katz A., Osdoby S.R. The social and economic effects of nuclear war // CATO Institute Policy Analysis. 1982. No. 9. April 21. Available at: <https://object.cato.org/pubs/pas/pa009.pdf> (accessed: 17.12.2017).
57. Kaufmann W.W. The evolution of deterrence 1945–1958. Santa Monica: RAND Corporation, 1958.
58. Kaufmann W.W. The requirements of deterrence. Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Center of International Studies. Memorandum No. 7. Princeton: Princeton University Press, Center of International Studies, 1954.
59. Kent G.A., Ochmanek D., Spirtas M., Pirnie B.R. Thinking about America's defense: An analytical memoir. Santa Monica: RAND Corporation, 2008. Available at: https://www.rand.org/pubs/occasional_papers/OP223.html (accessed: 17.12.2017).
60. Kissinger H.A. The necessity for choice: Prospects of American foreign policy. New York: Harper and Brothers, 1960.
61. Knorr K. On the uses of military power in the nuclear age. Princeton: Princeton University Press, 1966.
62. Koblentz G.D. Strategic stability in the second nuclear age // Council on Foreign Relations. November 2014. Special Report No. 71. Available at: https://www.cfr.org/sites/default/files/pdf/2014/11/Second%20Nuclear%20Age_CSR71.pdf (accessed: 17.12.2017).
63. Krepinevich A.F. US nuclear forces: Meeting the challenge of a proliferated world. Washington, D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2009.
64. Krepon M. Numerology in the second nuclear age // IFRI Proliferation Papers. Fall 2009. No. 30. Available at: <https://www.ifri.org/en/publications/enotes/proliferation-papers/numerology-second-nuclear-age> (accessed: 17.12.2017).
65. Lavoy P.R. The strategic consequences of nuclear proliferation: A review essay // Security Studies. 1995. Vol. 4. No. 4. P. 695–753.
66. Levite A.E. Heading for the fourth nuclear age // IFRI Proliferation Papers. Winter 2009. No. 24. Available at: <https://www.ifri.org/en/publications/enotes/proliferation-papers/heading-fourth-nuclear-age> (accessed: 17.12.2017).
67. Limited strategic war / Ed. by K. Knorr, Th. Read. New York: Published for the Center of International Studies, Princeton University, by Praeger, 1962.
68. Marlo F.H. Planning Reagan's war: Conservative strategists and America's Cold War victory. Washington, D.C.: Potomac Books, 2012.

69. Mearsheimer J.J. *Conventional deterrence*. Ithaca: Cornell University Press, 1983.

70. Mearsheimer J.J. Why the Soviets can't win quickly in central Europe // *International Security*. 1982. Vol. 7. No. 1. P. 3–39.

71. Mills M., Toon O., Lee-Taylor J., Robock A. Multi-decadal global cooling and unprecedented ozone loss following a regional nuclear conflict // *Earth's Future*. 2014. Vol. 2. No. 4. P. 161–176.

72. Montgomery E. Extended deterrence in the second nuclear age // *Center for Strategic and Budgetary Assessments*. 2016. Available at: http://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA6183-ExtendedDeterrence_PRINT.pdf (accessed: 17.12.2017).

73. Narang V. *Nuclear strategy in the modern era: Regional powers and international conflict*. Princeton: Princeton University Press, 2014.

74. Payne K.B. *Deterrence in the second nuclear age*. Lexington: University Press of Kentucky, 1996.

75. Rearden S.L. US strategic bombardment doctrine since 1945 // *Case studies in strategic bombardment* / Ed. by R. Cargill Hall. Washington, D.C.: Air Force Historical Studies Office, 1998. P. 383–467.

76. Richelson J. PD-59, NSDD-13 and the Reagan strategic modernization program // *The Journal of Strategic Studies*. 1983. Vol. 6. No. 2. P. 125–146.

77. Robock A., Oman L., Stenchikov G.L. Nuclear winter revisited with a modern climate model and current nuclear arsenals: Still catastrophic consequences // *Journal of Geophysical Research. Atmospheres*. 2007. Vol. 112. No. D13107. P. 1–14.

78. Robock A., Toon O. Self-assured destruction: The climate impacts of nuclear war // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2012. Vol. 68. No. 5. P. 66–74.

79. Rosenberg D.A. The origins of overkill: Nuclear weapons and American strategy, 1945–1960 // *International Security*. 1983. Vol. 7. No. 4. P. 3–71.

80. Rühle M. Enlightenment in the second nuclear age // *International Affairs*. 2007. Vol. 83. No. 3. P. 511–522.

81. Sagan S.D. *Moving targets: Nuclear strategy and American security*. Princeton: Princeton University Press, 1989.

82. Sagan S.D. SIOP-62: The nuclear war plan briefing to President Kennedy // *International Security*. 1987. Vol. 12. No. 1. P. 22–51.

83. Sagan S.D., Waltz K.N. *The spread of nuclear weapons: A debate*. New York: W.W. Norton, 1995.

84. Schelling Th. *Arms and influence*. New Haven: Yale University Press, 1966.

85. Schnabel J.F. *History of the Joint Chiefs of Staff: The Joint Chiefs of Staff and national policy*. Vol. 1. 1945–1947. Washington, D.C.: Office of the Chairman of the Joint Chiefs of Staff. 1996. Available at: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/History/Policy/Policy_V001.pdf (accessed: 17.12.2017).

86. Snyder G.H. *Deterrence and defense: Toward a theory of national security*. Princeton: Princeton University Press, 1961.

87. Snyder G.H. Deterrence and power // *Journal of Conflict Resolution*. 1960. Vol. 6. No. 3. P. 163–178.

88. Snyder G.H. *Deterrence by denial and punishment*. Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Center of Interna-

tional Studies. Research monograph No. 40. Princeton: Princeton University Press, 1959.

89. Strategy in the second nuclear age: Power, ambition, and the ultimate weapon / Ed. by T. Yoshihara, J.R. Holmes. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2012.

90. Wellerstein A. The psychological power of nuclear weapons // Bulletin of the Atomic Scientists. 2016. Vol. 72. No. 5. P. 298–303.

91. Wohlstetter A.J. The delicate balance of terror. Santa Monica: RAND Corporation, P-1472, 1958. Available at: <https://www.rand.org/pubs/papers/P1472.html> (accessed: 12.12.2017).

V.A. Veselov

**AT THE TURN OF THE NUCLEAR AGES:
STRATEGIC STABILITY
AND CONTOURS OF A NEW WORLD ORDER**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The year 2018 is rich with anniversaries. In the current international context the 50th anniversary of the Nuclear Non-Proliferation Treaty is certainly having special relevance. However, in the view of the need to examine the prospects of ensuring strategic stability, the role of nuclear weapons in world politics and the contours of the new world order yet another anniversary – twenty years from the beginning of the ‘second nuclear age’ – is just as important. In order to identify the substantive aspects of this phenomenon this paper provides a comparative analysis of distinctive features of both the first and the second nuclear ages. The author identifies the causes and prerequisites for the beginning of the ‘first nuclear age’ and examines, on the basis of a wide range of policy papers and analytical reports, the evolution of the United States’ approaches to nuclear strategy, deterrence and military and political goal setting. Special focus is on such issues as the achievement of strategic parity between the Soviet Union and the United States and the role of the Strategic Arms Limitation Talks Agreement and the 1972 Anti-Ballistic Missile Treaty in the development of the concept of strategic stability and informal code of conduct of nuclear powers. The paper emphasizes that although the ‘first nuclear age’ coincides chronologically with the Cold War, these two phenomena are not identical. As for the ‘second nuclear age’, the author links its emergence with such developments as India and Pakistan joining the nuclear ‘club’, long-range missile tests carried out by the DPRK, and the revision of the U.S. policy regarding the anti-missile defense which led to the abrogation of the Anti-Ballistic Missile Treaty. The author concludes that defining characteristics of the ‘second nuclear age’ include the retention of the ‘central deterrence’ accompanied by a growing importance of new political formats involving both nuclear and non-nuclear states, many of which have culturally specific approaches to

military policy and strategic planning. All these factors combined form a backbone of military and political interactions between the leading powers within the emerging world order.

Keywords: ‘second nuclear age’, nuclear deterrence, strategic stability, mutually assured destruction, the Cold War, nuclear ‘club’, flexible response, international security, world order, international system, Nuclear Non-Proliferation Treaty.

About the author: *Vasilii A. Veselov* – Senior Lecturer, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

Acknowledgements: This work has been accomplished with financial support from the RFBR, research project № 15-37-11136.

REFERENCES

1. Brodie B. 1961. *Strategy in the missile age*. Princeton, Princeton University Press [Russ. ed.: Brodi B. 1961. *Strategiya v vek raketnogo oruzhiya*. Moscow, Voenizdat Publ.].
2. Kaufmann W.W. (ed.). 1956. *Military policy and national security*. Princeton, Princeton University Press [Russ. ed.: *Voennaya politika i natsional'naya bezopasnost'*. 1958. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ.].
3. Dean G. 1957. Vvedenie [Introduction]. In Kissinger H.A. *Nuclear weapons and foreign policy*. New York, Published for the Council on Foreign Relations by Harper [Russ. ed.: Kissinger H. 1959. *Yadernoe oruzhie i vneshnyaya politika*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ.], pp. 33–37.
4. Douhet G. 1936. *Gospodstvo v vozdukh*e [Command of the air]. Moscow, Voenizdat NKO SSSR Publ. (In Russ.)
5. Zhuravlev A.L., Nestik T.A., Sosnin V.A. 2016. *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty geopoliticheskoi stabil'nosti i yadernogo sderzhivaniya v XXI veke* [Social and psychological components of the geopolitical stability and nuclear deterrence in the XXI century']. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
6. Kahn H. 1965. *On escalation: Metaphors and scenarios*. New York, Frederick A. Praeger [Russ. ed.: Kan G. 1966. *Ob eskalatsii*. Moscow, Voenizdat Publ.].
7. Kissinger H.A. 1957. *Nuclear weapons and foreign policy*. New York, Published for the Council on Foreign Relations by Harper [Russ. ed.: Kissinger H. 1959. *Yadernoe oruzhie i vneshnyaya politika*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ.].
8. Clausewitz C. 1934. *O voine* [On war]. Moscow, Gosvoenizdat Publ. (In Russ.)
9. Kokoshin A.A. 1988. Razvitie voennogo dela i sokrashchenie vooruzhennykh sil i obychnykh vooruzhenii [Development of military art and the reduction of armed forces and conventional armaments]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 1, pp. 20–32. (In Russ.)
10. Kokoshin A.A. 1999. Yadernoe sderzhivanie i natsional'naya bezopasnost' Rossii [Nuclear deterrence and Russia's national security]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, no. 10, pp. 893–904. (In Russ.).
11. Kokoshin A.A. 2003. *Yadernye konflikty v XXI veke (tipy, formy, vozmozhnye uchastniki)* [Nuclear conflicts in the XXI century: Types, forms, and potential participants]. Moscow, Media-Press Publ. (In Russ.).

12. Kokoshin A.A., Veselov V.A., Liss A.V. 2001. *Sderzhivanie vo 'vtorom yadernom veke'* [Deterrence in the 'second nuclear age']. Moscow, IPMB RAN Publ. (In Russ.)

13. Osgood R.E. 1957. *Limited war: The challenge to American strategy*. Chicago, University of Chicago Press [Osgud R. 1960. *Ogranichennaya voina*. Moscow, Voenizdat Publ.].

14. Savel'ev A.G. 2013. O mnogostoronnem podkhode k probleme yadernogo razoruzheniya [On multilateral approach to nuclear disarmament]. In Ivanov I.S. (ed.). *O mnogostoronnem podkhode k probleme yadernogo razoruzheniya*, no. IX [On multilateral approach to nuclear disarmament]. Moscow, Spetskniga Publ., pp. 4–15. (In Russ.)

15. Svechin A.A. 1926. Bazirovanie i udarnost' [Deployment and strike potential]. In Svechin A.A. (ed.). *Strategiya v trudakh voennykh klassikov* [Strategy in works of military classics]. Vol. 2. Moscow, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Publ., pp. 7–20. (In Russ.)

16. Sun Tzu. 1995. Traktat o voennom iskusstve [The art of war]. In Konrad N.I. *Sinologiya* [Sinology]. Moscow, Ladomir Publ., pp. 14–284. (In Russ.)

17. Fenenko A.V., Veselov V.A. 'Vozdushnaya moshch' v mirovoi politike ['Airpower' in international politics]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 14, no. 3, pp. 6–27. (In Russ.)

18. Schelling Th. 1960. *The strategy of conflict*. Cambridge, Harvard University Press [Russ. ed.: Shelling T. 2007. *Strategiya konflikta*. Moscow, IRISEN Publ.].

19. Brodie B. et al. (eds.). 1946. *The absolute weapon: Atomic power and world order*. New York, Harcourt, Brace and Company.

20. Paul T.V., Harknett R.J., Wirtz J.J. (eds.). 1998. *The absolute weapon revisited: Nuclear arms and the emerging international order*. Ann Arbor, University of Michigan Press.

21. Arnett E.H. 1994. Deterrence after nuclear proliferation: Implications for nuclear forces and defense spending. *The Nonproliferation Review*, vol. 1, no. 2, pp. 10–17.

22. Tellis A.J., Denmark A.M., Tanner T. (eds.). 2013. *Asia in the second nuclear age*. Seattle, The National Bureau of Asian Research.

23. Betts R.K. 1988. Nuclear peace and conventional war. *The Journal of Strategic Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 79–95.

24. Bracken P. 1999. *Fire in the East: The rise of Asian military power and the second nuclear age*. New York, HarperCollins.

25. Bracken P. 2000. The second nuclear age. *Foreign Affairs*, no. 1, pp. 146–156.

26. Bracken P. 2012. *The second nuclear age: Strategy, danger, and the new power politics*. New York, Henry Holt and Co.

27. Bracken P. 2003. The structure of the second nuclear age. *Orbis*, vol. 47, no. 3, pp. 399–413.

28. Brodie B. 1958. *The anatomy of deterrence*. Santa Monica, RAND Corporation, RM-2218.

29. Brodie B. 1966. *Escalation and the nuclear option*. Princeton, Princeton University Press.

30. Brodie B. 1946. War in the atomic age. In Brodie B et al. (eds.). *The absolute weapon: Atomic power and world order*. New York, Harcourt, Brace and Company.

31. Brooks L., Gavin F.J., Arbatov A. 2018. *Meeting the challenges of the new nuclear age: U.S. and Russian nuclear concepts, past and present*. American Academy of Arts & Sciences. Available at: <https://www.amacad.org/multimedia/pdfs/publications/researchpapersmonographs/New-Nuclear-Age.pdf> (accessed: 12.02.2018).

32. Brooks L., Rapp-Hooper M. 2013. Extended deterrence, assurance, and reassurance in the Pacific during the second nuclear age. In Tellis A.J., Denmark A.M., Tanner T. (eds.). *Asia in the second nuclear age*. Seattle, The National Bureau of Asian Research, pp. 267–299.

33. Broscious S.D. 1999. Longing for international control, banking on American superiority: Harry S. Truman's approach to nuclear weapons. In Gaddis J.L. (ed.). *Cold War statesmen confront the bomb: Nuclear diplomacy since 1945*. Oxford; New York, Oxford University Press, pp. 15–38.

34. Cha V. 2001. The second nuclear age: Proliferation pessimism versus sober optimism in South Asia and East Asia. *Journal of Strategic Studies*, vol. 24, no. 4, pp. 79–120.

35. Clearwater J.M. 1996. *Johnson, McNamara, and the birth of SALT and the ABM Treaty 1963–1969*. Universal-Publishers.

36. Curatola J.M. 2016. *Bigger bombs for a brighter tomorrow: The Strategic Air Command and American war plans at the dawn of the atomic age, 1945–1950*. Jefferson, McFarland & Company.

37. Daugherty W., Levi B., Von Hippel F. 1986. The consequences of 'limited' nuclear attacks on the United States. *International Security*, vol. 10, no. 4, pp. 3–45.

38. Ferguson Ch.D., MacDonald B.W. 2017. *Nuclear dynamics in a multipolar strategic ballistic missile defense world*. Federation of American Scientists. Available at: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/Nuclear-Dynamics-In-A-Multipolar-Strategic-Ballistic-Missile-Defense-World.pdf> (accessed: 12.12.2017).

39. Freedman L. 2003. *The evolution of nuclear strategy*. 3rd ed. New York, Palgrave Macmillan.

40. Freedman L. 1998. *The revolution in strategic affairs*. London; New York, Oxford University Press for the International Institute for Strategic Studies.

41. Garcia Z. 2017. Strategic stability in the twenty-first century: The challenge of the second nuclear age and the logic of stability interdependence. *Comparative Strategy*, vol. 36, no. 4, pp. 354–365.

42. Gerson M.S. 2009. Conventional deterrence in the second nuclear age. *Parameters*, vol. 39, no. 3, pp. 32–48.

43. Gray C.S. 1999. *The second nuclear age*. Boulder, Lynne Rienner Publishers.

44. Halperin M.H. 1963. *Limited war in the nuclear age*. New York, Wiley.

45. Halperin M.H. 1961. Nuclear weapons and limited war. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 5, no. 2, pp. 146–166.

46. Herken G. 1988. *The winning weapon: The atomic bomb in the Cold War, 1945–1950*. Princeton, Princeton University Press.

47. Huntington S.P. 1983. Conventional deterrence and conventional retaliation in Europe. *International Security*, vol. 8, no. 3, pp. 32–56.
48. Iklé F.Ch. 1996. The second coming of the nuclear age. *Foreign Affairs*, vol. 74, no. 1, pp. 119–128.
49. Kahn H. 1961. *On thermonuclear war*. Princeton, Princeton University Press.
50. Kampani G. 2014. *China–India nuclear rivalry in the ‘second nuclear age’*. Oslo, The Norwegian Institute for Defense Studies.
51. Kampani G., Gopalaswamy B. 2017. *Asia in the ‘second nuclear age’*. Atlantic Council.
52. Kaplan E. 2015. *To kill nations: American strategy in the air-atomic age and the rise of mutually assured destruction*. Ithaca, Cornell University Press.
53. Kaplan M.A. 1958. The calculus of deterrence. *World Politics*, vol. 11, no. 1, pp. 20–44.
54. Kaplan M.A. 1959. *The strategy of limited retaliation*. Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Center of International Studies. Policy memorandum No. 19. Princeton, Princeton University Press.
55. Katz A. 1982. *Life after nuclear war: The economic and social impacts of nuclear attacks on the United States*. Cambridge, MA, Ballinger Pub. Co.
56. Katz A., Osdoby S.R. 1982. The social and economic effects of nuclear war. *CATO Institute Policy Analysis*, no. 9. Available at: <https://object.cato.org/pubs/pas/pa009.pdf> (accessed: 17.12.2017).
57. Kaufmann W.W. 1958. *The evolution of deterrence 1945–1958*. Santa Monica, RAND Corporation.
58. Kaufmann W.W. 1954. *The requirements of deterrence*. Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Center of International Studies. Memorandum No. 7. Princeton, Princeton University, Center of International Studies.
59. Kent G.A., Ochmanek D., Spirtas M., Pirnie B.R. 2008. *Thinking about America’s defense: An analytical memoir*. Santa Monica, RAND Corporation.
60. Kissinger H.A. 1960. *The necessity for choice: Prospects of American foreign policy*. New-York, Harper and Brothers.
61. Knorr K. 1966. *On the uses of military power in the nuclear age*. Princeton, Princeton University Press.
62. Koblentz G.D. 2014. *Strategic stability in the second nuclear age*. Council on Foreign Relations. Special Report No. 71. Available at: https://www.cfr.org/sites/default/files/pdf/2014/11/Second%20Nuclear%20Age_CSR71.pdf (accessed: 17.12.2017).
63. Krepinevich A.F. 2009. *US nuclear forces: Meeting the challenge of a proliferated world*. Washington, D.C., Center for Strategic and Budgetary Assessments.
64. Krepon M. 2009. Numerology in the second nuclear age. *IFRI Proliferation Papers*, no. 30. Available at: <https://www.ifri.org/en/publications/enotes/proliferation-papers/numerology-second-nuclear-age> (accessed: 17.12.2017).
65. Lavoy P.R. 1995. The strategic consequences of nuclear proliferation: A review essay. *Security Studies*, vol. 4, no. 4, pp. 695–753.

66. Levite A.E. 2009. Heading for the fourth nuclear age. *IFRI Proliferation Papers*, no. 24. Available at: <https://www.ifri.org/en/publications/enotes/proliferation-papers/heading-fourth-nuclear-age> (accessed: 17.12.2017).

67. Knorr K., Read Th. (eds.). 1962. *Limited strategic war*. New York: Published for the Center of International Studies, Princeton University, by Praeger.

68. Marlo F.H. 2012. *Planning Reagan's war: Conservative strategists and America's Cold War victory*. Washington, D.C., Potomac Books.

69. Mearsheimer J.J. 1983. *Conventional deterrence*. Ithaca, Cornell University Press.

70. Mearsheimer J.J. 1982. Why the Soviets can't win quickly in central Europe. *International Security*, vol. 7, no. 1, pp. 3–39.

71. Mills M., Toon O., Lee-Taylor J., Robock A. 2014. Multi-decadal global cooling and unprecedented ozone loss following a regional nuclear conflict. *Earth's Future*, vol. 2, no. 4, pp. 161–176.

72. Montgomery E. 2016. *Extended deterrence in the second nuclear age*. Center for Strategic and Budgetary Assessments. Available at: http://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA6183-ExtendedDeterrence_PRINT.pdf (accessed: 17.12.2017).

73. Narang V. 2014. *Nuclear strategy in the modern era: Regional powers and international conflict*. Princeton, Princeton University Press.

74. Payne K.B. 1996. *Deterrence in the second nuclear age*. Lexington, University Press of Kentucky.

75. Rearden S.L. 1998. US strategic bombardment doctrine since 1945. In Cargill Hall R. (ed.). *Case studies in strategic bombardment*. Washington, D.C., Air Force Historical Studies Office, pp. 383–467.

76. Richelson J. 1983. PD-59, NSDD-13 and the Reagan strategic modernization program. *The Journal of Strategic Studies*, vol. 6, no. 2, pp. 125–146.

77. Robock A., Oman L., Stenchikov G.L. 2007. Nuclear winter revisited with a modern climate model and current nuclear arsenals: Still catastrophic consequences. *Journal of Geophysical Research. Atmospheres*, vol. 112, no. D13107, pp. 1–14.

78. Robock A., Toon O. 2012. Self-assured destruction: The climate impacts of nuclear war. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 68, no. 5, pp. 66–74.

79. Rosenberg D.A. 1983. The origins of overkill: Nuclear weapons and American strategy, 1945–1960. *International Security*, vol. 7, no. 4, pp. 3–71.

80. Rühle M. 2007. Enlightenment in the second nuclear age. *International Affairs*, vol. 83, no. 3, pp. 511–522.

81. Sagan S.D. 1989. *Moving targets: Nuclear strategy and American security*. Princeton, Princeton University Press.

82. Sagan S.D. 1987. SIOP-62: The nuclear war plan briefing to President Kennedy. *International Security*, vol. 12, no. 1, pp. 22–51.

83. Sagan S.D., Waltz K.N. 1995. *The spread of nuclear weapons: A debate*. New York, W.W. Norton.

84. Schelling Th. 1966. *Arms and influence*. New Haven, Yale University Press.

85. Schnabel J.F. 1996. *History of the Joint Chiefs of Staff: The Joint Chiefs of Staff and national policy. Vol. 1. 1945–1947*. Washington, D.C., Office of the

Chairman of the Joint Chiefs of Staff. Available at: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/History/Policy/Policy_V001.pdf (accessed: 17.12.2017).

86. Snyder G.H. 1961. *Deterrence and defense: Toward a theory of national security*. Princeton, Princeton University Press.

87. Snyder G.H. 1960. Deterrence and power. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 6, no. 3, pp. 163–178.

88. Snyder G.H. 1959. *Deterrence by denial and punishment*. Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Center of International Studies, Research monograph No. 40. Princeton, Princeton University Press.

89. Yoshihara T., Holmes J.R. (eds.). 2012. *Strategy in the second nuclear age: Power, ambition, and the ultimate weapon*. Georgetown University Press.

90. Wellerstein A. 2016. The psychological power of nuclear weapons. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 72, no. 5, pp. 298–303.

91. Wohlstetter A.J. 1958. *The delicate balance of terror*. Santa Monica, RAND Corporation, P-1472. Available at: <https://www.rand.org/pubs/papers/P1472.html> (accessed: 12.12.2017).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Р.И. Благовещенский*

ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ ВО ФРАНЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9*

Референдум о членстве Великобритании в ЕС, закончившийся победой сторонников «Брекзита», стал одним из самых обсуждаемых международно-политических событий 2016 г. и заставил политиков и ученых совершенно по-новому взглянуть на перспективы развития европейской интеграции. В этой связи особый интерес представляет пример Франции. Как отмечает автор, несмотря на то что эта страна является одной из стран-основательниц всех европейских объединений, — Париж никогда не был легким партнером в отношениях с Брюсселем, а евроскептицизм пустил во Франции глубокие корни. В данной статье предпринята попытка проанализировать историю возникновения и последующую эволюцию французского евроскептицизма, а также выявить особенности современного положения евроскептических партий во Франции. В этой связи автор подчеркивает, что если обычно евроскептицизм ассоциируется с крайне правыми и националистическими политическими силами, то во Франции в евроскептических кругах существует и мощное левое течение. Движение «Непокоренная Франция», возглавляемое Жаном-Люком Меланшоном, который получил на последних выборах впечатляющие 18% голосов, жестко критикует Брюссель и не исключает полного выхода из Евросоюза. В статье отмечается также общая тенденция к росту поляризованности французского общества, которая сопровождается укреплением позиций внесистемных кандидатов. При этом традиционные партии, например правоцентристская партия «Республиканцы», также пытаются адаптироваться к меняющимся настроениям электората. Они перенимают отдельные лозунги евроскептиков и их жесткую риторику в отношении ЕС. Как отмечает автор, тем самым они повторяют путь Консервативной партии Великобритании, который привел ее к проведению референдума о членстве страны в Евросоюзе. В статье делается вывод, что поражение Марин Ле Пен на прези-

* *Благовещенский Роман Игоревич* — аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: roman10.89@mail.ru).

дентских выборах 2017 г. не означает поражения французского евро-скептицизма. Напротив, евроскептики и националисты окончательно перестали быть маргиналами и лишь укрепили свои позиции, поэтому возможность прихода к власти во Франции «мадам президент» исключать нельзя.

Ключевые слова: Франция, евроскептицизм, «Национальный фронт», Марин Ле Пен, «Непокоренная Франция», Жан-Люк Меланшон, «Республиканцы», Франсуа Фийон, Европейский союз, «Брекзит», благоприятный консенсус.

В историографии европейской интеграции есть ряд утверждений, которые кажутся исследователям настолько очевидными, что уже успели стать своего рода аксиомами и не нуждаются в доказательной базе. Среди них хотелось бы выделить нарратив о странах, которые принято называть «хорошими» европейцами. Эти государства стояли у истоков европейской интеграции и всеми силами способствовали укреплению и распространению мира, процветания и демократических ценностей на Европейском континенте. Для них характерен высокий уровень поддержки Евросоюза, а популисты-евроскептики не пользуются там серьезным влиянием.

К «хорошим» европейцам историки относят прежде всего Германию и Францию, называя их тандем франко-германским мотором евроинтеграции [Buchanan, 2012]. По мнению большинства исследователей, без франко-германского стержня Евросоюз просто бы не состоялся [Kuhn, 2011]. В обеих странах самый высокий процент граждан, поддерживающих идею создания Соединенных Штатов Европы¹. Франция и Германия – крупные и влиятельные государства, которые выступают за углубление евроинтеграции и определяют будущее ЕС.

При этом Франция очень важна для Евросоюза, поэтому ее выход (даже гипотетический) из состава ЕС вызывает в Еврокомиссии панические настроения. Профессор Афинского университета Лукас Цукалис в этой связи отмечает: «Французская внутренняя политика станет решающим фактором для европейской интеграции в ближайшие годы» [Tsoukalis, 2016: 155].

Тем не менее в рассматриваемом контексте Францию было бы правильнее сравнивать не с «хорошим» европейцем, а с двуликим Янусом. С одной стороны, ее представители (Робер Шуман, Жан Монне и Жак Делор) активно поддерживали евроинтеграцию и даже стали в какой-то степени символами новой Европы [Европейская

¹ Mischke J. Germans, French most in favor of a 'United States of Europe:' Poll // Politico.eu. 28.12.2017. Available at: <https://www.politico.eu/article/united-states-of-europe-germans-french-most-in-favor-poll/> (accessed: 31.12.2017).

интеграция, 2011]. С другой стороны, именно Париж часто блокировал принятие важных для Европы решений. Несмотря на то что Франция является одной из основателей Европейского объединения угля и стали, Европейского экономического сообщества, Евратома, Шенгенской зоны, Европейского союза и еврозоны, Париж никогда не был легким партнером в отношениях с Брюсселем, а евроскептицизм пустил в этой стране глубокие корни.

В западных академических кругах давно выработалось единое видение причин и этапов усиления евроскептических настроений в Европе. Считается, что до начала 1990-х годов в странах – членах ЕЭС существовал «благожелательный (позволяющий) консенсус» (*permissive consensus*), который дал политикам возможность заложить фундамент европейского проекта [Leconte, 2010: 166]. Суть «благожелательного консенсуса» сводилась к тому, что проевропейские элиты проводили курс на углубление интеграции, не встречая сопротивления со стороны простого населения, которое относилось к происходившим процессам либо с одобрением, либо, в худшем случае, нейтрально. Иными словами, «благожелательный консенсус» строился на двух столпах – безоговорочной поддержке европейского проекта национальными элитами и пассивном согласии рядовых граждан. По этой причине евроинтеграцию нередко называют «заговором элит» или «объединением сверху» [Joffe, 2001: 255]. Считается, что конец «благожелательному консенсусу» положило подписание Маастрихтского соглашения в 1992 г., которое существенно усилило наднациональные институты, после чего отношение к ЕС стало резко ухудшаться [Topaloff, 2012: 102]. Начиная с 1992 г. уровень поддержки Брюсселя во Франции и других странах неизменно снижался [Nix, 1999], а в начале нового тысячелетия своеобразным символом краха «благожелательного консенсуса» стало формирование коалиционного правительства в Австрии в 2000 г., в состав которого вошли представители крайне правой (и евроскептической) Австрийской партии свободы [Roxburgh, 2002].

Можно встретить утверждения, что французский евроскептицизм впервые дал о себе знать лишь в 2005 г., когда на референдуме большинство граждан Пятой республики высказались против принятия общеевропейской Конституции [Тимофеев, 2017: 64; Бышок, 2017]. Тогда против договора, который должен был вывести европейскую интеграцию на невиданный ранее уровень и укрепить наднациональные институты Евросоюза, высказались почти 55% избирателей². Впервые страна, стоявшая у истоков единой Европы,

² Victoire K.B. 29 mai 2005: Le «non» au Traité Constitutionnel, l'occasion manquée de la gauche de la gauche // Lefigaro.fr 29.05.2015 . Available at: <http://www.lefigaro.fr/vox/>

открыто продемонстрировала свое неприятие «еще более тесного Союза» [Leconte, 2010]. По мнению же научного сотрудника ИМЭМО РАН Г.И. Вайнштейна, процесс демаргинализации евроскептических партий вообще запустился лишь в 2010-х годах [Вайнштейн, 2015].

В то же время многие западные историки и политологи полагают, что общий рост популярности крайне правых и евроскептических политических сил берет начало в 1980-х годах [Hainsworth, 2008: 11; Givens, 2005] и напрямую связан с завершением периода «благожелательного консенсуса». Как бы то ни было, возвышение популистов и евроскептиков – это, по мнению исследователей, долгосрочное явление [Фишман, 2017].

При этом евроскептицизм в экспертных кругах прочно ассоциируется с национализмом и крайне правыми партиями. Например, британский журналист А. Роксбург в своем исследовании евроскептических движений (в том числе во Франции) акцентирует внимание исключительно на крайне правых политиках и националистах [Roxburgh, 2002]. Л. Цукалис, давая характеристику евроскептикам и популистам, пишет, что они не любят ЕС, поскольку считают, что ими управляют иностранцы [Tsoukalis, 2016: 172]. Другими словами, для евроскептиков проблема утраты национального суверенитета играет первостепенную роль.

В данной статье предпринята попытка по-новому взглянуть на эту полемику и, шире, на некоторые аспекты традиционных представлений о европейской интеграции и французском евроскептицизме. В этой связи мы постараемся доказать несколько взаимосвязанных утверждений. Во-первых, «благожелательный консенсус» не затронул в должной степени Францию, которая демонстрировала, что является трудным партнером, задолго до ратификации Маастрихтского договора, а сам французский евроскептицизм зародился практически одновременно с началом евроинтеграции. Во-вторых, евроскептицизм всегда был и остается частью дискурса французского политического класса. Наконец, в-третьих, национализм не обязательно является главной причиной евроскептицизма, а евроскептики могут быть представлены не только правыми, но и левыми политическими партиями и движениями.

Новизна статьи заключается в том, что, в отличие от других исследований французского евроскептицизма, в ней рассматривается как крайне правая партия «Национальный фронт», так и другие политические группы – крайне левая партия «Непокоренная Франция» и даже правоцентристское движение «Республиканцы».

В данной статье выдвигается гипотеза, согласно которой французский евроскептицизм не привязан к конкретной политической идеологии, не является отличительной чертой исключительно маргинальных политиков, но с успехом может проникать и в программы традиционных партий. Все это позволяет взглянуть на феномен французского евроскептицизма с нового ракурса.

Статья разделена на две части: в первой дается исторический обзор французского евроскептицизма с 1950-х годов (т.е. с самого начала европейского проекта); во второй рассмотрено современное положение французских евроскептиков на примере партий «Национальный фронт», «Непокоренная Франция» и движения «Республиканцы».

* * *

Проект европейской интеграции был предложен французскому правительству предпринимателем Жаном Монне, а впервые идея на официальном уровне была озвучена 9 мая 1950 г. министром иностранных дел Франции Робером Шуманом [Европейская интеграция, 2011: 85]. В 1951 г. именно в Париже было подписано соглашение, которое положило начало Европейскому объединению угля и стали (ЕОУС). Однако уже на самом раннем этапе европейского проекта французское руководство успешно воспрепятствовало углублению интеграции в политической и военной областях. Несмотря на то что именно Франция выдвинула идею создания Европейского политического сообщества (ЕПС) и Европейского оборонного сообщества (ЕОС) в 1952 г., в конце концов проект был «похоронен» именно Национальным собранием Четвертой республики [Тимофеев, 2017: 57]. Примечательно, что инициатива была поддержана и ратифицирована правительствами пяти из шести стран-основательниц ЕОУС – всеми, кроме Парижа. В 1954 г. коммунисты и сторонники генерала Шарля де Голля проголосовали против двух наднациональных союзов, и их голосов хватило, чтобы заблокировать французскую же инициативу. Коммунисты видели в ЕПС и ЕОС преграду на пути сотрудничества между Западной Европой и СССР, а для голлистов эти два объединения стали символом утраты национального суверенитета [Buchanan, 2012]. Например, ЕОС подразумевал создание единой европейской армии под руководством одного командующего. Генерал де Голль и его сторонники не могли представить, чтобы французские войска подчинялись иностранцу и служили бок о бок со вчерашними врагами – немцами.

Генерал де Голль – знаковая фигура в истории французского евроскептицизма и источник вдохновения для всех последующих евроскептиков, точно так же, как впоследствии в 1980-х годах Мар-

гарет Тэтчер стала символом британского евроскептицизма [Jones, 2007]. Жесткая и зачастую бескомпромиссная позиция де Голля в отношении Брюсселя, а также отказ передать полномочия наднациональным органам власти сделали его настоящим героем в евроскептических кругах.

В 1958 г. Шарль де Голль стал президентом Франции, которую после изменения Конституции начали именовать Пятой республикой. Глава государства принялся воплощать свое видение европейской интеграции. Так, он не хотел, чтобы европейские страны утратили суверенитет и самобытность [Hainsworth et al., 2004: 38], выступал за межправительственное сотрудничество (*Europe des patries*) и Европейскую конфедерацию, а не за построение европейских наднациональных структур [Hoffmann, 2001: 60]. В 1965 г. французский лидер отказался поддержать формирование бюджета Европейских сообществ, боясь, что это станет очередным шагом в сторону создания европейского супергосударства, и отозвал своих министров со всех встреч с европейскими коллегами. Разразился «кризис пустого кресла», который закончился в 1966 г. Люксембургским компромиссом. Ш. де Голль настоял на сохранении каждой из стран-участниц права вето на дальнейший ход европейской интеграции. Как следствие, она была «заморожена» почти на 20 лет.

Однако по прошествии этого времени другой француз вдохнул вторую жизнь в европейский проект. В 1985 г. Еврокомиссию возглавил евроэнтузиаст Жак Делор, бывший министр финансов в правительстве социалиста Франсуа Миттерана. Главным итогом деятельности Ж. Делора, несомненно, стало подписание Маастрихтского соглашения, которое вывело европейскую интеграцию на совершенно новый уровень: был создан Европейский союз в его современном виде, полномочия Европарламента существенно расширились, а также были заложены основы для создания будущей еврозоны. При Ж. Делоре были подписаны Шенгенские соглашения, отменившие пограничный контроль между государствами — членами ЕС, а также произошли сразу два расширения Евросоюза: в 1986 г. к нему примкнули Испания и Португалия, а в 1995 г. — Австрия, Финляндия и Швеция.

Стоит отметить, что ратификация Маастрихтского соглашения в какой-то момент оказалась под угрозой, и снова по вине Франции. Вслед за провалом плебисцита в Дании, где с небольшим перевесом победили евроскептики, французский президент-евроэнтузиаст Франсуа Миттеран тоже решил вынести вопрос о ратификации Маастрихтского договора на общенациональное голосование. Правда, он хотел показать, что евроскептицизм, продемонстрированный датчанами, является досадным исключением, а во Франции евро-

пейский проект пользуется большой популярностью. К огромному разочарованию президента-социалиста, лишь 51% избирателей поддержали идею создания наднационального Европейского союза [Drake, 2005]. Историки окрестили этот результат фразой «petit oui» («маленькое да») [Lewis-Beck, Morey, 2007]. Франция едва не заблокировала очередную французскую же инициативу.

После 1992 г. и особенно в 2000-х годах наблюдается дальнейшее снижение поддержки европейского проекта среди французов. По словам профессора в области европейских исследований в Университете Лафбере Хелен Дрейк, «притязания французов на монополию на политическое, интеллектуальное и моральное лидерство в Европе остались в XX веке» [Drake, 2005: 4].

В 2002 г. крайне правый кандидат Жан-Мари Ле Пен, отец нынешнего лидера евроскептического «Национального фронта» Марин Ле Пен, впервые в истории вышел во второй тур президентских выборов во Франции. И хотя он затем потерпел сокрушительное поражение от Жака Ширака (18 против 82%)³, победой евроскептиков можно назвать уже сам факт выхода их кандидата в финальный тур голосования.

В том же году другой француз, экс-президент Валери Жискар д'Эстен, возглавил Конвент по написанию первой общеевропейской Конституции. Если бы она была принята, то Евросоюз перешел бы на новый этап своего развития. Однако эту идею в конечном итоге «похоронили» Франция и Нидерланды, население которых в 2005 г. на референдумах высказалось против такого документа. По мнению аналитиков, французов и голландцев напугала чрезмерная централизация власти в Брюсселе⁴. Проект Конституции предусматривал наделение Евросоюза государственными атрибутами – гимном и флагом, а также передачу дополнительных полномочий Еврокомиссии и Европарламенту и создание Европейского министерства иностранных дел. Большинство граждан обеих стран решили, что эти меры поспешны и нежелательны, и европейская интеграция снова зашла в тупик.

³ Mcnicoll T. French election history: Jean-Marie Le Pen's 'thunderclap' shocker 15 years on // France 24. 21.04.2017. Available at: <https://www.france24.com/en/20170420-france-presidential-history-looking-back-jean-marie-le-pen-thunderclap-election-shocker> (accessed: 12.04.2018).

⁴ Таубе Ф., Филимонов М. Палки в колеса ЕС вставляют не только британцы // Deutsche Welle. 01.07.2016. Доступ: <http://www.dw.com/ru/%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B8-%D0%B2-%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%81%D0%B0-%D0%B5%D1%81-%D0%B2%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%B%D1%8F%D1%8E%D1%82-%D0%BD%D0%B5-%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE-%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%8B/a-19369410> (дата обращения: 15.10.2017).

В 2014 г. прошли исторические выборы в Европейский парламент, итоги которых политологи окрестили «политическим цунами»⁵, поскольку сразу в двух ключевых странах – членах ЕС, Великобритании и Франции, победу одержали жесткие евроскептики, призывавшие к выходу из состава Евросоюза⁶.

В 2015 г. опрос, проведенный Фондом Фридриха Эберта, показал: лишь 23% французов считают, что положительные стороны членства в ЕС перевешивают его недостатки⁷. Правда, в 2017 г. таких было уже 35%, однако это все равно меньше, чем в Испании (59%) или Германии (64%)⁸.

После референдума по «Брекзиту» в Великобритании 49% французов заявили, что хотели бы провести аналогичный референдум о себе⁹.

В первом туре президентских выборов во Франции в 2017 г. из 11 кандидатов на высший пост в стране сразу семеро высказывали в той или иной степени евроскептические настроения: М. Ле Пен, Н. Дюпон-Эньян, Ф. Асселино и Ж. Шемаинад справа и Ж.-Л. Меланшон, Ф. Путу и Н. Арто слева [Тимофеев, 2017: 65]. В совокупности они набрали около 48% голосов, т.е. почти половину. При этом четыре из пяти ведущих кандидатов (Ф. Фийон, М. Ле Пен, Ж.-Л. Меланшон и Б. Амон) в 1992 г. не проголосовали за ратификацию Маастрихтского соглашения¹⁰. И хотя в итоге победу на выборах одержал ярый евроэнтузиаст и сторонник дальнейшего углубления евроинтеграции Э. Макрон, французский евроскептицизм не ушел со сцены и еще не раз даст о себе знать в будущем.

Таким образом, становится очевидно, что евроскептицизм зародился во Франции задолго до 2005 г., когда на референдуме жители Пятой республики отвергли общеевропейскую Конституцию. Он ведет свое начало с 1950-х годов, т.е. с самых первых дней ев-

⁵ Poirier A. France shaken by Le Pen 'earthquake' // CNN. 26.05.2014. Available at: <http://edition.cnn.com/2014/05/26/opinion/le-pen-earthquake/index.html> (accessed: 15.10.2017).

⁶ Elections européennes: Les résultats dans chaque pays // Le Monde. 25.05.2014. Available at: https://lemonde.fr/europeennes-2014/article/2014/05/25/les-premier-projections-pays-par-pays_4425475_4350146.html (accessed: 12.04.2018).

⁷ Brechenmacher V. Forget Brexit, citizens ♥ EU: Survey // Politico.eu. 18.08.2017. Available at: <http://www.politico.eu/article/forget-brexit-citizens-♥-eu-survey/> (accessed: 15.10.2017).

⁸ Ibidem.

⁹ Pellegrin Ch. Do French voters want a Frexit referendum? // France24.com 20.04.2017. Available at: <https://www.france24.com/en/20170420-presidential-election-EU-referendum-frexit-lepen-macron> (accessed: 12.04.2018).

¹⁰ Piet R. Why the French elections will change the face of Europe // Aljazeera. 07.03.2017. Available at: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2017/03/french-elections-change-face-europe-170307080719169.html> (accessed: 15.10.2017).

ропейской интеграции, когда Национальное собрание отклонило идею создания ЕОС и ЕПС. Затем евроскептицизм был подхвачен вновь избранным президентом Шарлем де Голлем, который не желал усиливать наднациональные структуры. Эти факты заставляют усомниться в распространенном утверждении, что до 1992 г. в Европейских сообществах существовал «благожелательный консенсус», при котором элиты активно продвигали идею евроинтеграции при пассивном согласии населения. Пример Франции (и позднее – тэтчеровской Великобритании) показал, что не во всех странах – членах Европейских сообществ политический класс безоговорочно поддерживал курс на централизацию власти в наднациональных институтах, расположенных в Брюсселе.

Очевидно также, что евроскептицизм имеет широкую поддержку в разных слоях населения во Франции. Так, у него много сторонников не только среди рядовых граждан Пятой республики, доказавших это на выборах и референдумах, но и среди французских политических элит. Последние всегда были расколоты по вопросу о европейской интеграции. Таким образом, европейский проект сложно назвать «заговором элит» или «объединением сверху», поскольку сами представители французского политического истеблишмента не до конца определились, чего именно они хотят от участия Пятой республики в ЕС.

Обращает на себя внимание и тот факт, что на выборах в Европарламент в 2014 г. лишь в двух странах победу одержали жесткие евроскептики, которые выступают за полный выход своих стран из ЕС. Великобритания спустя два года провела референдум по «Брекзиту» и уже объявила о том, что в 2019 г. покинет Евросоюз. Возможно ли повторение подобных событий в Пятой республике – вопрос пока открытый, но одно ясно: евроскептицизм пользуется во Франции широкой поддержкой, а потому не стоит исключать повторения британских событий и по эту сторону Ла Манша.

* * *

Главным противником евроинтеграции во Франции считается крайне правая партия «Национальный фронт», которая всегда пользовалась поддержкой немалой части избирателей, а в последнее время еще больше усилила свои позиции.

«Национальный фронт» был основан в 1972 г. отставными французскими военными¹¹. Ее бессменный лидер с 1972 до 2011 г. Жан-Мари Ле Пен воевал в Алжире и мечтал о возрождении Фран-

¹¹ Front National (1971–2017) // Le Temps. Available at: <https://www.letemps.ch/monde/front-national-19712017> (accessed: 12.04.2018).

цией своего былого величия. Партию нередко обвиняли в неофашизме. Так, ее представители положительно высказывались о прогерманском режиме Виши в годы Второй мировой войны, а лидер партии Ле Пен не раз заявлял о том, что «газовые камеры – деталь истории»¹².

«Национальный фронт» изначально относился к процессу европейской интеграции достаточно сдержанно. Например, лепеновцы воздержались при ратификации Единого европейского акта в 1986 г. [Declair, 1999: 80], который предусматривал завершение строительства Единого европейского рынка к 1992 г. Что касается Маастрихтского соглашения, то они уже голосовали однозначно против, поскольку противились передаче государственного суверенитета наднациональным органам власти. Ж.-М. Ле Пен охарактеризовал ратификацию этого документа как «конец Франции, французского народа, его языка и культуры» [Hainsworth et al., 2004: 46]. Он жестко критиковал присоединение Франции к еврозоне и на волне роста популярности евроскептицизма даже вышел во второй тур президентских выборов в 2002 г.

В 2011 г. председательство в партии перешло к Марин Ле Пен. Новый лидер решила отойти от прежней жесткой линии (в 2015 г. ее отца даже исключили из партии¹³) и постаралась смягчить партийную программу. В «Национальном фронте» по-прежнему критикуют мультикультурализм, участие Парижа в Шенгенской зоне и выступают против исламизации Франции, однако члены партии уже не допускают расистских или антисемитских высказываний¹⁴. М. Ле Пен предлагает вернуться к национальной валюте, выйти из НАТО, провести референдум о выходе из состава Евросоюза, существенно сократить выплату социальных пособий иммигрантам и ужесточить право на получение французского гражданства¹⁵. Во

¹² Серветтаз Е. Жан-Мари Ле Пен снова договорился до штрафов // Deutsche Welle. 07.04.2016. Доступ: <http://www.dw.com/ru/%D0%B6%D0%B0%D0%BD-%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%B8-%D0%BB%D0%B5-%D0%BF%D0%B5%D0%BD-%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BB%D1%81%D1%8F-%D0%B4%D0%BE-%D1%88%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%BE%D0%B2/a-19171320> (дата обращения: 15.10.2017).

¹³ Жан-Мари Ле Пена исключили из «Национального фронта» // BBC. 20.08.2015. Доступ: http://www.bbc.com/russian/international/2015/08/150820_france_le_pen_party_exclusion (дата обращения: 16.10.2017).

¹⁴ Юрий Рубинский: Франция устала от коррупционных скандалов и готова поверить «Национальному фронту» Ле Пен // Pravda.ru. 02.06.2014. Доступ: <https://www.pravda.ru/news/expert/02-06-2014/1210565-rubimskiy-0/> (дата обращения: 16.10.2017).

¹⁵ Хассельбах К., Ёлкина А. «Национальный фронт» и АдГ: сестры, кузины или чужаки? // Deutsche Welle. 17.09.2016. Доступ: <http://www.dw.com/ru/%D0%BD%D0%BC-%D0%B0%D1%80%D0%B8-%D0%BB%D0%B5-%D0%BF%D0%B5%D0%BD-%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BB%D1%81%D1%8F-%D0%B4%D0%BE-%D1%88%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%BE%D0%B2/a-19171320>

внешней политике «Национальный фронт» предлагает ориентироваться на Россию и выступает за скорейшую отмену антироссийских санкций и признание Крыма частью РФ¹⁶.

Для «Национального фронта» христианство – это фундамент французской нации, ее культуры и идентичности [Hainsworth, 2008: 91]. При этом французские крайне правые рассматривают мир сквозь призму «столкновения цивилизаций», где ислам находится в состоянии войны с западными сообществами [Хантингтон, 2017]. Главная опасность для Франции, по мнению членов «Национального фронта», заключается в растущей иммиграции из мусульманских стран, с которой связывается угроза подрыва национальной самобытности и усиления террористической опасности. Во время теледебатов М. Ле Пен назвала Францию «университетом для джихадистов»¹⁷. По мнению лидера «Национального фронта», терпимость и политкорректность несут угрозу Пятой республике, поскольку мультикультурное общество всегда будет «мультиконфликтным»¹⁸.

Как подчеркивают в «Национальном фронте», исламизация Франции – прямое следствие членства страны в Европейском союзе. Французские крайне правые связывают завоевание исламом прочных позиций на Западе с открытыми границами¹⁹ и толерантностью²⁰, которые являются абсолютными ценностями для Брюсселя.

0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%BD%D1%82-%D0%B8-%D0%B0%D0%B4%D0%B3-%D1%81%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%80%D1%8B-%D0%BA%D1%83%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D1%8B-%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D1%87%D1%83%D0%B6%D0%B0%D0%BA%D0%B8/a-19557176 (дата обращения: 16.10.2017).

¹⁶ Embargo russe: Comme prévu, les sanctions européennes ont sacrifié notre agriculture! // Rassemblementnational.fr Available at: <https://www.rassemblementnational.fr/communiqués/embargo-russe-comme-prevu-les-sanctions-europeennes-ont-sacrifie-notre-agriculture/> (accessed: 12.04.2018); Motet L. Visites, financement: le Front national et la Russie, une idylle qui dure // Le Monde. 18.11.2016 Available at: https://lemonde.fr/les-decodeurs/article/2016/11/18/le-front-national-et-la-russie-une-idylle-qui-dure_5033857_4355770.html (accessed: 12.04.2018).

¹⁷ 2nd French Presidential debate highlights (English subtitles) 2017 Presidential election Emmanuel Macron [Video] // Youtube.com. 21.04.2017. Moment – 5:41. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=0vagIa371V4> (accessed: 16.10.2017).

¹⁸ Viscusi G. Le Pen calls multiculturalism a weapon for Islamic extremists // Bloomberg. 10.04.2017. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-04-10/le-pen-calls-multiculturalism-a-weapon-for-islamic-extremists> (accessed 15.10.2017).

¹⁹ Schengen: Les Français veulent des Frontières! // Frontnational.com. 01.04.2016. Available at: <http://www.frontnational.com/2016/04/schengen-les-francais-veulent-des-frontieres/> (accessed: 01.01.2018).

²⁰ Rachline D. Menton comme Lampedusa ont enterré Schengen, rétablissons nos frontières! // Rassemblementnational.fr. 09.08.2016 Available at: <https://www.rassemblementnational.fr/communiqués/menton-comme-lampedusa-ont-enterrer-schengen-retablissons-nos-frontieres/> (accessed: 12.04.2018).

Политику «открытых дверей» М. Ле Пен называет не иначе как «ежедневной катастрофой»²¹ и неоднократно подвергала критике квоты по приему беженцев, которые, по ее словам, навязала Франции Ангела Меркель²². В «Национальном фронте» в свое время также крайне негативно отнеслись к тому, что в финальный текст общеевропейской Конституции не было внесено упоминание о христианских ценностях, поскольку это звучало неполиткорректно и могло оскорбить европейских мусульман [Фролов, 2007].

Однако французские крайне правые призывают к защите не только национальной, но и европейской идентичности. Партия демонстрирует «сильную привязанность к идее общей европейской цивилизации» и выступает за «французскую Францию в европейской Европе» [Davies, 1999: 23]. Как это ни парадоксально, но, по мнению сторонников «Национального фронта», именно они являются настоящими евроэнтузиастами, в то время как чиновники в европейских институтах поддерживают проект, который только губит истинную Европу²³.

Представители «Национального фронта» дважды в XXI в. выходили во второй тур президентских выборов во Франции: в 2002 г. это удалось сделать основателю партии Жан-Мари Ле Пену, а в 2017 г. — его дочери, Марин Ле Пен. Оба раза кандидаты выступали с резкой критикой Брюсселя, членства Франции в еврозоне и глобализации в целом. Однако если в 2002 г. представитель «Национального фронта» проиграл с большим отрывом правоцентристу Жаку Шираку, то спустя 15 лет Марин Ле Пен удалось заручиться поддержкой вдвое большего количества избирателей. Ее результат — 34 против 66%, или 10,6 против 20 млн голосов за Э. Макрона²⁴. Очевидно, что «Национальный фронт» прекратил быть маргинальной силой и существенно расширил свою электоральную базу.

В последнее время с евроскептицизмом стала активно заигрывать и другая французская партия — правоцентристское движение «Республиканцы», основанное Николя Саркози. Представители пар-

²¹ Ле Пен назвала миграционную политику Меркель «ежедневной катастрофой» // Rosbalt.ru. 21.01.2017. Доступ: www.rosbalt.ru/world/2017/01/21/1585104.html (дата обращения: 01.01.2018).

²² France's National Front taps into rising anti-immigrant mood // Financial Times. 06.09.2015. Available at: <https://www.ft.com/content/62131206-5473-11e5-8642-453585f2cfcf> (accessed: 01.01.2018).

²³ Неменский О.Б. Европейские крайне-правые на фоне миграционной лавины // РИСИ. 16.12.2015. Доступ: <https://riss.ru/smi/24365/> (дата обращения: 01.01.2018).

²⁴ МВД Франции огласило результаты президентских выборов // РБК. 08.05.2017. Доступ: <http://www.rbc.ru/politics/08/05/2017/590fb8e09a7947351c84ee6d> (дата обращения: 16.10.2017).

тии высказываются за возврат пограничного контроля, реформу Шенгенского соглашения и пересмотр существующих договоров ЕС²⁵. Они считают, что во Франции должно быть «больше Франции», полномочия Еврокомиссии следует урезать, а национальные парламенты должны иметь право накладывать вето на законы, которые принимаются в Брюсселе²⁶. Кандидат в президенты от «Республиканцев» в 2017 г. и экс-премьер Франсуа Фийон в свое время голосовал против ратификации Маастрихтского соглашения и обещал сопротивляться дальнейшей централизации власти в наднациональных институтах²⁷. Он заявлял, что хочет «ограниченной Европы», но при этом не высказывался за выход Франции из еврозоны, поскольку считал, что это вызовет хаос²⁸. Отказ от выхода из ЕС позволяет зачислить его и партию «Республиканцы» в ряды «умеренных» евроскептиков.

Тем не менее по ряду ключевых вопросов Ф. Фийон и его сторонники очень похожи на «Национальный фронт» или же стали перенимать риторику М. Ле Пен. Например, бывший министр-республиканец Пьер Лелуш раскритиковал Шенгенскую зону, заявив, что свобода передвижения граждан превратилась в «свободу передвижения террористов»²⁹. Ф. Фийон считает, что разговоры о едином европейском народе — это скорее фантазия, чем реальность, а Брюссель, по его словам, отнимает определенные свободы у французов³⁰. Примечательно, что немецкие «умеренные» евроскептики из «Альтернативы для Германии» на президентских выборах во Франции поддержали именно Ф. Фийона, а не М. Ле Пен. Лидер немец-

²⁵ Robert A. Brexit stirs up Euroscepticism in the French right // Euractiv.com. 16.06.2016. Available at: <https://www.euractiv.com/section/uk-europe/news/brexit-stirs-up-euroscepticism-in-the-french-right/> (accessed: 16.10.2017).

²⁶ Vinocur N. The French Right's plan to save Europe: More France // Politico.eu. 04.07.2016. Available at: <http://www.politico.eu/article/the-french-rights-plan-to-save-europe-more-france-brexit-breakup-leave-eu-nicolas-sarkozy-les-republicains/> (accessed: 16.10.2017).

²⁷ Chassany A.-S. Rightwing hopeful eyes shock tactics to lift France // Financial Times. 07.11.2017. Available at: <https://www.ft.com/content/b00e89c4-a196-11e6-891e-abe238dee8e2?mhq5j=e5> (accessed: 16.10.2017).

²⁸ 1st French Presidential Election Debate Highlights (English subtitles) 12 of 16 // Youtube.com. 04.04.2017. Moment — 0:29. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=vZXXMcOb9Y&list=PL0GdU5Sq1CwiH7q8JX4SmRY-EDrVyUL3g&index=17> (accessed: 16.10.2017).

²⁹ Castle S., Smale A. Attack in France fuels anti-immigrant parties on Europe's right // NYT. 16.07.2016. Available at: <https://www.nytimes.com/2016/07/17/world/europe/attack-in-france-fuels-anti-immigrant-parties-on-europes-right.html> (accessed: 02.01.2018).

³⁰ Briancon P. François Fillon at pains to stand apart on Europe // Politico.eu. 06.04.2017. Available at: <http://www.politico.eu/article/francois-fillon-at-pains-to-stand-apart-on-europe/> (accessed: 16.10.2017).

ких евроскептиков А. Гауланд сказал, что разделяет консервативные взгляды французского экс-премьера, а также его стремление развивать ЕС на основе уважения к национальному суверенитету³¹.

После провала Ф. Фийона на президентских выборах 2017 г. партия «Республиканцы» продолжает все больше уходить вправо: ее новый председатель Лоран Вокье высказался о том, что Еврокомиссию следует распустить³², а вместо укрепления общих институтов на федералистских началах Европа нуждается в сотрудничестве национальных государств³³.

Наконец, стоит упомянуть еще одну евроскептическую силу во Франции – крайне левую партию «Непокоренная Франция» под руководством Жан-Люка Меланшона. В эпоху, когда в Европе растет влияние правых евроскептиков, Ж.-Л. Меланшон выделяется тем, что является влиятельным представителем крайне левого евроскептического движения: он критикует евробюрократов за оторванность от простого народа и защиту интересов крупных капиталов³⁴. Если М. Ле Пен считает, что Евросоюз несет угрозу суверенитету и национальной идентичности европейских народов, то для Ж.-Л. Меланшона ЕС – это в первую очередь организация, которая действует в интересах богатых в ущерб бедным³⁵. Такого сильного левого евроскептического движения нет больше нигде в Европе, не считая Грецию («СИРИЗА») и Испанию («Подemos»). Правда, там крайне левые партии нельзя назвать евроскептическими в полном смысле этого слова, поскольку они в целом поддерживают членство своей страны в Евросоюзе, но хотят прекратить меры экономии, навязываемые Брюсселем³⁶. В Пятой же республике движение «Непокоренная Франция» выступает против

³¹ Немецкие евроскептики считают Фийона большим единомышленником, чем Ле Пен // ТАСС. 04.12.2016. Доступ: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3839109> (дата обращения: 16.10.2017).

³² Vaume M., Vinocur N. France's conservative 'bad boy' ready to take on Macron // Politico.eu. 11.12.2017. Available at: <https://www.politico.eu/article/laurent-wauquiez-france-conservative-bad-boy-ready-to-take-on-emmanuel-macron/> (accessed: 02.01.2018).

³³ Чихачев А. После провала: Лоран Вокье во главе «Республиканцев» // РСМД. 14.12.2017. Доступ: <http://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/posle-provala-loran-voke-vo-glave-respublikantsev/> (дата обращения: 02.01.2018).

³⁴ Чем известен Жан-Люк Меланшон, кандидат в президенты Франции? // Аргументы и факты. 05.04.2017. Доступ: http://www.aif.ru/dontknows/file/chem_izvesten_zhan-lyuk_melanshon_kandidat_v_prezidenty_francii (дата обращения: 16.10.2017).

³⁵ Siegel J. In French election, the far left and right target EU as common enemy // Dailysignal.com. 19.04.2017. Available at: <http://dailysignal.com/2017/04/19/in-french-election-the-far-left-and-right-target-eu-as-common-enemy/> (accessed: 03.01.2018).

³⁶ Валлерстайн И. Протест против мейнстримных партий // Rabkor.ru. 19.06.2015. Доступ: <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2015/06/19/protests-against-mainstream-politics/> (дата обращения: 15.10.2017).

всех основополагающих договоров ЕС и не исключает полного выхода из него³⁷.

Ж.-Л. Меланшон считает Евросоюз инструментом в руках сторонников глобализации для обогащения крупных компаний и банков³⁸. По его мнению, евробюрократы не действуют в интересах простого народа и именно Брюссель повинен в слабом экономическом росте и высокой безработице в странах – членах ЕС³⁹. Лидер французских левых считает недопустимым, чтобы Брюссель указывал Парижу, какие социальные и экономические преобразования тот должен проводить. Решение большинства проблем политик видит в укреплении суверенитета (в первую очередь, однако, для защиты не национальной идентичности, а интересов простого народа) и протекционизме. Другими словами, лидер «Непокоренной Франции» поддерживает пересмотр отношений с Евросоюзом вплоть до возможного выхода из ЕС и еврозоны⁴⁰. Более того, он предложил распустить Европейский центральный банк и вернуть независимость Банку Франции⁴¹.

Несмотря на то что о Ж.-Л. Меланшоне активно заговорили лишь в 2017 г., его евроскептицизм проявился давно. В 2005 г. он, будучи членом Социалистической партии, открыто выступил против ратификации общеевропейской Конституции⁴², позднее подверг жесткой критике Лиссабонское соглашение 2007 г., которое назвал «незаконным», и предложил «освободить Европу от Лиссабона» в пользу нового договора, в котором бы делался акцент на национальном суверенитете⁴³. На президентских выборах 2012 г. Ж.-Л. Меланшон выступил против ЕС, назвав его «ультралиберальной конструкцией», а также высказался против передачи новых

³⁷ Меланшон призвал к выходу Франции из ЕС // ИА REGNUM. 05.04.2017. Доступ: <https://regnum.ru/news/2258959.html> (дата обращения: 15.10.2017).

³⁸ Siegel J. In French election, the far left and right target EU as common enemy // DailySignal.com. 19.04.2017. Available at: <http://dailysignal.com/2017/04/19/in-french-election-the-far-left-and-right-target-eu-as-common-enemy/> (accessed: 03.01.2018).

³⁹ Soyez P. The two faces of French populism // Aspistrategist.org. 20.04.2017. Available at: <https://www.aspistrategist.org.au/two-faces-french-populism/> (accessed: 03.01.2018).

⁴⁰ Pellegrin Ch. Do French voters want a Frexit referendum? // France24.com 20.04.2017. Available at: <https://www.france24.com/en/20170420-presidential-election-EU-referendum-frexit-lepen-macron> (accessed: 12.04.2018).

⁴¹ Factbox: Jean-Luc Melenchon's presidential election policies // Reuters. 14.04.2018. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-france-election-programme-melenchon-f/factbox-jean-luc-melenchons-presidential-election-policies-idUSKBN17G1A2> (accessed: 05.05.2018).

⁴² Меланшон призвал к выходу Франции из ЕС // ИА REGNUM. 05.04.2017. Доступ: <https://regnum.ru/news/2258959.html> (дата обращения: 15.10.2017).

⁴³ Jean-Luc Mélenchon: For a European revolution // Euractiv.com. 19.04.2012. Available at: <https://www.euractiv.com/section/elections/news/jean-luc-melenchon-for-a-european-revolution/> (accessed: 02.01.2018).

полномочий в Брюссель, поскольку это, по его мнению, подрывает основы демократии⁴⁴. В 2017 г. партия «Непокоренная Франция» вынесла на рассмотрение в Национальном собрании вопрос о снятии флагов Евросоюза со здания парламента в Париже⁴⁵.

Идеи Ж.-Л. Меланшона нашли живой отклик у миллионов французов и заставили экспертов заговорить о феномене левого евроскептицизма.

Таким образом, для современной Франции характерны усиление роли крайне правых и крайне левых евроскептиков из «Национального фронта» и «Непокоренной Франции» соответственно, а также укрепление позиций евроскептиков внутри традиционной правоцентристской партии «Республиканцы». В целом евроскептицизм играет все более важную роль в обществе и постепенно меняет политический ландшафт Пятой республики.

Обращают на себя внимание также поляризованность французского общества и тяга к внесистемным кандидатам. Если говорить о президентских выборах 2017 г., то крайне левый политик Ж.-Л. Меланшон и крайне правый лидер «Национального фронта» М. Ле Пен собрали примерно одинаковое количество голосов – 19 и 21% соответственно. Другими словами, кандидаты, которые предлагали выход из еврозоны, пересмотр отношений с ЕС и НАТО, а также обещали бороться с издержками глобализации, едва не получили голоса почти половины французского электората. В стране сформировался запрос на нестандартные решения проблем, которые предлагали внесистемные политики, а традиционные партии вынуждены бороться за выживание⁴⁶. Исследователи указывают на «кризис мейнстрима», который вызывает к жизни новые формы альтернативной политики [Сергеев и др., 2017].

Наибольший интерес представляет рост влияния крайне левых евроскептиков, поскольку это вступает в противоречие с устоявшейся точкой зрения о неразрывной связи евроскептицизма и национализма. Ж.-Л. Меланшон показал, что у евроскептицизма есть другая сторона – не ксенофобия и нетерпимость к другим, а позитивная повестка – защита прав (в первую очередь социальных) всех граждан Франции независимо от их происхождения и вероисповедания.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Gutteridge N. Tear it down: Left-wing French MPs lead backlash against EU with demand flag is REMOVED // Express.co.uk. 05.10.2017. Available at: <https://www.express.co.uk/news/politics/862752/European-Union-French-MPs-bid-remove-EU-flag-parliament> (accessed: 03.01.2018).

⁴⁶ Briancon P. France's two big parties face long-term decline // Politico.eu. 20.04.2017. Available at: <http://www.politico.eu/article/frances-two-big-parties-face-decline-conservatives-socialists/> (accessed: 16.10.2017).

По мнению В.И. Якунина, поддержка евроскептических партий непосредственно связана с уровнем экономического благосостояния той или иной социальной группы [Якунин, 2017]. Во Франции на евроскептические настроения влияют безработица и низкие темпы экономического роста [Васина, 2017]. В связи с этим М.О. Шибкова выделяет «экономический и социальный евроскептицизм» [Шибкова, 2016], когда недовольство своим материальным положением выливается в протест против европейских институтов, которые в глазах населения оказываются неспособными улучшить состояние экономики.

Пример Франции уникален тем, что в ней сосуществуют два вида евроскептицизма: один основан на страхе утратить национальную культуру и идентичность, второй направлен против наднациональных институтов, которые не способны предоставить равные социальные и экономические возможности всем гражданам Пятой республики.

* * *

Результаты референдума по «Брекзиту» стали полной неожиданностью для большинства экспертов. Однако очень скоро, в особенности после победы Э. Макрона на президентских выборах во Франции, в Брюсселе решили, что произошедшее в Великобритании — это аномалия, которая не является общеевропейским трендом⁴⁷.

Данная статья призвана поставить под сомнение обоснованность подобной точки зрения. Как было показано, не только Великобритания, но и Франция, которую многие в ЕС считают одним из ключевых членов сообщества, на самом деле способна в ближайшие годы стать главной проблемой для евроэнтузиастов. Евроскептики и националисты перестали быть маргиналами во Франции и в 2017 г. только укрепили свои позиции. Марин Ле Пен, хоть и проиграла президентские выборы, получила в два раза больше голосов, чем ее отец во втором туре в 2002 г. Следовательно, за последние 15 лет французские евроскептики существенно расширили свою электоральную базу и потенциально могут получить еще больше голосов, если причины евроскептицизма не будут устранены.

Традиционные партии стремительно теряют популярность среди французского населения. Их активно вытесняют внесистемные дви-

⁴⁷ Eder F. Tajani: Rise of populism ended in Paris (and Amsterdam and...) // Politico. eu. 08.05.2017. Available at: <http://www.politico.eu/article/tajani-rise-of-populism-ended-in-paris-and-amsterdam-and/> (accessed: 16.10.2017).

жения и политики, такие как М. Ле Пен («Национальный фронт») и Ж.-Л. Меланшон («Непокоренная Франция»). Оба являются евроскептиками и предлагают покинуть Евросоюз. Однако если М. Ле Пен видит в ЕС силу, способную подорвать или даже уничтожить французскую национальную идентичность, то для Ж.-Л. Меланшона он представляет собой элитный клуб для богатых, которые хотят стать еще богаче в ущерб простому населению.

При этом традиционные партии вынуждены реагировать на вызовы со стороны внесистемных политиков и постепенно эволюционируют. Например, правоцентристское движение «Республиканцы» все больше уходит вправо и тем самым повторяет судьбу Консервативной партии Великобритании, которая в свое время подверглась двойному давлению — со стороны евроскептиков в своих рядах и крайне правой Партии независимости Соединенного Королевства, одержавшей впечатляющую победу на выборах в Европарламент в 2014 г.⁴⁸ Британский премьер-консерватор Дэвид Кэмерон был вынужден реагировать и потому объявил о проведении референдума по «Брекзиту». Ситуация начинает повторяться во Франции: «Республиканцы» все больше уходят вправо под давлением «Национального фронта», который также одержал победу на выборах в Европарламент в 2014 г. и в связи с ростом влияния сторонников жесткой линии внутри партии. Тема критики Евросоюза и возврата национального суверенитета в риторике французских республиканцев всплывает все чаще, и хотя пока они выступают с умеренной критикой ЕС (так же поступал в свое время британский премьер-министр Д. Кэмерон), нельзя исключать ужесточения их позиции в ближайшие годы.

Евроскептицизм стал крупной силой, с которой приходится считаться любому французскому президенту. Евроэнтузиаст Э. Макрон уже признал всю тяжесть ответственности, которая лежит на нем: он заявил, что если ему не удастся реформировать Евросоюз, то «Фрекзит» неизбежен⁴⁹. Выступая в Сорбонне в сентябре 2017 г., французский президент предложил амбициозный план по укреплению ЕС: создание общеевропейской армии, отдельного бюджета и парламента для членов еврозоны, а также общеевропейского агент-

⁴⁸ UKIP wins European elections with ease to set off political earthquake // The Guardian. 26.05.2014. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2014/may/26/ukip-european-elections-political-earthquake> (accessed: 02.01.2018).

⁴⁹ Gutteridge N., Pallenberg M. France TURNS on Brussels as Europhile Emmanuel Macron orders EU to REFORM or face Frexit // Express. 02.05.2017. Available at: <http://www.express.co.uk/news/politics/798789/French-election-Emmanuel-Macron-EU-reform-Frexit> (accessed: 16.10.2017).

ства по делам беженцев⁵⁰. Однако если Э. Макрон не сумеет убедить французский электорат в преимуществах членства страны в ЕС, то уже в 2022 г. Францию может возглавить либо «мадам президент», либо евроскептик-республиканец Л. Вокье, либо ультралевый евроскептик Ж.-Л. Меланшон. Таким образом, в случае провала плана Э. Макрона евроинтеграции будет нанесен серьезный, может быть, даже смертельный удар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бышок С. Новая Европа Владимира Путина. Уроки Запада для России. М.: Книжный мир, 2017.
2. Вайнштейн Г.И. Евроскептицизм: новый фактор европейской политики // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8. С. 40–48.
3. Васина М.В. Французский евроскептицизм: современные процессы и динамика // Filo Ariadne. 2017. № 2. Доступ: www.filoariadne.esrae.ru/8-146 (дата обращения: 16.10.2017).
4. Европейская интеграция / Под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011.
5. Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е. Политика «мейнстрима» и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к «невозможной политике»? // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 8–29.
6. Тимофеев П.П. Французский евроскептицизм: история и современность // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (1). С. 53–68.
7. Фишман Л.Г. Популизм – это надолго // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 55–70.
8. Фролов Д.С. Конституция ЕС: как организация интеграции не состоялась // Проблемы европейской интеграции: правовой и культурологический аспекты: Сборник научных статей / Под ред. В.В. Пылина, А.В. Чекулина. СПб.: РГПУ им. Герцена, 2007.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2017.
10. Шибкова М.О. Современный евроскептицизм как вызов европейской солидарности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6 (51). С. 31–41.
11. Якунин В.И. Феномен евроскептицизма в контексте электоральных процессов современной Европы // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 106–121.

⁵⁰ Филатова И. Макрон предложил создать единую армию ЕС к 2020 году // Deutsche Welle. 26.09.2017. Доступ: <http://www.dw.com/ru/%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%BD-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B8%D0%BB-%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%8C-%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D1%83%D1%8E-%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B8%D1%8E-%D0%B5%D1%81-%D0%BA-2020-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83/a-40696470> (дата обращения: 04.01.2018).

12. Buchanan T. *Europe's troubled peace: 1945 to present*. 2nd ed. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2012.
13. Davies P. *The National Front in France*. London: Routledge, 1999.
14. Declair E. *Politics on the fringe: The people, policies, and organizations of the French National Front*. Durham, N.C.: Duke University Press, 1999.
15. Drake H. *French relations with the European Union*. London: Routledge, 2005.
16. Givens T.E. *Voting radical right in Western Europe*. New York: Cambridge University Press, 2005.
17. Hainsworth P. *The extreme right in Western Europe*. London: Routledge, 2008.
18. Hainsworth P., O'Brien C., Mitchell P. *Defending the nation: The politics of Euroscepticism on the French right // Euroscepticism: Party politics, national identity, and European integration*. Amsterdam: Rodopi, 2004. P. 37–58.
19. Hix S. *The political system of the European Union*. Basingtoke: Macmillan, 1999.
20. Hoffmann S. *Obstinate or obsolete? France, European integration, and the fate of the nation-state // Euroscepticism: A reader / Ed. by R. Tiersky*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. P. 35–72.
21. Joffe J. *The euro: The engine that couldn't // Euroscepticism: A reader / Ed. by R. Tiersky*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. P. 245–255.
22. Jones A. *Britain and the European Union*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
23. Kuhn T. *Europa ante portas: Border residence, transnational interaction, and Euroscepticism in Germany and France // European Union Politics*. 2011. Vol. 13. Iss. 1. P. 94–117.
24. Leconte C. *Understanding Euroscepticism*. London: Palgrave Macmillan, 2010.
25. Lewis-Beck M.S., Morey D.S. *The French 'petit oui': The Maastricht Treaty and the French voting agenda // The Journal of Interdisciplinary History*. 2007. Vol. 38. No. 1. P. 65–87.
26. Roxburgh A. *Preachers of hate: The rise of the far-right*. London: Gibson Square Books Ltd, 2002.
27. Seldon A., Snowden P. *Cameron at 10. The inside story 2010–2015*. London: William Collins, 2015.
28. Shipman T. *All out war: Brexit and the sinking of Britain's political class*. New York: Harper Collins, 2016.
29. Szczerbiak A., Taggart P. *Conclusion: Opposing Europe? Three patterns of party competition over Europe // Opposing Europe? The comparative party politics of Euroscepticism. Vol. I. Case studies and country surveys / Ed. by A. Szczerbiak, P. Taggart*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 390–405.
30. Topaloff L.K. *Political parties and Euroscepticism*. London: Palgrave Macmillan, 2012.
31. Tsoukalis L. *In defense of Europe: Can European project be saved?* Oxford: Oxford University Press, 2016.

EUROSCEPTICISM IN FRANCE: PAST AND PRESENT

*Saint Petersburg State University
13B Universitetskaya Emb., St Petersburg, 199034*

The United Kingdom European Union membership referendum, victorious for the Brexit supporters, has become one of the most discussed international political events of 2016 and forced policy makers and academics to take a fresh look at prospects of the European integration. In this connection a case of France is of special interest. The author emphasizes that although France was one of the founding members of all European institutions, Paris has always been a difficult partner to Brussels, and Euroscepticism has deep roots in France. The paper examines the genesis and subsequent evolution of the French Euroscepticism and identifies current political positions of the Eurosceptic parties in France. In that context the author emphasizes that Euroscepticism is usually associated with far-right and nationalist political forces but in France it is also represented by left-wing parties. For example, a democratic socialist political party ‘La France Insoumise’, led by Jean-Luc Mélenchon, who won an impressive 18 percent of the votes in the last presidential elections, harshly criticizes Brussel and does not rule out the possibility of France leaving the EU. The paper notes a general trend towards political polarization in the French society, accompanied by strengthening of the non-systemic candidates’ positions. At the same time traditional political parties, such as right-center ‘Les Républicains’, seek to adapt to changing preferences of the French electorate. They adopt certain Eurosceptic slogans and strident rhetoric against the EU. The author notes, that in doing so they follow the road travelled by the Conservative Party of Great Britain, which ended up in the European Union membership referendum. The author concludes that Marine Le Pen’s presidential electoral defeat in 2017 does not imply a defeat of the French Euroscepticism. On the contrary, both Eurosceptics and nationalists ceased to be marginalized and have strengthened their positions. Therefore, the possibility of Marine Le Pen’s assumption of the presidency should not be ruled out.

Keywords: France, Euroscepticism, ‘Front National’, Marine Le Pen, ‘La France Insoumise’, Jean-Luc Mélenchon, ‘Les Républicains’, François Fillon, the European Union, Brexit, permissive consensus.

About the author: *Roman I. Blagoveshchenskii* – PhD Candidate at the School of International Relations, Saint-Petersburg State University (e-mail: roman10.89@mail.ru).

REFERENCES

1. Byshok S. 2017. *Novaya Evropa Vladimira Putina. Uroki Zapada dlya Ros-sii* [New Europe of Vladimir Putin. Lessons of the West for Russia]. Moscow, Knizhnyi mir Publ. (In Russ.)
2. Vainshtein G.I. 2015. Evroskeptizm: Novyi faktor evropeiskoi politiki [Eurosepticism: New factor in European politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 8. (In Russ.)
3. Vasina M.V. 2017. Frantsuzskii evroskeptitsizm: sovremennye protsessy i dinamika [French Eurosepticism: Contemporary dynamics and processes]. *Filo Ariadne*, no. 2. Available at: www.filoariadne.esrae.ru/8-146 (accessed: 16.10.2017). (In Russ.)
4. Butorina O.V. (ed.). 2011. *Evropeiskaya integratsiya* [European integration]. Moscow, Delovaya literatura Publ. (In Russ.)
5. Sergeev V.M., Kazantsev A.A., Petrov K.E. 2017. Politika ‘meinstrima’ i ee al’ternativy v sovremennom zapadnom mire: na puti ot mirovogo ekonomicheskogo krizisa k ‘nevozmozhnoi politike’? [The policy of ‘mainstream’ and its alternatives in the modern Western World: On the way from the world economic crisis to ‘impossible politics?’]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 8–29. (In Russ.)
6. Timofeev P.P. 2017. Frantsuzskii evroskeptitsizm: istoriya i sovremennost’ [French Eurosepticism: History and the present time]. *Kontury global’nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, no. 10 (1), pp. 53–68. (In Russ.)
7. Fishman L.G. 2017. Populizm – eto nadolgo [Populism will be long lasting]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 55–70. (In Russ.)
8. Frolov D.S. 2007. Konstitutsiya ES: kak organizatsiya integratsii ne sostoyalas’ [EU Constitution: How integration failed]. In Pylin V.V., Chechulin A.V. (eds.). *Problemy evropeiskoi integratsii: pravovoi i kul’turologicheskii aspekty* [Problems of the European integration: Legal and cultural aspects]. Saint Petersburg, RGPU Publ. (In Russ.)
9. Huntington S. 1992. *The clash of civilizations?* Washington, D.C., American Enterprise Institute [Russ. ed.: Khantington S. 2017. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow, AST Publ.].
10. Shibkova M.O. 2016. Sovremennyi evroskeptitsizm kak vyzov evropeiskoi solidarnosti [Contemporary Eurosepticism as a challenge to European solidarity]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 6 (51). (In Russ.)
11. Yakunin V.I. 2017. Phenomen evroskeptitsizma v kontekste elektoral’nykh protsessov sovremennoi Evropy [The phenomenon of Eurosepticism in the context of electoral processes in modern Europe]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 106–121. (In Russ.)
12. Buchanan T. 2012. *Europe’s troubled peace: 1945 to present*. 2nd ed. Hoboken, New Jersey, Wiley-Blackwell.
13. Davies P. 1999. *The National Front in France*. London, Routledge.
14. Declair E. 1999. *Politics on the fringe: The people, policies and organizations of the French National Front*. Durham, N.C., Duke University Press.
15. Drake H. 2005. *French relations with the European Union*. London, Routledge.

16. Givens T.E. 2005. *Voting radical right in Western Europe*. New York, Cambridge University Press.
17. Hainsworth P. 2008. *The extreme right in Western Europe*. London, Routledge.
18. Hainsworth P. 2016. The National Front: From ascendancy to fragmentation on the French extreme right. In Hainsworth P. (ed.). *The politics of the extreme right from the margins to the mainstream*. London, Bloomsbury Academic Publ., pp. 18–32.
19. Hainsworth P., O’Brien C., Mitchell P. 2004. Defending the nation: The politics of Euroscepticism on the French Right. In *Euroscepticism: Party politics, national identity, and European integration*. Amsterdam, Rodopi, pp. 37–58.
20. Hix S. 1999. *The political system of the European Union*. Basingtoke, Macmillan Publ.
21. Hoffmann S. 2001. Obstinate or obsolete? France, European integration, and the fate of the nation-state. In Tiersky R. (ed.). *Euroscepticism: A reader*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, pp. 35–72.
22. Joffe J. 2001. The euro: The engine that couldn’t. In Tiersky R. (ed.). *Euroscepticism: A reader*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, pp. 245–255.
23. Jones A. 2007. *Britain and the European Union*. Edinburgh, Edinburgh University Press.
24. Kuhn T. 2011. Europa ante portas: Border residence, transnational interaction, and Euroscepticism in Germany and France. *European Union Politics*, vol. 13, iss. 1, pp. 94–117.
25. Leconte C. 2010. *Understanding Euroscepticism*. London, Palgrave Macmillan.
26. Lewis-Beck M.S., Morey D.S. 2007. The French ‘petit oui’: The Maastricht Treaty and the French voting agenda. *The Journal of Interdisciplinary History*, vol. 38, no. 1, pp. 65–87.
27. Roxburgh A. 2002. *Preachers of hate: The rise of the far-right*. London, Gibson Square Books Ltd.
28. Seldon A., Snowdon P. 2015. *Cameron at 10. The inside story 2010–2015*. London, William Collins.
29. Shipman T. 2016. *All out war: Brexit and the sinking of Britain’s political class*. New York: Harper Collins.
30. Szczerbiak A., Taggart P. 2008. Conclusion: Opposing Europe? Three patterns of party competition over Europe. In Szczerbiak A., Taggart P. (eds.). *Opposing Europe? The comparative party politics of Euroscepticism. Vol. I. Case studies and country surveys*. Oxford, Oxford University Press, pp. 390–405.
31. Topaloff L.K. 2012. *Political parties and Euroscepticism*. London, Palgrave Macmillan.
32. Tsoukalis L. 2016. *In defense of Europe: Can European project be saved?* Oxford, Oxford University Press.

«МЯГКАЯ СИЛА» В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

С.И. Белов*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕРЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Музей Победы, Москва, 121170, ул. Братьев Фонченко, 10

Изучение теоретических и прикладных аспектов феномена «мягкой силы» является в настоящий момент одним из наиболее динамично развивающихся направлений в рамках исследований проблематики силы в международных отношениях. Особое место в этих исследованиях занимают разнообразные индексы и рейтинги, призванные оценить объем и потенциал «мягкой силы» ключевых субъектов мировой политики. Однако объективность и релевантность их методик вызывает много вопросов. Цель данной работы – оценить перспективность использования наиболее распространенных подходов к измерению «мягкой силы». На конкретных примерах подробно рассмотрены достоинства и недостатки социологической и «электоральной» методик, а также технические возможности и ограничения при использовании средств киберметрии для измерения уровня «мягкой силы» того или иного субъекта международных отношений. Автор приходит к выводу, что в настоящий момент ни одна из перечисленных методик в чистом виде не может служить средством достоверной оценки «мягкой силы». Наиболее целесообразным и перспективным представляется комбинирование рейтингового, социологического и киберметрического подходов. При этом интегральную оценку уровня «мягкой силы» следует выводить путем сочетания количественных индексов, отражающих объективные показатели, результатов исследования фокус-групп, экспертных интервью и данных киберметрии, полученных посредством изучения традиционных СМИ и социальных сетей, наиболее «взвешенных», репрезентативных по отношению к общей структуре населения. Подчеркивается, что перечисленные меры могут принести ожидаемый эффект только в случае, если само понятие «мягкая сила» обретет больший уровень конвенциональности и станет доступно для полноценной операционализации. Последнее потребует организации диалога среди представителей экспертного сообщества на международном уровне.

Ключевые слова: теория международных отношений, «мягкая сила», силовой потенциал, рейтинги «мягкой силы», киберметрический анализ, рейтинговые агентства.

* Белов Сергей Игоревич – кандидат исторических наук, Музей Победы, ученый секретарь (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

На протяжении последних 27 лет «мягкая сила» является одним из наиболее популярных направлений исследований среди специалистов по международным отношениям и мировой политике. Повышенное внимание к данной теме со стороны экспертного и академического сообщества вполне объяснимо. Появление атомного оружия стало фактором, серьезно ограничившим возможность ведущих мировых держав использовать военную силу по отношению друг к другу, а процесс глобализации заметно сократил набор инструментов экономического давления на оппонентов. В этом отношении показательна взаимозависимость США и Китая. Их элиты не могут использовать весь потенциал санкционного арсенала: в Китае расположены производственные мощности ключевых американских корпораций, при этом КНР является крупнейшим держателем государственных облигаций США. В частности, после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. страны «Большой семерки» приняли против КНР пакет санкций экономического и политического характера, однако уже год спустя эти ограничения были сняты: как показала практика, в первую очередь они ударили по интересам американского, японского и европейского бизнеса. По этим причинам санкции как инструмент давления теряют универсальный характер. Их использование в полном объеме возможно лишь в отношении ограниченного круга стран при наличии соответствующей политической конъюнктуры.

Как следствие, участники мирополитического процесса были вынуждены в ускоренном темпе осваивать методологию «мягкой силы», а также обучаться сочетать ее с силовыми техниками воздействия в рамках концепции «умной силы». Этот процесс естественным образом привел к росту значимости данного фактора продвижения интересов того или иного актора на международной арене. При этом концепция «мягкой силы» органично вплелась в ряд ключевых политтехнологий, используемых для изменения политической карты мира. В качестве наглядного примера в данном случае могут выступить «цветные революции»: как правило, запуск этой технологии подразумевает наращивание объема «мягкой силы» внешних акторов, участвующих в демонтаже существующего политического режима. Чаще всего «цветным революциям» придается вид «цивилизационного выбора» в пользу определенной модели развития, ассоциируемой с конкретным внешнеполитическим актором (яркий пример – выбор между ориентацией на Россию или на Европу в случае событий на Украине в 2004 и 2013–2014 гг., в Белоруссии – в 2006 г. и т.д.). Однако для реализации такого сценария необходимо обеспечить рост привлекательности определенного

актора-эталона для целевой аудитории — потенциальных участников и сторонников протеста. Решить эту задачу позволяет реализация потенциала «мягкой силы» внешнего интересанта. За счет этого «цветные революции» обретают характер технологии smart power — «умной силы», сочетающей в себе «мягкие» и «жесткие» элементы [Бродовская и др., 2016: 58].

Рост значимости «мягкой силы» спровоцировал повышение интереса к ней, а это в свою очередь породило заинтересованность в диагностике данного явления. Вместе с тем попытки «измерить и исчислить» объем «мягкой силы» различных государств быстро убедили исследователей, что точная оценка данного показателя представляет собой весьма сложную проблему с точки зрения методологии. Результатом этого стало начало дискуссии в академических кругах и среди специалистов-практиков, продолжающейся по сей день.

К настоящему моменту существует широкий круг работ, посвященных различным аспектам «мягкой силы». В частности, А.А. Громыко предложил оригинальную трактовку данного понятия, определив его как средство воздействия, опирающееся на интеллектуальное и культурное наследие предшествующих поколений, моральные ценности и уважение к национальной идентичности и традициям всех без исключения народов мира [Громыко, 2014]. Ю.П. Давыдов обратил внимание на наличие в политике определенных границ, при пересечении которых формально «мягкая сила» трансформируется в «жесткую» (например, когда она используется для политической дестабилизации другого государства) [Давыдов, 2007]. Сходным образом к раскрытию темы подошла Е.П. Панова. Результаты проведенных ею изысканий показали, что на практике использование «мягкой силы» фактически подразумевает принуждение и применение манипулятивных технологий [Панова, 2010]. В свою очередь О.Ф. Русакова и А.В. Бочаров заняли еще более жесткую позицию: по их мнению, «мягкая сила» является одной из концептуальных основ технологии «цветных революций» (наряду со стратегией «управляемого хаоса») [Русакова, Бочаров, 2014].

Согласно позиции П.Б. Паршина концепт «мягкая сила» (в интерпретации Дж. Ная) обладает рядом внутренних противоречий, что порождает две различные его интерпретации. В одном случае «мягкая сила» трактуется как технология, используемая в мировой политике таким образом, что ее применение способствует нанесению потенциально меньшего ущерба объекту использования силы по сравнению с другими («жесткими») инструментами/технологиями. В то же время под «мягкой силой» понимается потенциал воздействия некоторого актора, обусловленный привлекательностью

его модели развития и стремлением приобщиться к его ценностям [Паршин, 2014].

В рамках изучения «мягкой силы» отдельных зарубежных стран следует отметить исследования А.В. Бакиной [Бакина, 2007], М.А. Вахрушевой [Вахрушева, 2017], С.В. Кривожиж [Кривожиж, 2012], К.П. Курылева с соавт. [Курьлев и др., 2017], Е.М. Харитоновой [Харитоновая, 2017], Ю.И. Боковой [Бокова, 2017] и С.В. Чугрова [Чугров, 2015]. Что же касается рассмотрения практики использования «мягкой силы» Россией, то хотелось бы отдельно упомянуть работы А.А. Казанцева и В.Н. Меркушева [Казанцев, Меркушев, 2008], А.И. Смирнова и И.Н. Кохтюлиной [Смирнов, Кохтюлина, 2012], а также Г.Ю. Филимонова [Филимонов, 2010].

Так, оценивая практику применения Россией своей «мягкой силы» на международной арене, А.А. Казанцев и В.Н. Меркушев пришли к выводу о «недоиспользовании» данного ресурса внешней политики. Более того, исследователи настаивают на том, что из-за отсутствия целенаправленной политики применения «мягкой силы» со стороны Кремля происходит постепенное сокращение ее потенциала [Казанцев, Меркушев, 2008]. Эти оценки перекликаются с позицией Г.Ю. Филимонова, который акцентирует внимание на наличии двух обязательных условий разработки и реализации политики «мягкой силы»: адекватной финансовой базы и осознания политической элитой необходимости соответствующих мер. По мнению исследователя, в настоящее время политика «мягкой силы» России лишена обоих этих компонентов [Филимонов, 2010].

В свою очередь А.И. Смирнов и И.Н. Кохтюлина рассматривают практику наращивания и применения «мягкой силы» в качестве одного из элементов информационных войн, настаивая на наличии у соответствующих политических практик деструктивного потенциала. Последнее подразумевает, по мнению авторов, необходимость адекватного реагирования со стороны России и соответственно пересмотра существующих подходов к политике «мягкой силы» [Смирнов, Кохтюлина, 2012].

Из числа зарубежных исследователей следует обратить внимание на работы М. Коуналакиса и А. Симони [Kounalakis, Simonyi, 2011], К. Уайтона [Whiton, 2013], Б.Дж. Маттэн [Mattern, 2005], Й. Фаня [Fan, 2008] и А. Чонга [Chong, 2007], в которых подробно освещены процессы формирования и применения «мягкой силы» различными акторами мировой политики (начиная с США и заканчивая различными исламистскими движениями), а также предложены оригинальные способы и методы классификации соответствующего внешнеполитического инструментария.

В то же время хотелось бы подчеркнуть, что непосредственно к вопросу оценки эффективности механизмов «мягкой силы» обращались достаточно немного исследователей [Леонова, 2017; Харитонова, 2015; Песцов, Бобыло, 2015], и сделанные ими выводы свидетельствуют о наличии серьезных барьеров, затрудняющих диагностику уровня «soft power» того или иного государства. Так, Е.М. Харитонова пришла к заключению, что всем существующим рейтингам «мягкой силы» присуща субъективность: их отличает западноцентричный взгляд на мир, а выводы составителей зачастую обусловлены коммерческим интересом публикующих организаций. Не самым лучшим образом на адекватность оценок экспертов влияет также отсутствие конвенционального понимания предмета исследования: в одних случаях изучается потенциал «soft power», в других – реальный эффект от использования этого ресурса на практике [Харитонова, 2015: 57–58]. О.Г. Леонова также обращает внимание на принципиальную разницу между потенциалом «мягкой силы», представляющим зачастую «вещь в себе», и реализованной политикой, являющейся уже «вещью для других». Столь разное понимание сущности «мягкой силы» сторонниками каждого из подходов обуславливает существенные различия между рейтингами, что закономерно ставит под сомнение релевантность и универсальность сделанных их авторами выводов [Леонова, 2017: 23].

Следует особо отметить вклад в развитие данной темы С.К. Песцова и А.М. Бобыло. В частности, они пришли к выводу, что одни и те же индикаторы, используемые для оценки «мягкой силы» в рамках разных рейтингов, в действительности характеризуют (оценивают) разные аспекты данного концепта. По мнению экспертов, это обстоятельство является следствием того, что содержательная трактовка концепта «мягкая сила» чрезмерно редуцирована [Песцов, Бобыло, 2015].

В этой связи представляется целесообразным в рамках данного исследования обратиться к анализу перспективности использования различных методологических подходов к оценке уровня «мягкой силы» субъектов международных отношений. Методология работы базируется на применении дескриптивного политического анализа, а в качестве теоретической основы выступает концепция «мягкой силы» Дж. Нае.

* * *

Термин «мягкая сила» был введен в научный оборот американским политологом Дж. Наем. Исследуя современные военные и политические конфликты, ученый сделал концептуальный вывод относительно структуры политической силы, разделив ее на два

типа – «жесткую» и «мягкую». Первый основывается на применении насилия или на страхе перед ним, второй – на привлекательности субъекта для окружающих. Реализация «мягкой силы», как считает Дж. Най, возможна при наличии у актора ресурсов трех типов: желанной для внешнего окружения массовой и/или элитарной культуры, системы политических ценностей (политической идеологии) и внешней политики, характеризуемой такими признаками, как легитимность и моральный авторитет [Nye, 1990: 167; 2011: 90–94]. Впоследствии эта триада была дополнена новыми элементами в рамках различных подходов. Наибольшей популярностью среди российских исследователей в настоящий момент пользуется модель, расширяющая спектр «мягкой силы» за счет таких компонентов, как привлекательность национальной системы образования (в первую очередь высшего) для граждан других государств и инновационный характер экономики [Смирнов, Кохтюлина, 2012: 57].

В настоящее время «мягкая сила» чаще всего рассчитывается с помощью интеграции показателей, уже зафиксированных в рамках определенных индексов и лишь дополняемых данными социологии. В качестве примеров применения такого подхода можно привести рейтинг «мягкой силы» «Monocle Magazine» и совместный проект компании «Ernst & Young» и Института исследования быстроразвивающихся рынков «Сколково» [Песцов, Бобыло, 2015: 108]. При всех достоинствах данного подхода (таких как широкое применение количественных методов и опора на эмпирический материал, доступный для верификации и фальсификации) необходимо отметить, что по целому ряду причин его адекватность можно поставить под сомнение.

Методика расчета многих индексов спорна, а составителей даже самых авторитетных рейтингов не раз обвиняли в политической ангажированности или преследовании определенных коммерческих интересов. Индексы и рейтинги давно уже превратились в инструмент накопления «charts power» или «index power», т.е. обрели во многом манипулятивный характер. В качестве иллюстраций можно привести следующие эпизоды. В соответствии с рейтингами Всемирного банка за 2010–2011 гг. уровень политической стабильности России оказался вдвое ниже, чем у «предреволюционного» Туниса, а компания «Maplecroft» в своем «Индексе политического риска» за 2011 г. включила РФ в десятку стран с экстремальным уровнем политических рисков [Иванов, Иванова, 2015: 51]. Такие структуры, как «Moody's», «Standard & Poor's» и «Fitch», неоднократно подвергались критике со стороны властей США, государств ЕС и Еврокомиссии. Более того, с этой критикой в итоге согласились

сами компании. В частности, руководство агентства «Moody's» официально признало ошибки в составлении рейтингов ценных бумаг в 2000-х годах и выплатило американским властям штраф в размере 864 млн долл.¹ Перечисленные эпизоды наглядно подтверждают недопустимость безусловного доверия к подобным рейтингам. Кроме того, необходимо помнить о том, что достоверность рейтинговых оценок ставит под сомнение и целая череда крупных ошибок, допущенных при анализе устойчивости национальных экономик за последнее десятилетие. В частности, упомянутые агентства «большой тройки» не смогли диагностировать развитие кризисных тенденций в экономике в 2008, 2010 и 2012 гг., что серьезно подорвало их авторитет [Иванов, Иванова, 2015: 51].

Не следует забывать и о специфике методов составления конкретных рейтингов. Например, как отмечает Е.М. Харитонова, при подготовке рейтинга «Monocle Magazine» результатам массовых опросов придается второстепенное значение. При этом корректность самой процедуры социологического исследования весьма спорна: объем выборки в ходе опроса, проводимого в 20 странах мира, составляет 7500 человек. Для сравнения: результаты всероссийских исследований отечественного «трио полстеров» (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр) основываются на выборках размером около 1500–1600 человек. Иными словами, сама репрезентативность выборки, изученной в процессе составления рейтинга, может быть поставлена под сомнение с учетом размеров генеральной совокупности².

Закономерным результатом обозначенных обстоятельств становится появление отчетов, содержание которых невольно провоцирует недоверие со стороны экспертного сообщества. Откровенное недоумение вызывает, например, рейтинг компании «Portland» за 2015 г., в котором Китай занял лишь 30-е место, уступив Турции, Чехии, Польше, Новой Зеландии и Австралии. Последние две страны при этом заняли 16-е и 6-е места соответственно³.

* * *

Перечисленные проблемы заставляют задуматься о возможности создания альтернативы существующим моделям оценки «мягкой силы». На первый взгляд, ее (а точнее, ее реализованный потенциал)

¹ Буревестники кризиса. Как действия рейтинговых агентств привели мир к финансовому краху // Lenta.ru. 17.01.2017. Доступ: <https://lenta.ru/articles/2017/01/17/rating/> (дата обращения: 22.02.2018).

² Харитонова Е.М. Рейтинг «мягкой силы» The Soft Power 30 // ИМЭМО. 22.07.2015. Доступ: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1773 (дата обращения: 22.02.2018).

³ Overall Ranking 2015 // Soft Power. Available at: https://softpower30.com/?country_years=2015 (accessed: 26.02.2014).

можно было бы измерить путем проведения комплексных социологических исследований, в которых применение количественных методов комбинировалось бы с использованием методов качественных. Однако перспективность этого подхода также вызывает сомнения. Необходимо учитывать, что, по справедливому замечанию С.К. Песцова и А.М. Бобыло, сама операционализация понятия «мягкая сила» на сегодняшний день остается не вполне ясной для экспертного сообщества, и это в принципе затрудняет измерение данного явления путем проведения социологического исследования [Песцов, Бобыло, 2015: 114].

Нужно также понимать, что реализация подобного проекта потребовала бы регулярных (и весьма существенных) финансовых вливаний. Размеры репрезентативной выборочной совокупности в рамках исследования такого масштаба должны носить поистине «астрономический» характер, в силу чего одно лишь проведение массового опроса потребует значительных затрат. Решить эту проблему можно было бы путем включения компактного блока вопросов в анкету крупного полстера, проводящего еженедельные и ежемесячные опросы общенационального уровня. Такого рода практики распространены достаточно широко. Российский ВЦИОМ, в частности, предоставляет подобные услуги, включая оплаченные блоки в анкеты опросов «Спутник» и «Экспресс». Однако, во-первых, разработчику вопросов все равно придется пойти на существенные затраты. Чем больше оплачивается опрос, тем, как правило, выше он находится в анкете. Соответственно попытка сэкономить может обернуться размещением соответствующих вопросов только ближе к концу оплаченной анкеты. Как следствие, увеличатся риски того, что уставший респондент ответит на них «автоматически» либо его состояние иным образом будет способствовать искажению информации (например, он неправильно поймет содержание вопроса). Во-вторых, компактный блок вопросов даст лишь ограниченный набор данных, что существенно уменьшит возможность их интерпретации (значительная часть выводов будут носить характер гипотез)⁴.

Кроме того, потребовалось бы заранее нейтрализовать факторы, традиционно снижающие результативность социологических изысканий: стремление респондента дать социально одобряемый ответ, наличие внутри генеральной совокупности группы «молчунов», упорно не желающих делиться собственным мнением, и т.д.

⁴ Ежемесячный всероссийский опрос «Экспресс» // ВЦИОМ. Доступ: <https://wciom.ru/index.php?id=34> (дата обращения: 17.04.2018); Ежедневный всероссийский опрос «СПУТНИК» // ВЦИОМ. Доступ: <https://wciom.ru/research/research/sputnik> (дата обращения: 17.04.2018).

Тот факт, что перечисленные проблемы влияют на результаты исследований, подтверждается очевидными ошибками, допущенными социологами в ходе президентских выборов в США в 2016 г. (и проходивших ранее праймериз республиканцев), парламентских выборов в Израиле в 2015 г., выборов в Палату представителей Конгресса Соединенных Штатов в 2014 г., выборов мэра Москвы в 2013 г. и т.д. Принципиально важно подчеркнуть, что речь идет не просто о расхождении общих официальных результатов с прогнозами социологов (разница между ними в ряде случаев равна допустимой погрешности). В частности, по итогам президентских выборов в США значительное несоответствие прогнозируемых и реальных результатов было зафиксировано в штатах Огайо и Флорида (в совокупности дающих 47 голосов выборщиков из 538). В Огайо Х. Клинтон, которой предрекали победу в этом штате, получила менее 44% голосов. Во время референдума относительно выхода Великобритании из Евросоюза в Шотландии и северных графствах Англии явка также оказалась заметно выше ожидаемой, что в итоге сказалось на результатах голосования⁵. Накануне выборов мэра Москвы ФОМ прогнозировал явку в районе 45%, но в реальности на избирательные участки пришли 32% избирателей⁶. Особенно показателен пример расхождения между реальными данными и ожидаемым результатом в случае упомянутых выборов в парламент Израила: несоответствие было зафиксировано в том числе на уровне экзит-полов, они также существенно расходились с итогом голосования⁷. Нельзя обойти вниманием и парламентские выборы в Великобритании в мае 2015 г. Согласно результатам

⁵ Итоги референдума о членстве Великобритании в ЕС. Хроника событий // ТАСС. 23.06.2016. Доступ: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3392985> (дата обращения: 17.04.2018).

⁶ Глава ФОМ признал провал социологов при прогнозировании явки в Москве // Взгляд. 10.09.2013. Доступ: <https://vz.ru/news/2013/9/10/649628.html> (дата обращения: 17.04.2018).

⁷ Дональд Трамп победил Хиллари Клинтон. Как это было // Медуза. 08.11.2016. Доступ: <https://meduza.io/live/2016/11/08/den-i-noch-vyborov-v-ssha-onlayn> (дата обращения: 17.04.2018); Дональд Трамп победил на выборах в США // Эксперт. 09.11.2016. Доступ: <http://expert.ru/2016/11/9/velikaya-noyabrskaya-revolyuksiya/> (дата обращения: 17.04.2018); Триумф Трампа: почему американцы выбрали неожиданного президента // РБК. 10.11.2016. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/10/11/2016/58248aed9a7947829a862787> (дата обращения: 17.04.2018); Стенограмма дискуссии в Центре социологии управления и социальных технологий. Выборы в США и т.н. «кризис социологии» // Институт социологии РАН. Доступ: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2717 (дата обращения: 17.04.2018); Выборы в Москве. Социологический казус // ФОМ. 12.09.2013. Доступ: <http://fom.ru/blogs/11079> (дата обращения: 17.04.2018); Внезапный «Брекзит»: Что не так с опросами общественного мнения // Bird In Flight. 27.06.2016. Доступ: <https://birdinflight.com/ru/mir/20160627-cto-ne-tak-s-oprosami-obshhestvennogo-mneniya.html> (дата обращения: 17.04.2018).

соцопросов консерваторы и лейбористы могли рассчитывать на приблизительно равное количество мест в Палате общин, однако в итоге тори получили 331 мандат, а соратники Э. Милибэнда — лишь 232⁸.

Взаимосвязь перечисленных «факторов ошибки» и случаев значительного снижения достоверности массовых опросов хорошо иллюстрирует кейс выборов президента Соединенных Штатов в 2016 г. Многие респонденты боялись открыто признаться в поддержке Д. Трампа (имела место так называемая проблема культурного доминирования). При этом социологи уделили недостаточно внимания опросу граждан, уклоняющихся от участия в социологических исследованиях, среди которых была весьма велика доля «красношеих» американцев, в массе своей поддерживавших кандидата от республиканцев. В то же время в выборке возник перекокс в сторону потенциальных сторонников Х. Клинтон (представители среднего класса с высшим образованием, обладающие материальным достатком), которые более охотно участвовали в опросах. Возникшая диспропорция не была должным образом устранена путем взвешивания результатов⁹.

Серьезные риски связаны и с корректностью перевода вопросов: малейшее искажение формулировок легко может спровоцировать непредусмотренную или неожиданную реакцию со стороны респондента. Неслучайно в инструкциях для интервьюеров (в частности, российских полстеров) четко записан запрет на любое искажение как самой формулировки вопроса, так и вариантов ответа (если речь идет о закрытом вопросе). Например, термин, используемый в русскоязычном варианте текста, не должен быть заменен на синоним, имеющий иную ценностную окраску, или же на политкорректный эвфемизм. Необходимо также учитывать уровень знаний жителей зарубежных стран относительно ситуации на постсоветском пространстве: для достаточно большого числа респондентов, например, понятие «русский» ассоциируется со всеми без исключения выходцами из бывших союзных республик. Следует помнить и о том, что реализация такого рода проекта непременно потребует от организаторов обращения к услугам зарубежных компаний-аутсорсеров, значительная часть которых аффилированы с местными политическими структурами.

⁸ Консервативный мандат на пять лет // Эксперт. 18.05.2015. Доступ: <http://expert.ru/expert/2015/20/konservativnyj-mandat-na-pyat-let/> (дата обращения: 17.04.2018).

⁹ Труд социологов дискредитировали ошибки на выборах президента США и Brexit // URA.ru. 14.11.2016. Доступ: <https://ura.news/news/1052267568> (дата обращения: 17.04.2018).

Отдельные эксперты-практики предлагают иной способ решения проблемы. Так, директор Фонда прогрессивной политики О.В. Бондаренко предлагает использовать для оценки уровня «мягкой силы» России результаты выборов. В соответствии с этим подходом уровень поддержки избирателями «пророссийски настроенных» партий и кандидатов должен отображать количественные характеристики «мягкой силы» Кремля на данной территории¹⁰. Этот подход весьма удобен, однако корректность его применения вызывает большие вопросы.

Во-первых, он игнорирует саму теорию, концептуальное понимание «мягкой силы», во многом упрощая это понятие. Данный термин интерпретируется исключительно как возможность косвенным образом влиять на политику других государств с помощью электоральных процедур. При этом не принимается во внимание наличие у «мягкой силы» таких структурных элементов, как система образования (в первую очередь высшего) и популярная культура (детерминирующая в том числе образ жизни и идентичность реципиента). Во-вторых, сторонники «электорального подхода» (помимо О. Бондаренко среди них также можно упомянуть М. Голованова и И. Гращенкова) не могут привести эмпирически обоснованного доказательства того, что между количеством голосов, отданных за кандидата или партию, и его позицией по отношению к России существует высокий коэффициент корреляции. Тем самым игнорируется возможность того, что уровень поддержки «пророссийского» актора может обуславливаться принципиально другими факторами, например его позицией по вопросам внутренней политики¹¹.

Заслуживает внимания то, что сторонники указанного подхода апеллируют преимущественно к опыту изучения результатов выборов в странах, в которых проживают много выходцев из бывшего СССР (Германия, Израиль, США). Понимание сущности «мягкой силы» России в данном случае фактически сужается до воздействия на результаты выборов через мобилизацию диаспоры (лояльность которой к официальным российским властям может служить поводом для дискуссий). И это закономерно ставит под вопрос универсальность данного подхода к измерению уровня «мягкой силы». Наконец, стоит помнить о том, что ее влияние зачастую распро-

¹⁰ Семинар «“Мягкая сила” России: сильные и слабые стороны» // ИСТИНА. Доступ: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/96607663/> (дата обращения: 22.02.2018).

¹¹ Бондаренко О., Голованов М., Гращенков И. После Меркель: «Гибель богов» немецкой политики // Фонд прогрессивной политики. 27.10.2017. Доступ: <https://progresspolicy.ru/posle-merkel-gibel-bogov-nemetskoj-politiki/> (дата обращения: 17.04.2018).

страняется на широкую аудиторию, не испытывающую особого интереса к участию в публичной политике (примером этого могут служить поклонники японской и корейской массовой культуры в России и странах Запада)¹².

Впрочем, следует признать, что эпизодически сторонники «электорального подхода» пытаются расширить границы сформулированного ими определения «мягкой силы». Например, О.В. Бондаренко предлагает использовать для продвижения интересов России на международной арене такие политические бренды, как «консерватизм» и «коммунизм», которым он дает оригинальную трактовку. В первом случае речь идет о формировании и последующем продвижении образа России как государства, выступающего в защиту «традиционных ценностей», во втором — об использовании памяти о Советском Союзе, восприятия РФ в качестве «наследника» СССР. Однако практические предложения, сформулированные в рамках данной концепции, опять же обращены преимущественно к зарубежным элитам. Речь ведется преимущественно о сотрудничестве с политическими партиями правого и левого толка¹³.

* * *

Еще один способ измерения и оценки «мягкой силы» — применение методов киберметрии. Ее инструменты позволяют на сегодняшний день исследовать не только большинство электронных социальных медиа, но и традиционные СМИ, все более ориентирующиеся на формат интернет-изданий. В пользу этого метода говорит в первую очередь стремительный рост уровня информатизации и диджитализации всех сфер человеческой жизни, который позволит уже в ближайшие десятилетия сделать возможной экстраполяцию данных, полученных при изучении интернет-контента, на все население в большинстве стран мира. Помимо этого следует отметить, что методики, применяемые в ходе киберметрического анализа, строго соответствуют принципам бихевиоризма, а это гарантирует высокий уровень достоверности полученных данных [Бродовская и др., 2017: 103, 104; Мицкевич, 2017: 120].

В то же время необходимо помнить о том, что использование киберметрии также ограничивается рядом барьеров (здесь и далее автор опирается на собственный опыт проведения киберметрических исследований с помощью сервисов мониторинга социальных медиа «IQbuzz» и «Медиалогия», данные технического директора

¹² Семинар «“Мягкая сила” России: сильные и слабые стороны» // ИСТИНА. Доступ: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/96607663/> (дата обращения: 22.02.2018).

¹³ Там же.

ООО «Технологии репликации» В.С. Березуцкого¹⁴, на также на результаты обмена наблюдениями с сотрудниками лаборатории социального компьютеринга Института перспективных исследований МПГУ). В настоящий момент программное обеспечение еще не позволяет распознавать содержание видеоматериалов, что автоматически исключает из сферы охвата киберметрии значительную часть контента (зачастую тематические видеоролики даже не имеют ключевых слов поискового запроса в своем названии). Кроме того, существуют механизмы, ограничивающие доступ киберметрических сервисов к конкретным ресурсам. В частности, большинство существующих программ в принципе не способны считывать полную информацию с постов, размещенных в «Фейсбуке». Доступные исследователям программы не обладают способностью автоматически отделять записи, оставленные реально существующими людьми, от контента, размещенного с «фейковых» аккаунтов, идет ли речь о киберсимулякрах, управляемых людьми-операторами, или страницах, созданных нейросетями. Значительные риски несут и темпы развития последних. Велика вероятность того, что уже в среднесрочной перспективе нейросети будут способны создавать «ботов», полностью имитирующих поведение реального человека в социальных сетях. Обращает на себя внимание и несовершенство имеющихся алгоритмов кластеризации контента по событиям и оценки тональности сообщений. Это порождает необходимость привлечения к обработке первичного материала киберметрии людей-аналитиков (что подразумевает наличие существенных временных затрат). Наконец, нужно иметь в виду, что с учетом мультязычного характера поисковых запросов аналитикам при обработке выгрузки в обязательном порядке потребуются услуги переводчиков либо организатору исследования понадобятся одновременно несколько исследовательских коллективов, параллельно проводящих исследования в конкретных языковых сегментах масс-медиа.

* * *

На основании изложенного можно заключить, что ни один из подходов, потенциально применимых для оценки уровня «мягкой силы», в настоящий момент не соответствует жестким критериям объективности и достоверности. Как результат, все существующие рейтинги «мягкой силы» можно рассматривать как относительные, не имеющие абсолютного значения. Именно это обстоятельство,

¹⁴ Березуцкий В.С. Информационные технологии организации «цветных революций» и противодействия им // YouTube. 10.10.2017. Доступ: <https://www.youtube.com/watch?v=QBoZeWl7SM4> (дата обращения: 17.04.2018).

очевидно, служит источником формирующегося в экспертной среде запроса на модернизацию методики оценки «мягкой силы».

В данной ситуации представляется возможным вынести на обсуждение экспертного сообщества идею комбинирования перечисленных подходов. Интегральную оценку уровня «мягкой силы», например, можно выводить на основе сочетания индексов, отражающих объективные количественные показатели (такие как количество обучающихся в вузах студентов-иностранцев или объем зарубежных инвестиций в инновационные отрасли экономики), результатов качественных социологических исследований (фокус-групп и экспертных интервью) и данных киберметрических изысканий, базирующихся на изучении наиболее массовых традиционных медиа и самых «взвешенных», репрезентативных по отношению к общей структуре населения социальных сетей. Кроме того, весьма перспективной представляется идея изучения уровня «мягкой силы» с помощью методов киберметрии в рамках конкретных макросоциальных групп с учетом специфики их предпочтений относительно источников получения информации и способов проведения онлайн-досуга.

В настоящий момент методы киберметрии в принципе не применяются при изучении уровня «мягкой силы». Это само по себе снижает достоверность результатов исследований, а уже в среднесрочной перспективе может обернуться еще более негативными последствиями. Следует понимать, что по мере роста проникновения интернета и смены поколений уровень значимости «новых медиа» будет лишь возрастать, в силу чего по своему значению они уже больше не будут уступать телевидению, радио и периодической печати. В этих условиях представляется крайне важным заранее приспособить исследовательский инструментарий к меняющейся структуре коммуникационного пространства.

Отдельно также необходимо упомянуть о скрытых ресурсах киберметрии. Как правило, внимание исследователей сосредотачивается на социальных сетях и электронных версиях печатных изданий. При этом совершенно игнорируется то, что наращивание «мягкой силы» происходит не в последнюю очередь за счет экспорта массовой культуры. Музыка, кинематографические произведения, комиксы и книги – благодаря интернету все эти ресурсы стали гораздо более доступны. Торрент-трекеры представляют собой не просто инструмент нарушения авторских прав. Это также средство получения контента, который иным образом для большинства пользователей практически недоступен. В частности, именно благодаря такого рода ресурсам в Россию активно проникает культура стран Восточной Азии (в форме дорам, манги, аниме и т.д.).

Однако экспертное сообщество до сих пор не обращалось к данному вопросу.

Как представляется, перечисленные меры принесут ожидаемый результат лишь в случае, если само понятие «мягкая сила» обретет больший уровень конвенциональности и станет наконец доступно для полноценной операционализации. Необходимым условием для этого является организация диалога на международном уровне как среди представителей экспертного сообщества, так и между специалистами-практиками. В качестве оптимальных площадок для этого могли бы выступить существующие международные и национальные объединения политологов и политконсультантов. Впрочем, необходимо признать, что даже если по какой-либо причине такого рода дискуссия будет инициирована, не существует гарантии ее завершения в конструктивном ключе. Наконец, следует понимать, что решение вопросов на столь высоком уровне вполне может растянуться на десятилетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакина А. США: к вопросу о «мягкой» и «жесткой» силе в условиях глобального доминирования // Власть. 2007. № 7. С. 92–98.

2. Бокова Ю.И. «Мягкая сила» во внешней политике Республики Корея // Дневник АШПИ. 2017. № 33. С. 93–97.

3. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н., Синяков А.В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5 (141). С. 79–104.

4. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пономарев Н.А., Шаповалов В.Л. Технология организации движения ЭлектрикЕреван-2015: результаты анализа интернет-контента // Локус. Люди. Общество. Культуры. Смыслы. 2016. № 1. С. 57–67.

5. Вахрушева М.А. «Мягкая сила» во внешней политике Катара // Дневник АШПИ. 2017. № 33. С. 98–101.

6. Громько А.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 3–19.

7. Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США и Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 1. С. 3–24.

8. Звягина Д.А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 135–137.

9. Иванов В.Г., Иванова М.Г. «Charts power» – страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Часть I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 2. С. 36–51.

10. Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. Политические исследования. 2008. № 2. С. 122–135.

11. Кривохиж С.В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2012. № 3. С. 103–112.

12. Курылев К.П., Никулин М.А., Гончарова А.А. «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 46–55.

13. Леонова О.Г. «Мягкая сила», ее индикаторы и инструменты измерения // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 2. № 2. С. 15–23.

14. Лю Ц. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149–155.

15. Мицкевич А. К вопросу о сущности и истоках политической медиаметрии // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2017. № 16. С. 109–121.

16. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 91–97.

17. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 14–21.

18. Песцов С.К., Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 108–114.

19. Русакова О.Ф., Бочаров А.В. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теории soft power, управляемого хаоса и медиатизации политики // Социум и власть. 2014. № 4. С. 42–47.

20. Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. М.: ВНИИгеосистем, 2012.

21. Соловьев Э.Г. «Человеческая безопасность» и «мягкая сила» во внешней политике РФ // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 72–77.

22. Филимонов Г.Ю. Стратегия национальной культурной безопасности и «мягкая сила» современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 3. С. 61–72.

23. Харитоновна Е.М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1 (26). С. 5–20.

24. Харитоновна Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 48–58.

25. Чугров С.В. Мягкое притяжение Японии // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 53–67.

26. Chong A. Foreign policy in global information space. Actualizing soft power. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.

27. Fan Y. Soft power: Power of attraction or confusion? // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2008. Vol. 4. No. 2. P. 147–158.

28. Keohane R., Nye J. Power and interdependence. World politics in transition. Boston: Little Brown and Company, 1977.

29. Kounalakis M., Simonyi A. The hard truth about soft power // *Perspectives on Public Diplomacy*. 2011. No. 5. P. 69–80.

30. Mattern B.J. Why soft power isn't so soft: Representational force and the sociolinguistic construction of attraction in world politics // *Millennium: Journal of International Studies*. 2005. Vol. 33. No. 3. P. 583–612.

31. Nye J. The future of power. New York: Public Affairs, 2011.

32. Nye J.S. Soft power // *Foreign Policy*. 1990. No. 80. P. 153–171.

33. Whiton C. Smart power between diplomacy and war. Washington: Potomac Books Inc., 2013.

S.I. Belov

METHODS OF MEASURING 'SOFT POWER'

*The Victory Museum,
10 Brothers Fonchenko str., Moscow, 121170*

Examination of both theoretical and practical aspects of 'soft power' is currently one of the most dynamic research fields within studies of power in international relations. Much of scholarly attention is drawn to various indexes and ratings, designed to evaluate the 'soft power' of the leading actors of world politics. However, credibility and relevance of their respective methodologies continue to raise concern. This paper addresses the most common approaches to measuring 'soft power'. With concrete examples the author examines the strengths and weaknesses of sociological and 'electoral' approaches, as well as technical capacities and limitations of cybermetrics intended to measure the level of 'soft power' of an international actor. The author concludes that none of these methods could be a single most effective means of assessing 'soft power', and a combination of rating research, sociological approach and cybermetrics seems most appropriate and promising. An integral index of 'soft power' should be inferred by a combination of quantitative indexes, representing objective indicators, interviews with experts and focus groups, and cybermetrics, based on the study of the most representative media, both traditional and social media. The author emphasizes that the outlined measures could bring expected results only if the notion of 'soft power' becomes more conventional and fully operational. This, however, will require a dialogue among experts at the international level.

Keywords: international relations theory, 'soft power', power potential, 'soft power' ratings, cybermetrics analysis, rating agency.

About the author: *Sergey I. Belov* – PhD (History), Academic Secretary, The Victory Museum (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

REFERENCES

1. Bakina A. 2007. SShA: k voprosu o 'myagkoi' i 'zhestkoi' sile v usloviyakh global'nogo dominirovaniya [The United States: 'Soft' and 'hard' power in situation of global domination]. *Vlast'*, no. 7, pp. 92–98. (In Russ.)
2. Bokova Yu.I. 2017. 'Myagkaya sila' vo vneshnei politike Respubliki Koreya ['Soft power' in foreign policy of the Republic of Korea]. *Dnevnik AShPI*, no. 33, pp. 93–97. (In Russ.)
3. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Karzubov D.N., Sinyakov A.V. 2017. Razvitie metodologii i metodiki intellektual'nogo poiska tsifrovyykh markerov politicheskikh protsessov v sotsial'nykh media [Developing methodology for 'smart' search for political process markers in social media]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 5 (141), pp. 79–104. (In Russ.)
4. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Ponomarev N.A., Shapovalov V.L. 2016. Tekhnologiya organizatsii dvizheniya ElektrikErevan-2015: rezul'taty analiza internet-kontenta [Organization technology of ElektrikErevan-2015 movement: Results of the Internet content analysis]. *Lokus. Lyudi. Obshchestvo. Kul'tury. Smysly*, no. 1, pp. 57–67. (In Russ.)
5. Vakhrusheva M.A. 2017. 'Myagkaya sila' vo vneshnei politike Katara ['Soft power' in foreign policy of Qatar]. *Dnevnik AShPI*, no. 33, pp. 98–101. (In Russ.)
6. Gromyko A.A. 2014. 'Myagkaya sila' i sila prava: k postanovke problemy ['Soft power' vs power of law: Introductory essay]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 3, pp. 3–19. (In Russ.)
7. Davydov Yu.P. 2007. 'Zhestkaya' i 'myagkaya' sila v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Hard power and soft power in international relations]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 1, pp. 3–24. (In Russ.)
8. Zvyagina D.A. 2012. 'Myagkaya sila': strukturnyi analiz ['Soft power': Structural analysis]. *Initsiativy XXI veka*, no. 3, pp. 135–137. (In Russ.)
9. Ivanov V.G., Ivanova M.G. 2015. 'Charts power' – stranovye reitingi kak ekonomicheskoe oruzhie i instrument myagkoi sily. Chast' I ['Charts power' – international ratings as an economic weapon and a tool of soft power. Part I]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, no. 2, pp. 36–51. (In Russ.)
10. Kazantsev A.A., Merkushev V.N. 2008. Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya 'myagkoi sily' [Russia and the post-Soviet space: Perspectives of applying 'soft power']. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 122–135. (In Russ.)
11. Krivokhizh S.V. 2012. 'Myagkaya sila' i publichnaya diplomatiya v teorii i vneshnepoliticheskoi praktike Kitaya [Soft power and public diplomacy in theory and foreign policy of China]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*, no. 3, pp. 103–112. (In Russ.)
12. Kurylev K.P., Nikulin M.A., Goncharova A.A. 2017. 'Myagkaya sila' kul'turnoi diplomatii islamskoi respubliki Iran [The 'soft power' of cultural diplomacy of the Islamic Republic of Iran]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo*

oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki, no. 2, pp. 46–55. (In Russ.)

13. Leonova O.G. 2017. ‘Myagkaya sila’, ee indikatory i instrumenty izmeneniya [‘Soft power’, its indicators and measurement tools]. *Ekonomika i upravlenie: Problemy, resheniya*, vol. 2, no. 2, pp. 15–23. (In Russ.)

14. Liu Z. 2009. ‘Myagkaya sila’ v strategii razvitiya Kitaya [‘Soft power’ in China’s development strategy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 149–155. (In Russ.)

15. Mitskevich A. 2017. K voprosu o sushchnosti i istokakh politicheskoi mediametrii [On the essence and origins of political mediametry]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly*, no. 16, pp. 109–121. (In Russ.)

16. Panova E.P. 2010. Sila privlekatel’nosti: ispol’zovanie ‘myagkoi vlasti’ v mirovoi politike [Power of attraction: The use of ‘soft power’ in world politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 4, pp. 91–97. (In Russ.)

17. Parshin P.B. 2014. Dva ponimaniya ‘myagkoi sily’: predposylki, korrelyaty i sledstviya [Two understandings of ‘soft power’: Prerequisites, correlates, and consequences]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 2, pp. 14–21. (In Russ.)

18. Pestsov S.K., Bobylo A.M. 2015. ‘Myagkaya sila’ v mirovoi politike: problema operatsionalizatsii teoreticheskogo kontsepta [‘Soft power’ in contemporary world politics: Theoretical concept operationalization issue]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 2 (34), pp. 108–114. (In Russ.)

19. Rusakova O.F., Bocharov A.V. 2014. Kontseptual’nye osnovaniya strategii tsvetnoi revolyutsii: teorii soft power, upravlyаемого khaosa i mediatizatsii politiki [Conceptual bases of color revolution’s strategy: Theories of soft power, controlled chaos, and policy mediatizing]. *Sotsium i vlast’*, no. 4, pp. 42–47. (In Russ.)

20. Smirnov A.I., Kokhtyulina I.N. 2012. *Global’naya bezopasnost’ i ‘myagkaya sila 2.0’: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii* [Global security and ‘soft power 2.0’: Challenges and opportunities for Russia]. Moscow, VNIIGeosistem Publ. (In Russ.)

21. Solov’ev E.G. 2010. ‘Chelovecheskaya bezopasnost’ i ‘myagkaya sila’ vo vneshnei politike RF [‘Human security’ and ‘soft power’ in the foreign policy of Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 4, pp. 72–77. (In Russ.)

22. Filimonov G.Yu. 2010. Ctrategiya natsional’noi kul’turnoi bezopasnosti i ‘myagkaya sila’ sovremennoi Rossii [Strategy of national cultural security and modern Russia’s ‘soft power’]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 61–72. (In Russ.)

23. Kharitonova E.M. 2017. ‘Myagkaya sila’ Velikobritanii: sravnitel’nyi analiz mekhanizmov, instrumentov i praktik [British ‘soft power’: Comparative analysis of instruments, mechanisms, and practices]. *Sravnitel’naya politika*, vol. 8, no. 1 (26), pp. 5–20. (In Russ.)

24. Kharitonova E.M. 2015. Effektivnost’ ‘myagkoi sily’: problema otsenki [Soft power effectiveness: Problem of evaluation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 6, pp. 48–58. (In Russ.)

25. Chugrov S.V. 2015. Myagkoe prityazhenie Yaponii [Soft attraction of Japan]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 53–67. (In Russ.)
26. Chong A. 2007. *Foreign policy in global information space. Actualizing soft power*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.
27. Fan Y. 2008. Soft power: Power of attraction or confusion? *Place Branding and Public Diplomacy*, vol. 4, no. 2, pp. 147–158.
28. Keohane R., Nye J. 1977. *Power and interdependence. World politics in transition*. Boston, Little Brown and Company.
29. Kounalakis M., Simonyi A. 2011. The hard truth about soft power. *Perspectives on Public Diplomacy*, no. 5, pp. 69–80.
30. Mattern B.J. 2005. Why soft power isn't so soft: Representational force and the sociolinguistic construction of attraction in world politics. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 33, no. 3, pp. 583–612.
31. Nye J. 2011. *The future of power*. New York, PublicAffairs.
32. Nye J.S. 1990. Soft power. *Foreign Policy*, no. 80, pp. 167.
33. Whiton C. 2013. *Smart power between diplomacy and war*. Washington, Potomac Books Inc.